

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Постоянный представитель Польской Академии наук
при Российской Академии наук

**ПОЛЬСКИЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ
СИБИРИ**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 908(571.1/5)-051(=162.1)

ББК 26.89(253)

П 538

Ответственные редакторы

В. С. Шостакович, М. Волос, П. Глушковский

П538 Польские исследователи Сибири. – СПб.: Алетейя, 2011.
– 168 с.: ил.

ISBN 978-5-91419-554-7

Настоящий сборник включает материалы научной конференции по вопросам истории научных исследований поляков в обширном зауральском пространстве Российского государства в XIX – первой половине XX столетий, состоявшейся в Иркутске 20 ноября 2008 г.

В книге реализуется ряд задач. Среди них – воссоздание отдельных до настоящего времени малоизвестных и почти не разработанных в историографии биографий ученых в Сибири – собственно поляков либо прямых потомков последних. Внимания заслуживают как фрагментарные темы, рассматривающие отдельные сюжеты, так и обобщающие исследования, посвященные классическому периоду XIX – начала XX вв. и современной польской историографии. В книге рассмотрены роль и место поляков в научном познании земли сибирской.

Данный коллективный труд найдет заинтересованных читателей в лице не только специалистов-историков, но и всех, кто интересуется историей Сибири и русско-польских отношений.

УДК 908(571.1/5)-051(=162.1)

ББК 26.89(253)

ISBN 978-5-91419-554-7

9

© Коллектив авторов, 2011

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

Предисловие

Мне доставляет особенную радость тот факт, что выходит в свет сборник статей, содержащий итоговые материалы научной конференции, посвященной польским исследователям Сибири проведена в ноябре 2008 г. в Иркутске.

XIX век является для историка одним из самых интересных периодов в польско-российских отношениях. С одной стороны, это время борьбы поляков за независимость, период восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. и связанных с ними ссылок, которые остались в исторической памяти обоих народов. Но это только одна сторона польско-российских отношений. Нельзя забывать, что поляки и русские всегда умели находить общий язык и неоднократно боролись за единые цели. Одной из областей, в которой поляки и русские сотрудничали, несмотря на геополитические обстоятельства, была наука.

Нет сомнений, что поляки в большой степени повлияли на развитие Российской империи. Это видно на примере Сибири, в которой в XIX в. пересекались друг с другом многие польские и русские ссыльные, местные народы покоренной Сибири, а также другие люди, которые решили добровольно туда переехать.

Поляки очень активно влияли на экономическое и культурное развитие Сибири. Для многих из них Сибирь стал новой родиной. У них не было возможностей, чтобы реализовать свои мечты в Польше, поэтому свою энергию они использовали на благо Сибири и ее жителей. Из источников видно, что поляки были хорошими и трудолюбивыми врачами, учителями, чиновниками и общественными деятелями Сибири. Многие из них занимались языками и культурой местных жителей. Их внимание привлекали также география и биология Сибири.

В 2008 г., когда я стал Генеральным консулом Республики Польша в Иркутске, я сразу подумал о проведении конференции, которая показала бы широкую панораму польских исследователей Сибири и заодно актуальность этой проблемы. Идея конференции была одобрена и поддержана проф. Б.С. Шостаковичем (ИГУ) и проф. М. Волосом (Постоянный представитель ПАН при РАН).

Стоит заметить, что проведение конференции нам удалось соединить с открытием выставки «Поляки — исследователи Сибири» в Иркутском областном краеведческом музее, подготовленной Архивом Польской Академии наук.

Конференция показала, что тема польских исследователей Сибири интересна для историков, архивистов, географов, этнологов, филологов, ориенталистов и биологов. Я уверен, что сборник вызовет интерес и отклики у профессионалов и любителей, занимающихся проблемой поляков в Сибири, а тема польских исследователей Сибири найдет продолжение в следующих конференциях, семинарах и общих польско-российских научных проектах.

*Петр Маргиняк,
заместитель посла Республики Польша в Российской Федерации*

Изучение истории участия поляков в научном освоении Сибири: новейшие результаты и перспективы

Настоящий сборник включает материалы научной конференции по вопросам истории научных исследований поляков в обширном зауральском пространстве Российского государства в XIX — первой половине XX столетий, состоявшейся в Иркутске 20 ноября 2008 г. Конференция была задумана ее организаторами как встреча российских и польских специалистов разных научных специальностей с целью обмена выявленной новой информацией, свежими научными представлениями, касающимися разработки и осмысления темы, в исторической науке уже довольно устоявшейся вместе с достаточно традиционными ее трактовками и конкретными содержательным наполнением.

Иркутская конференция явилась также и значимой общественно-научной и культурно-просветительской акцией. Она была приурочена своими организаторами к исполнявшемуся в тот момент 90-летию восстановления независимости Польского государства. Это было сделано отнюдь не случайно. Очевидно, что большинство видных исследователей Сибири из среды поляков в период до 1918 года к указанному знаменательному событию истории Польши было причастно самым непосредственным образом. Остальные же из них, хотя и не принявшие прямого участия в национально-освободительных выступлениях на польских землях в пору отсутствия их политической самостоятельности в силу своего возраста или иных обстоятельств, косвенно также проявили к этому событию сочувственное или даже откровенно позитивное отношение. Проведение конференции в Иркутске сопровождалось одновременным открытием в Иркутском областном краеведческом музее (в прошлом — Музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества) выставки «Поляки — исследователи Сибири». Эта подготовленная сотрудниками Архива Польской Академии наук в Варшаве обстоятельно документированная и иллюстрированная выставка представила зримый образ внушительных масштабов указанного исторического явления.

В связи со всем сказанным необходимо отметить и высоко оценить организационные усилия и материальную поддержку Генерального консульства Республики Польша в Иркутске. Без таковых осуществление всего отмеченного выше едва ли бы стало возможным.

Непосредственное содержание выпускаемого в свет нынешнего сборника охватывает достаточно разнообразный сюжетный диапазон в обозначенных тематических рамках конференции.

В публикациях российских участников конференции реализуется ряд задач. Среди них — воссоздание отдельных до настоящего времени малоизвестных и почти не разработанных в историографии биографий ученых в Сибири — либо собственно поляков, либо прямых потомков последних. Они рассматриваются на фоне исторического развития сибирского региона, мест и условий, в которых герои указанных биографических очерков формировались как личности, а также с учетом конкретных факторов, определявших присутствие последних в данном регионе. В частности, нашел отражение и новый в историографии тематический аспект региональной локализации польского контингента в Сибири, представленный на примере главных центров размещения последнего на западе этой обширной территориальной части России в результате ссылок участников Январского польского восстания (в 60-х — начале 80-х гг. XIX в.). Уделено внимание и отдельным достаточно широко известным персоналиям польских ученых в Сибири, однако же рассмотренным в новых, нетипичных для традиционного их освещения ракурсах.

Работы польских коллег в основном посвящены фрагментарным сюжетным обобщениям темы — как в классический период XIX — начала XX века, так и применительно к текущей современной польской историографии, что является новацией, актуальной для настоящего времени. Ибо тем самым расширяется предмет и круг объектов научного исследования по рассматриваемой проблематике. В них вовлечены компоненты новейшей историографии последней, а также и соответствующего источниковедения.

Таким образом, иркутская конференция подтвердила очевидный интерес научной общественности к истории поляков в процессе становления и развития науки в Сибири. При этом ее участники выявили целый ряд новых аспектов данного исследовательского направления, нередко еще воспринимаемого с достаточной традиционалистских историографических позиций как давно устоявшийся и в основном уже изученный «классический жанр», от которого будто бы трудно ожидать новизны.

Вместе с тем пишущие эти строки погрешили бы против истины, не отметив и обнаруживаемую в ряде публикаций сборника, как российских, так и польских, весьма симптоматичную тенденцию, вызывающую естественную обеспокоенность. Имеется в виду явно недостаточная осведомленность отдельных исследователей о научной литературе,

вышедшей в целом за последние полтора-два десятилетия по рассматриваемой тематике за пределами их собственной страны, в научном пространстве страны-партнера. Отсюда и присутствующий в ряде материалов неизбежный параллелизм и недоучет значительной новой научной информации, в том числе и новых методологических позиций, обозначенных в последнее время в историографиях обеих стран.

Таким образом, материалы конференции свидетельствуют об имеющихся проблемах информационного и координационного характера в современных разработках как российских, так и польских исследователей по столь актуальной международной исторической теме. Конференция выявила этот объективный факт, из которого специалистам следует сделать неотложные выводы. На наш взгляд, очевидна необходимость проведения в ближайшем будущем принципиального российско-польского научного обсуждения накопившихся проблемных вопросов в русле историографии и источниковедения сибирско-польской истории. Его главной целью должно стать составление совместного скоординированного перспективного плана исследовательской работы историков в указанном тематическом направлении. Тем самым материалы иркутской конференции представляются важным шагом к практической реализации специалистами обеих наших стран более широкого и систематического сотрудничества в изучении указанной истории, в том числе и неотъемлемой ее составной части, — роли и места поляков в научном познании земли сибирской.

*Болеслав Шостакович,
Мариуш Волос,
Петр Глушковский*

Современные польские исследования по истории Сибири (Викторья Сливовская и Антони Кучиньский)

История присутствия поляков в России насчитывает более 400 лет. В Сибири они появились в XVI в., во времена царствования Ивана IV. На протяжении следующих двух веков количество побывавших там поляков росло, появились и первые упоминания о Сибири в польской литературе. Сложно назвать их исследованиями в современном понимании этого слова, однако благодаря трудам таких авторов, как Адам Длужик-Каменьский, Людвик Бонч-Сеницкий и Юзеф Копэць, Сибирь заняла определенное место в польском сознании.

Со временем в Сибири оказывалось (приезжало добровольно или было сослано) все больше и больше поляков. На протяжении XIX и начала XX вв. польские ученые особенно интенсивно исследовали Сибирь. Впоследствии интерес к сибирской теме уменьшился, но это не означает, что исследования Сибири прекратились.

Первые польские исследователи Сибири занимались, прежде всего, историей, культурой, традициями и религией местных жителей. Из-под их пера вышло много новаторских работ в области языкознания, культурологии и этнологии. По мере роста количества поляков в Сибири, начиная со второй половины XIX в., стали выходить также и сочинения о судьбе на ее территории самих поляков. Первым историографом истории польской ссылки можно назвать Агатона Гиллера¹.

Другим важным автором в изучении польско-сибирской истории можно считать Зыгмунта Либровича, который в 1884 г. издал работу *«Поляки в Сибири»*² — первую монографию подобного рода. Следующей заслуживающей внимания книгой является *«Судьба поляков в Сибири»*³ Михала Яника, увидевшая свет в 1928 г. Во время Второй мировой войны и в последующие десятилетия изучение польской ссылки становится опасной темой, которой мало кто занимался. Из работ этого

¹ Giller A. Podróż więźnia etapami do Siberii w roku 1854. Lipsk, 1866; *Idem*. Z wygnania. Lwów, 1870; *Idem*. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberii. Lipsk, 1867.

² Librowicz Z. Polacy w Syberji. Wrocław, 1993.

³ Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Wrocław, 1991.

периода стоит отметить имеющую большое значение книгу Владыслава Евсевицкого «*В сибирской ссылке*»¹ (1959 г.).

Возрождение интереса к исследованиям Сибири в польской историографии приходится на 1970-е гг. В это время появилось несколько интересных работ, среди которых «*Сибирские дороги*»² А. Кучиньского, «*Поляки на Байкале*»³ Хенрыка Скока, «*Польское население в России*»⁴ и «*История Сибири*»⁵ Зыгмунта Лукавского, а также «*Экспедиция Заливского и ее последствия 1833–1835*»⁶ Владимира Дьякова и Алексея Нагаева.

80-е и 90-е гг. принесли не меньшее количество ценных книг: «*Поляки в Восточной Сибири: политические ссыльные в период между восстаниями*»⁷ Франчишка Новиньского, подготовленные Стефаном Кеневицем к печати воспоминания З. Старыпиньского и К. Боровского «*Между Каменцем и Архангельском. Два дневника повстанцев*»⁸ и «*Сибирь: величайшая тюрьма мира*»⁹ Эльжбеты Качиньской (1991 г.).

Заслуживают внимания работы Збигнева Вуйчика, который не только возглавляет Комитет Сибирской комиссии науки и техники Польской Академии наук, но также переводит и издает классику польской научной литературы о Сибири. Значение деятельности З. Вуйчика для популяризации польско-сибирской темы не уступает заслугам В. Сливовской и А. Кучиньского. Он известен своими биографиями выдающихся польских исследователей Сибири: «*Александр Чекановский. Очерки о людях, науке и приключениях в Сибири*»¹⁰, «*Ян Черский — польский*

¹ *Jewsiewicki W.* Na syberyjskim zesłaniu. Warszawa, 1959.

² *Kuczyński A.* Syberyjskie szlaki. Wrocław, 1972.

³ *Skok H.* Polacy nad Bajkałem 1863–1883. Warszawa, 1974.

⁴ *Łukawski Z.* Ludność polska w Rosji. Wrocław, 1978.

⁵ *Idem.* Ludność polska w Rosji 1863–1914. Wrocław, 1978; *Idem.* Historia Syberii. Wrocław, 1981.

⁶ *Djakow W., Nagajew A.* Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832–1835). Warszawa, 1979.

⁷ *Nowiński F.* Polacy na Syberii Wschodniej: zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1994.

⁸ *Starorypiński Z., Borowski K.* Między Kamieńcem i Archangielskiem. Dwa pamiętniki powstańców. Warszawa, 1986.

⁹ *Kaczyńska E.* Syberia: największe więzienie świata. Warszawa, 1991.

¹⁰ *Wójcik Z.* Aleksander Czekanowski: szkice o ludziach, przyrodzie i nauce na Syberii. Lublin, 1982.

*исследователь Сибири»*¹ и «*Кароль Богданович — портрет исследователя Азии»*².

В перечне исследований истории поляков в Сибири необходимо упомянуть многочисленные работы польских этнологов во главе с Эльжбетой Новицкой.

Конечно, приведен далеко не полный список работ, которые вошли в «классику» научной литературы. Я лишь перечислил самые важные книги выпущенные в Польше, на которые ссылаются почти все польские исследователи темы. В данной статье речь пойдет о последних книгах Викторьи Сливовской и Антони Кучиньского, посвященных полякам в Сибири, в которых современные польские исследователи продолжают работу своих предшественников. Труды этих двух авторов служат сегодня незаменимым руководством для всех польских исследователей Сибири, не только историков, но и представителей других наук. Хотелось бы показать, как много они сделали и для научной разработки и для популяризации темы поляков в Сибири и какой большой интерес «сибириада» вызывает в Польше. Такого рода информация может быть полезной и для научного сообщества, а также и для польской диаспоры в России. К сожалению, как в Польше сложно найти книги, изданные в России (особенно в регионах Сибири), так и в России трудно найти не только польские книги, но даже упоминания о них. В результате зачастую польские исследователи Сибири не знают, какой проблематикой занимаются их российские коллеги, и наоборот, что приводит к неизбежному дублированию усилий с обеих сторон.

В. Сливовская и А. Кучиньский принадлежат к немногочисленному кругу польских ученых, которые контактируют с сибирскими коллегами. Занимаясь сибириадой более 35 лет, они внесли большой вклад в подготовку научных кадров и руководство польско-российским научными проектами. А. Кучиньский — редактор нескольких журналов, посвященных проблематике Сибири.

На протяжении последних десяти лет В. Сливовская явилась автором, соавтором или редактором семи книг по истории поляков в Сибири: «*Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века: биографический словарь*»³, «*Сибирь в жизни и памяти Гейшторов* —

¹ *Idem.* Jan Czernski — polski badacz Syberii. Lublin, 1986.

² *Idem.* Karol Bogdanowicz — szkic portretu badacza Azji. Wrocław, Warszawa, 1997.

³ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998.

ссыльные после Январского восстания: Вильно — Сибирь — Вятка — Варшава»¹, «Январское восстание 1863–1864: борьба и участники, репрессии и изгнание, историография и традиция»², «Побеги из Сибири»³, «Восстание польских каторжников на Кругобайкальском тракте: четыре сообщения — Вильгельм Бушкат, Петр Деренговский, Адам Ястшембский, Зыгмунт Одживольский»⁴ и последний трехтомник «Сибирский Дневник» Юльена Глаубича Сабиньского редактирован вместе с Яном Трынковским⁵. Воспоминания «Россия — наша любовь»⁶ написаны ею совместно с мужем Ренэ Сливовским. В 2008 г. Анна Брус подготовила библиографию научных работ В. Сливовской, благодаря которой можно ознакомиться с ее научной деятельностью на протяжении более полувека⁷.

Почти все свои книги В. Сливовская начинает с разъяснения, что поляки подразумевают под «Сибирью»: «Сибирь — это не географическое понятие, а совокупность пережитого польскими ссылными на огромных пространствах Российской царства. В этом смысле Сибирь (ментальная Сибирь) охватывает не только географическую территорию Сибири, но также Дальний Восток, киргизские степи, Пермскую и Архангельскую губернии, сегодняшнюю территорию Казахстана и практически все другие территории Российской империи и СССР, куда ссылались поляки»⁸.

В. Сливовская считает необходимым различать царскую ссылку и советские, в особенности сталинские, лагеря. По ее мнению, Россия до 1917 г. была авторитарным, а не тоталитарным государством. Как выглядел ГУЛАГ, поляки знают по книгам Густава Герлинга-Грудзиньского, Александра Солженицына и других бывших заключенных. Сливовская

¹ *Eadem*. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów — zesłańców postyczniowych: Wilno — Sybir — Wiatka — Warszawa. Warszawa, 2000.

² Powstanie Styczniowe 1863–1864 : walka i uczestnicy, represje i wygnanie, historiografia i tradycja / red. Caban W., Śliwowska W. Warszawa, 2005.

³ *Śliwowska W.* Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005.

⁴ *Brus A., Śliwowska W.* Wystąpienie polskich katorżników na trakcie okołobajkałskim: cztery relacje — Wilhelm Buszkat, Piotr Deręgowski, Adam Jastrzębski, Zygmunt Odrzywolski. Warszawa, 2007.

⁵ *Sabiński J.* Dziennik syberyjski / red. Śliwowska W., Trynkowski J. T. 1–3. Warszawa, 2009.

⁶ *Śliwowsky R. i W.* Rosja nasza miłość. Warszawa, 2008.

⁷ *Brus. A.* Bibliografia publikacji Wiktorii Śliwowskiej // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim / red. Niebielski E. Lublin-Warszawa, 2008.

⁸ Например *Śliwowska W.* Zesłańcy Polscy ..., S. VI.

убеждает читателей в том, что образ-кошмар из книг этих авторов ничем не похож на реалии XIX в.

В польском национальном сознании до сих пор существует мифологизированный образ ссыльного повстанца, которому очень трудно жить на чужбине и который всеми возможными способами пытается вернуться на родину. По мнению В. Сливовской, исследователям Сибири следует помнить о нескольких важных моментах:

1). Не все польские ссыльные были повстанцами. Многие поляки, сосланные в Сибирь, — уголовные преступники. Порой на своих сыновей доносили родители. Нельзя забывать также о том, что очень много поляков добровольно уехало в Сибирь. Поэтому оснований для огульной героизации сибирских поляков нет.

2). Большая часть ссыльных повстанцев не принуждалась к каторжным работам. В большинстве случаев после небольших сроков каторги повстанцы освобождались от тяжелой работы и становились учителями и чиновниками, спрос на которых был велик. Яркий пример тому — Роман Сангушко, который на французских картинах предстал пленником, закованным в цепи, а в действительности жил в квартире из трех комнат, состоял на службе, помогал бедным...

3). Многие ссыльные, благодаря своей предприимчивости и трудолюбию, вели в Сибири обеспеченную жизнь. Некоторым удавалось даже заработать большие деньги, которыми они могли обеспечить не только себя, но и своих близких. Есть примеры, когда по окончании срока или после бегства на родину, поляки добровольно возвращались в Сибирь.

4). Некоторые ссыльные получали от местных властей пособие, достаточное, чтобы не умереть от холода и голода. Для других сразу создавались рабочие места. Какая-то часть ссыльных жила на иждивении у своих богатых соотечественников, сосланных в Сибирь ранее. Смерть от голода случалась не чаще, чем на польских землях.

5). Большинство ссыльных поляков не помышляло о протесте, а тем более о восстании. Из воспоминаний Якуба Гейштора видно, что поляки, жившие в Усоле, считали бунт бессмысленным¹. Большинство повстанцев стремилось прожить срок осуждения честно и достойно.

6). Благодаря польским литераторам, начиная с великих романтиков Адама Мицкевича и Юльюша Словацкого, в польской историографии сложился миф о том, что почти все ссыльные пытались бежать из Сибири. Истории удачных побегов Ярослава и Пелагии Домбровских, Руфина Пётровского или же неудачного, но от того приобретшего романтиче-

¹ *Eadem*. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów ...

ский оттенок бегства Винценты и Альбины Мигурских знали не только в Польше, но почти во всей Европе. В действительности же на бегство решалось менее 1% ссыльных.

Книга воспоминаний «*Россия — наша любовь*» убедительно показывает, какое важное место в жизни четы Сливовских занимает Сибирь. Сибирская глава представляет читателю почти всех польских и большинство российских ученых, занимающихся Сибирью. В. Сливовская описывает свои путешествия в Иркутск, Томск, деревню Белосток. Она вспоминает также о трудностях, которые испытывали ученые, занимающиеся историей Сибири¹. В Народной Польше приходилось камуфлировать тематику работ. Например, Х. Скок свою книгу о сибирских судьбах повстанцев был вынужден назвать «*Поляки на Байкале*»: туристическое звучание заглавия удовлетворило цензуру. В. Дьяков и А. Нагаев издали в Польше книгу об «Омском заговоре» 1833 г. под нейтральным названием «*Экспедиция Заливского и ее последствия (1833–1835)*». В. Сливовская также указывает на научные проблемы, к которым могли бы обратиться молодые ученые: участие польских рабочих в строительстве Транссибирской магистрали, поляки в сибирских городах.

В. Сливовской посвящен сборник материалов конференции, которая состоялась в Люблине в Католическом университете им. Иоанна Павла II «*Судьбы ссыльных после восстания 1863–1864 гг. в Российской империи. К 140-летию польского Байкальского восстания 1866 г.*»². В числе почти трех десятков авторов сборника такие авторитетные ученые, как Збигнев Вуйчик, Болеслав Шостакович, Анджей Новак, Ян Трынковский и Эугеньюш Небэльский. В книгу также включены статьи молодых исследователей, которые продолжают дело В. Сливовской.

Антони Кучинский — автор не меньшего количества ценных исследований о Сибири. Среди наиболее известных его работ (помимо уже упомянутых выше): «*Два польских воспоминания из Сибири: XVII и XVIII века*»³, «*Сибирь: четыреста лет польской диаспоры: историко-культурная антология*»⁴, «*Католическая церковь в Сибири: история,*

¹ Śliwowsky R. i W. Rosja nasza miłość.... S. 403–462.

² Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Profesor Wiktorii Śliwowskiej / red. Niebielski E. Lublin–Warszawa, 2008.

³ Dwa polskie pamiętniki w Syberii: XVII i XVIII wiek. / red. Kuczyński A. Wrocław, 1996.

⁴ Idem. Syberia: 400 lat polskiej diaspory: antologia historyczno-kulturowa. Wrocław, 1995. Эта книга выходила еще несколько раз с исправлениями и дополнениями, последний раз под названием: Syberia: 400 lat polskiej diaspory: zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków: rys historyczny, antologia. Wrocław, 2007.

современность, будущее»¹, «Сибирь в истории и культуре польского народа»². Кроме того, А. Кучинский совместно с З. Вуйчиком издал значительное количество мемуаров польских ссыльных³. Он является редактором нескольких журналов по польско-сибирской проблематике, в которых публикуются исследователи как из Польши, так и из России: «*Literatura ludowa*», «*Kwartalnik Rady Naukowej Zarządu Głównego Związku Sybiraków*», «*Wrocławskie Studia Wschodnie*» и «*Zesłaniec*». Если добавить к этому большое количество организованных им конференций, то можно смело утверждать, что А. Кучинский — ведущий специалист по сибирской проблематике в польской науке.

А. Кучинский очерчивает широкий круг еще не исследованных тем:

1). Польская медицина в Сибири. В Польше известны Бенедикт Дыбовский или Флёрьян Ожешко — брат известной писательницы. В Якутии до сих пор жива память о поляках как искусных врачах.

2). Польские учителя в Сибири и вклад поляков в повышение образовательного уровня сибирского населения.

3). Польские строители Транссибирской магистрали.

4). История поляков в Томске. Уже издана книга Александра Мачеши о польской колонии в Томске⁴, но она далеко не исчерпывает этой темы. Исследований ждут и другие сибирские города, в которых жили и продолжают проживать поляки.

5). Жизнь и деятельность Альфонса Козелл-Поклевского.

6). Деятельность Альфонса Шанявского — основателя Народного университета в Москве. В России писали о просветительской и благотворительной деятельности Шанявского, но в Польше его имя забыто. Не все знают, что выпускниками университета Шанявского были поэт Сергей Есенин и революционер Сергей Лазо. Еще меньше исследована сибирская деятельность Шанявского. Он — один из ярких представителей поляков, добившихся успеха в России и внесших вклад в ее развитие.

А. Кучинский отмечает, что сложно назвать точное количество поляков, побывавших в Сибири за прошедшие 400 лет. Этой темой должны

¹ Kościół katolicki na Syberii: historia, współczesność, przeszłość. / red. Idem. Wrocław, 2002.

² Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / red. Idem Wrocław, 1998.

³ Ciecierski F. Znacniejszych przypadków pewnego z Syberii powrotnego Polaka w 1801 roku / red. Kuczyński A., Wójcik Z. Wrocław, Warszawa, 1998; *Lubicz Chojcecki K. Pamięć dzieł polskich: podróż i niepomyślny sukces Polaków* / red. Kuczyński A., Wójcik Z. Bagno, 1997; *Dziennik Józefa Kopcia brygadiera wojsk polskich.* / red. Kuczyński A., Wójcik Z. Wrocław, Warszawa, 1995.

⁴ *Maciesza A. Dzieje kolonii polskiej w Tomsku.* Płock, 1934.

заняться историки-статистики, причем разработка ее возможна только фрагментами, по частям. П. Бучинский подсчитал, что в 1614–1624 гг. в Сибири находилось 560 ссыльных поляков, а в 1593–1643 гг. их число достигало 1500 человек.

После восстания 1830–1831 гг. можно говорить о 20–30 тысячах ссыльных. Очень сложно подсчитать количество ссыльных между восстаниями. Согласно Х. Скоку, после восстания 1863–1864 гг. их было около 37 тысяч (данные на 1867 г.). Несколько иные данные приводит В. Сливовская. По всей вероятности, перед Первой мировой войной в Сибири находилось около 70 тысяч поляков — не только ссыльных с их семьями и потомками, но и многочисленных добровольных переселенцев.

Несомненно, Сибирь предстает в глазах поляков местом страданий и гибели. С другой стороны, нельзя забывать, что многим ссыльным она дала нормальную и достойную жизнь. Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. тысячи поляков добровольно переселялись в Сибирь, называя даже ее землю *Новой Польшей*.

Складывается впечатление, что А. Кучинский прежде всего хочет рассказать в своих книгах о достижениях поляков в Сибири, о том, как поляки изменили Сибирь, как важна была для них Сибирь в XIX и XX вв.

Большое значение для развития польско-сибирских контактов имеет возглавляемый А. Кучинским Центр Восточных исследований (Ośrodek Studiów Wschodnich), созданный в 1992 г. во Вроцлавском университете и с 2006 г. ставший частью Кафедры этнологии и культурной антропологии. Главной задачей Центра являются поддержка и координация исследований по истории поляков на Востоке. С 1997 г. выходит журнал «*Wrocławskie Studia Wschodnie*».

Благодаря циклу вроцлавских конференций у исследователей польско-сибирской тематики появилась возможность регулярно обмениваться мнениями и результатами своей работы. В 1998 г. под редакцией А. Кучинского вышел упомянутый ранее сборник статей о истории и культуре польского народа в Сибири¹, который в 2002 г. был издан на русском языке². Русский вариант несколько отличался от польского (добавлен очерк о Б. Пилсудском, которому посвящен весь том, расширены статьи российских авторов, написаны предисловия), но самое главное, что книга вошла в научный оборот не только в Польше, но и в России.

¹ Syberia w historii i kulturze narodu polskiego...

² Кучински А., Романов П. Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.

Не меньшее значение имел следующий сборник о истории, современности и будущем католической церкви в Сибири¹, также упомянутый автором очерка, в который вошли материалы польско-российской конференции во Вроцлаве и КшидLINE Малой. Большинство авторов сосредоточилось на XIX и XX вв. К сожалению, эту книгу не удалось перевести на русский язык.

Во всех крупных польских университетах есть группы ученых, занимающихся сибирской проблематикой. Примером может служить Университет им. Коперника в ТорунI, где интерес к ней проявляют специалисты многих научных областей: историки, политологи, этнологи, литературоведы и языковеды. Летом 2008 г. в сибирских селах Вершина и Листвянка работала группа молодых языковедов, исследующих польский островной говор жителей этих деревень. В 2006 г. в конференции в Омске приняли участие литературовед Б. Жеймо и политолог И. Массака. В марте 2008 г. на омской конференции присутствовала делегация ученых из ТорунI во главе с постоянным представителем Польской Академии наук при Российской Академии наук Мариушем Волосом и деканом исторического факультета Университета им. Коперника проф. Вальдемаром Рэзмером. Несколькими месяцами позже увидело свет трехтомное издание *«Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития»*². Среди участников конференции 2008 г. хотелось бы выделить историка Яна Вишнеvского. В ближайшие времена он планирует издать монографическое исследование *«Сибирь в 1918–1920 гг.»*, а потом — написать и издать книгу по истории польской армии в Сибири. Таким образом, даже в городе, у которого, казалось бы, нет никаких исторических связей с Сибирью, существует большой интерес к истории и современному положению поляков в этом регионе.

Очень важно, что большинство исследователей данной проблематики — молодые, перспективные ученые. Обзор книг в начале данной статьи свидетельствует о богатой традиции изучения Сибири. Обращение к трудам В. Сливовской и А. Кучиньского позволит молодым ученым перенять научный опыт этих выдающихся специалистов.

¹ Kościół katolicki na Syberii...

² Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Омского государственного аграрного университета и 180-летию агрономической науки в Западной Сибири. Омск 2008.

Два великих однокурсника: В. А. Обручев, К. Я. Богданович

Введение

После подавления Январского восстания 1863-1864 гг. царским правительством Сибирь обогатилась многими выдающимися образованными политическими ссыльными, которые тем самым невольно привнесли западную культуру в суровый край.

Особое значение это имело для геологии. Начало систематическому изучению необъятных, уникальных по богатству пространств Восточной Сибири было положено А. Л. Чекановским и Я. Д. Черским [5]. Хотя царское правительство не принуждало польских политссыльных именно к такой работе, однако научные интересы, трудные экспедиции стали для целой плеяды ссыльных польских Январских повстанцев смыслом существования и сохранения личности среди беспросветных, унижающих человеческое достоинство обстоятельств жизни. И своим примером они вдохновили других, подготовили почву для более молодых геологов!...

Вообще 60-е годы XIX века особенные.

В 1863 г., когда началась Январское польское восстание, родился В. А. Обручев. В отличие от ссыльных поляков-предшественников, он сознательно выбрал геологию профессией. В 25 лет стал первым штатным государственным геологом всей Восточной Сибири, чуть позже — основателем высшего горно-геологического образования за Уралом, руководителем крупных геологических школ и коллективов, академиком АН СССР.

В 1864 г. родился К. И. Богданович — однокурсник В. А. Обручева по обучению в Петербургском Горном институте. Его заслуги в геологии России также огромны: первые геологические исследования Средней Азии, Северного Тибета, Памира, Камчатки, юга России. Он являлся фактически основателем русской школы геологов-нефтяников. Был профессором Горного института в Петербурге, руководил Геологическим комитетом России накануне революции 1917 года.

В 1886 г. Горный институт в Петербурге закончили только два геолога — В. А. Обручев и К. Я. Богданович [6], имевшие польские корни. Но именно к ним перешла от польских геологов-невольников эстафета обогащения новыми геологическими знаниями России.

Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956)

Жизнь этого замечательного геолога очень тесно связана с Польшей. Его бабушкой по отцу была полька Эмилья Францевна Тымовская — дочь профессора Варшавского университета [1, 8]. Дедушка по отцу Александр Афанасьевич Обручев был генерал-лейтенантом, командиром Литовского пионерного (саперного) батальона, закончил службу в чине командира корпуса [1].

Все мужчины рода Обручевых были военными, достигшими значительных высот в карьере. Особенно хочется выделить семью его деда Александра Афанасьевича Обручева (1796–1866), которая была создана в Польше, когда молодого полковника направили в 1830 г. в Варшаву для «усмирения» восставших поляков. Вот как об этом написали А. А. Бутовецкий и Ю. А. Никитенко [1]: «Командир Литовского батальона остановился на постой в доме профессора Варшавского университета Францышека Тымовского. Хозяин дома, активный участник восстания, вынужден был скрываться. А принимала незваных гостей тоненькая и стройная панянка Эмилия. Вскоре она убедилась, что русский офицер — человек воспитанный, из хорошей семьи, ловок в танцах, умен и талантлив. Влюбленный полковник предложил ей руку и сердце...». В этой семье родились 3 сына и 2 дочери. Сыновья традиционно стали военными. Старший Афанасий Александрович, отец геолога В. А. Обручева, воевал под Севастополем. После он служил во многих местах России, Польши, Литвы... Младший, Владимир Александрович, рано вышел в отставку, стал сотрудником прогрессивного журнала «Современник», близким другом Н. Г. Чернышевского, был арестован, лишен всех прав состояния, приговорен к трем годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири... Мария Александровна Бокова-Сеченова — прообраз Веры Павловны из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Именно она пошла на фиктивный брак с врачом П. И. Боковым, чтобы уехать за границу и выучиться на офтальмолога, так как женщин в России тогда не обучали медицине... Позже полюбила И. М. Сеченова — основоположника русской физиологической школы, будущего лауреата Нобелевской премии, стала его верной неутомимой помощницей... Не польские ли корни имеет свободомыслие детей Александра Афанасьевича и Эмильи Францевны?...

Мать В. А. Обручева, Полина Карловна Гертнер, — немка. До замужества она служила гувернанткой в доме Обручевых. После замужества она же занялась воспитанием собственных детей, обучала их немецкому и французскому языку, прививала аккуратность, добросовестность и ответственность. Отсюда корни «обручевского стиля» в работе. Отец

В. А. Обручева Афанасий Александрович служил командиром пехотного полка, был ранен при штурме крепости Карс и умер сравнительно рано, в 46 лет. Когда В. А. Обручев был еще ребенком, семья длительное время жила в разных местах Польши, где проходила служба его отца.

В 1881 г. В. А. Обручев окончил Виленское реальное училище по химическому отделению, поступил в два высшие учебные заведения, но выбрал для обучения Горный институт в Петербурге. В 1886 г. после окончания института по рекомендации профессора И. В. Мушкетова он был определен аспирантом на строительство Закаспийской железной дороги и изучал проблему образования лессовых отложений.

В 1888 г. В. А. Обручев стал первым штатным геологом Сибири при Иркутском горном управлении, причем всего лишь в 25 лет, через два года после окончания Горного института в Петербурге [2].

В то время горная промышленность за Уралом была слабо развита. Иркутское горное управление состояло из малого числа сотрудников, но «...ведала громадной территорией Иркутской и Енисейской губерний, Якутской и Забайкальской областей, т. е. не менее трети Сибири. Кроме золотых приисков в разных местах, горная промышленность состояла из двух небольших железоделательных заводов — Николаевского, на р. Ангаре и Минусинского в Минусинском крае, нескольких медных рудников, частью заброшенных, на юге Енисейской губернии и четырех солеваренных заводов — Усольского на Ангаре, Усть-кутского на Лене, Туманшетского, в бассейне р. Бирюсы и Троицкого, на р. Усолке. ...Не трудно было бы подсчитать, сколько десятилетий этому геологу нужно поработать, чтобы выяснить строение этой территории хотя бы в самых общих чертах», — так пишет о своих первых впечатлениях от предстоящей работы молодой Обручев [6].

Владимир Афанасьевич с большим энтузиазмом взялся за работу [2]. В 1888–1892 гг. он исследует Прибайкалье и Олекмо-Витимский золотоносный район, начинает составлять «Историю геологического исследования Сибири»; в 1892–1894 гг. участвует в экспедиции Г. Н. Потанина в Монголию, Центральную Азию, Северный Китай. В 1895–1898 гг. В. А. Обручев — начальник Забайкальской горной партии, которая проводит исследования в Селенгинской Даурии вдоль строящейся трассы Сибирской железной дороги, пишет монографию «Орографический и геологический очерк Юго-Западного Забайкалья». В 1899 г. был командирован в Германию, Швейцарию, Австрию для изучения геологии этих стран. Он — участник VII Международного географического конгресса в Берлине и VIII Международного геологического конгресса в Париже.

По рекомендации своего учителя И. В. Мушкетова в 1901 г. Обручев приглашен в г. Томск для организации кафедры геологии и Горного отделения Томского технологического института — первого за Уралом [6,7,8]. В течение 2-х лет он скрупулезно занимается организационными вопросами. Не только готовит программы, курсы лекций, подбирает тщательно учебные пособия и коллекции пород, руд и минералов, но и принимает активное участие в проектировании, размещении, подготовке и оборудовании необходимыми наглядными пособиями аудиторий и лабораторий. При этом заботится и о преподавательских кадрах, не забывая про удобные квартиры для них вблизи учебного корпуса. До 1912 г. он живет в г. Томске и активно занимается организационной, преподавательской и научной деятельностью, пока не последовала его отставка царским правительством после поддержки студенческих волнений Томского технологического института [2]. За эти 11 лет им совершены три крупных экспедиции по Закаспийской области и пограничной Джунгарии, лежащей между Алтаем и Тянь-Шанем, посетил несколько золотых рудников Сибири.

На склоне лет В. А. Обручев вспоминал, как неправильно обучали студентов в Горном институте Петербурга [6]. Отмечал полное отсутствие геологических дисциплин на первом, втором, третьем курсах, неоправданно большое количество часов по высшей математике, начертательной геометрии, богословию, качественному и количественному лабораторному химическому анализу. Геологическая практика составляла лишь неделю после третьего курса и месяц после четвертого, а заводская была и после третьего, и после четвертого курсов. Во время его обучения «в царской России с ее обширной территорией различного рельефа и состава числилось только семь штатных геологов, хотя уже Ломоносов двести лет тому назад положил начало геологии и доказывал ее пользу». Недостатки обучения в Горном институте в Петербурге он объяснял преобладанием иностранцев среди владельцев и управляющих заводов и рудников, «которым не нужно и не выгодно было воспитывать знающих русских инженеров».

Первая организованная В. А. Обручевым в г. Томске школа подготовки русских горных инженеров полностью исключила недостатки горно-геологического образования в центр России. «Обручевский стиль» проведения геологических исследований и подготовки горных инженеров и в наши дни восхищает и вдохновляет геологов разных поколений и специальностей! Сохранение и пропаганда среди молодых геологов методов работы В. А. Обручева, его умение рационально организовать свое рабочее время и место имеет огромное воспитательное значение. Поэто-

му плодотворная деятельность Э. М. Балинской — директора Томского кабинета-музея академиков В. А. Обручева и М. А. Усова вызывает чувство глубокой благодарности у всех студентов и преподавателей, посещающих этот научный центр Сибири.

В 1912–1918 гг. В. А. Обручев занимался научной работой в г. Москве, проводил экспертизу золотых рудников, изучал новейшую тектонику и древнее оледенение Алтая и осуществлял другие экспертные работы.

В 1918 г. Харьковский университет присвоил ему степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации. С 1919 по 1929 г. профессор В. А. Обручев снова находился на преподавательской работе в Таврическом университете, а затем в Московской горной академии. Он создал вторую Обручевскую школу геологов.

В 1921 г. В.А. Обручев избирается членом-корреспондентом, а в 1929 году — академиком АН СССР.

В 1929–1933 гг. он возглавлял Геологический институт АН СССР, в 1930–1939 гг. — являлся председателем Комиссии по изучению многолетней мерзлоты при АН СССР, в 1939–1956 гг. — директором Института мерзлотоведения АН СССР. С 1946 по 1953 гг. — членом Президиума АН СССР.

В. А. Обручев — лауреат Ленинской премии за изданную в Берлине «*Geologie von Sibirien*» (1926), Сталинской премии I степени за трехтомную монографию «Геология Сибири» (1941), Сталинской премии I степени за многотомную монографию «История геологического исследования Сибири» (1950). Он стал Героем Социалистического Труда (1945), был награжден пятью орденами Ленина (1943, 1945, 1953, 1953), Трудового Красного Знамени (1938), Золотой медалью им. А. П. Карпинского за работы в области геологических наук. В 1939 г. Президиум АН СССР учредил премию им. В. А. Обручева за лучшие работы по геологии Сибири. Его именем названы научные учреждения, вулканы, ледники, горы и горные хребты, минералы и окаменелости. Он написал замечательные научно-популярные книги: «Земля Санникова», «Плутония», «Золотоискатели в пустыне», «В дебрях Центральной Азии» [2].

Кроме этого, Владимир Афанасьевич написал еще более тысячи работ: книг, статей и рефератов по геологии, географии и мерзлотоведению Сибири и Центральной Азии [6].

Кароль Янович (Карл Иванович) Бохданович (Богданович) (1864–1947)

Родился в г. Люцине на территории современной Латвии в польско-литовской шляхетской семье [10]. Отец его был судьей. В 1874–1881 гг. учился в военной гимназии г. Нижнего Новгорода. В 1881–1886 гг. — студент Горного института в Петербурге. Он был выдающимся российским и польским геологом. Выполнял большие исследования в разных частях Европейской России, Средней и Центральной Азии, Сибири и Кавказа. В 1902–1919 гг. — профессор Горного института Петербурга, с 1913 г. — заместитель директора, позднее директор Геологического комитета в Петербурге (до марта 1917 г.). В 1918 г. Карл Бохданович переехал в Польшу на постоянное место жительства. После 1919 года — профессор Краковской горной Академии. В годы оккупации Польши фашистским рейхом он был заключен в тюрьму. После Второй мировой войны назначен директором Государственного геологического института в Варшаве [3, 10].

К. Я. Бохданович после окончания Горного института в 1886–1888 гг. в качестве аспиранта работал на постройке Закаспийской железной дороги под руководством профессора И. В. Мушкетова. Проведенные в указанный период исследования и наблюдения по изучению горных цепей Копет-Дага уже тогда выдвинули молодого горного инженера на видное место среди русских специалистов.

В 1889 г. в качестве геолога К. Бохданович был включен в экспедицию, снаряженную Географическим обществом в Центральную Азию. Руководителем ее стал М. В. Певцов, который сменил Н. М. Пржевальского, скоропостижно скончавшегося во время снаряжения этой экспедиции на берегу оз. Иссык-Куль. Кароль Бохданович оказался первым российским геологом, проникшим вглубь Азии до Тибета.

В 1892–1894 гг. ученый-геолог принял участие в геологическом исследовании вдоль трассы строящейся Транссибирской железнодорожной магистрали: сначала по изучению водоносности Ишимской степи, а потом в качестве начальника Среднесибирской партии, которая изучала область от р. Обь до оз. Байкала, то есть южную часть бывших Енисейской и Иркутской губерний. Бохдановичем были изучены месторождения железных руд Минусинского края и по р. Ангаре, бурого угля, соляных рассолов и строительных материалов. В предгорьях Восточного Саяна он искал коренные месторождения нефрита и дал характеристику собранной коллекции валунов нефрита.

В 1895–1898 гг. К. Я. Бохданович возглавил Охотско-Камчатскую экспедицию, которую снарядило Министерство земледелия и государ-

ственных имуществ. Наиболее ценными научными результатами стали первые русские геологические наблюдения вулканов Камчатки в районе Срединного хребта Хангар, верховьев р. Камчатки, р. Тигиля, вулканов Ичинского, Анаун, Шивелуча, Ключевской Сопки и других. На обратном пути он же смог оценить перспективы золотоносности полуострова Ляодунь в Маньчжурии.

В 1900 г. — новая экспедиция на Чукотский полуостров для изучения полученной для этой территории концессии. Здесь Кароль Бохданович встретил большие препятствия в проведении работ со стороны американцев. Предположение, что на Чукотском полуострове может быть такое же богатое золото, как и на Аляске, вызвали со стороны американцев-концессионеров попытки совершенно вытеснить отсюда русских.

В 1901 г. К. Я. Бохданович избран геологом Геологического комитета в Петербурге и начал исследования на Кавказе, результаты которых составили основу его диссертации на занятие должности профессора Горного института вместо безвременно ушедшего из жизни его учителя И. В. Мушкетова.

1907–1912 гг. с группой своих учеников Кароль Бохданович проводил исследования Кубанско-Черноморского нефтяного района и разработал стратиграфию четвертичных и меловых отложений, распространенную на весь юг России. Им была также установлена приуроченность нефтяных залежей к определенным стратиграфическим горизонтам. Благодаря этим работам, российские геологи завоевали международный авторитет, вытеснив из русской нефтяной промышленности иностранцев-геологов, и стали широко привлекаться как эксперты при определении перспектив нефтегазоносности. На работах К. Я. Бохдановича был воспитан И. М. Губкин — наиболее талантливый руководитель советской нефтяной промышленности.

В 1914 г. Кароль Бохданович стал первым избранным директором Геологического комитета России. До того основные силы комитета были направлены на составление десятиверстной геологической карты России. Первая мировая война выдвинула перед комитетом первоочередную задачу по оценке природных ресурсов. В 1916 г. К. Я. Бохданович разработал проект новой организации Геологического комитета, где предусматривалось систематическое развитие работ по изучению полезных ископаемых, чего не делалось ранее. Начались исследования золотоносных районов Сибири, план которых был также разработан К. Я. Бохдановичем по поручению Министерства и Горного департамента. Первым результатом изменений в работе

Геологического комитета стал многотомный коллективный сборник «Полезные ископаемые», изданный Академией наук. Накануне революции 1917 г. этот сборник имел исключительное значение, так в нем подведены итоги и дана ясная картина знаний минеральных ресурсов России того времени.

Для студентов К. Я. Бохдановичем впервые в России в 1912–1913 гг. был издан двухтомный курс «Рудные месторождения», где было введено понятие о метаморфических месторождениях. Уже при советской власти он читал первый курс геологии нефтяных месторождений, позже изданный Советом по нефтяной промышленности.

За время пребывания в Польше ученым-геологом было написано много трудов по геологическому строению ее территории, включая нефтегазоносные и угленосные районы.

Всего Кароль Бохданович опубликовал более 300 книг и статей на русском, польском, немецком, французском, английском, венгерском и других языках. Эти работы посвящены общей геологии, полезным ископаемым, стратиграфии и тектонике.

В 2009 г. исполнилось 145 лет со дня рождения Кароля Бохдановича. К сожалению, на русском языке до сих пор не издано обстоятельного монографического труда, посвященного этому великому представителю русской и польской геологии. Но такая работа опубликована в Польше [10]. Ее перевод на русский язык может быть актуален для русских исследователей его творчества.

Заключение

В. А. Обручев и К. Я. Бохданович — лучшие представители отечественной школы горных инженеров конца XIX — первой половины XX века. С полным правом их можно отнести к российским геологам польского происхождения. Русский, польский, немецкий, французский языки для них были вполне натуральны и естественны.

Оба выдающихся геолога учились вместе, были аспирантами одного и того же маститого профессора геологии И. В. Мушкетова, под его руководством начинали первые самостоятельные исследования в Средней Азии при строительстве Закаспийской железной дороги. То есть, это воспитанники одной и той же научной школы. Они оба считали ссыльных поляков-геологов А. Л. Чекановского и И. Я. Д. Черского основателями систематического изучения геологии Сибири, много внимания уделяли сохранению их наследия. А сами стали наиболее крупными последователями их научных идей.

В свою очередь, В. А. Обручев и К. Я. Бохданович стали первопроходцами геологических исследований на обширных территориях Сибири, Средней и Центральной Азии, юга России. Они основали несколько научных направлений и своих научных школ, организовали и руководили крупными геологическими коллективами.

Они являлись геологами-энциклопедистами, знатоками в различных областях геологии. Их авторитет был настолько высок, что промышленники и владельцы рудников, игнорируя иностранных инженеров, обращались в первую очередь к ним за советом и экспертизой.

В организации горно-геологического образования в России они сыграли решающую роль. Один — в Петербурге в Горном институте, другой — в Томске, Москве и Ленинграде.

Однокурсники В. А. Обручев и К. Я. Бохданович тесно сотрудничали, помогали друг другу, особенно в период организации горно-геологического образования в Томском технологическом институте.

К. Я. Бохданович по просьбе В. А. Обручева направил в Томск молодого горного инженера польского происхождения по материнской линии П. П. Гудкова [4], который вскоре стал одним из лучших помощников и соратников В. А. Обручева. После вынужденного отъезда из Томска В. А. Обручева к последнему перешли основные геологические курсы в ТТИ, вскоре его назначили профессором. Но важнее всего, что по инициативе П. П. Гудкова был организован Сибирский геологический комитет, который он и возглавил. Этот комитет интенсивно занимался поисками месторождений золота, железа, каменного угля и других полезных ископаемых. Сибирский геологический комитет выдал в 1919 г. геологическое задание молодому преподавателю ТТИ Н. Н. Урванцеву [9], что привело к открытию уникального медно-никелевого и платиноносного Норильского рудного района. Из-за участия в работе в правительстве адмирала А. В. Колчака П. П. Гудкову пришлось эмигрировать в США после окончательной победы большевиков [4], где он принял участие в открытии нескольких крупных нефтяных месторождений в Калифорнии, стал академиком, профессором Стэнфордского университета...

Между тем в 2008 г. исполнилось 100 лет выпуска первых горных инженеров за Уралом и 90 лет со времени основания Сибирского геологического комитета. К этим двум внушительным юбилейным вехам оба героя данного очерка имеют самое непосредственное отношение.

Литература

1. *Бутовецкий Д. А., Никитенко Ю. А.* Обручевы: пять веков служения России. — М., 1999. — 199 с.
2. *Васильев Б. Д.* Академику В. А. Обручеву — 140 лет // Известия Томского политехнического университета, 2003, № 5. С. 133–137.
3. *Заварицкий А. Н., Миронов С. И., Обручев В. А., Яковлев Н. Н.* О научно-организационной деятельности Карла Ивановича Богдановича. Очерки по истории геологических знаний. М., 1956. Вып. 5. С. 188–210.
4. *Жоховская В. В., Гагарин А. В., Лозовский И. Т.* Павел Павлович Гудков — основатель школы микроанализа ТПУ // Известия Томского политехнического университета, 2005, № 6, Том 308. С. 244–246.
5. *Корольков А. Т., Чернов Ю. А.* Польский вклад в изучение геологии Сибири. — Геология и полезные ископаемые Восточной Сибири / ред. А. И. Сизых. Иркутск, 2007. С. 161–166.
6. *Обручев В. А.* В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем 1888—1955 года. Иркутск, 1958. — 295 с.
7. *Обручев В. А.* Мои путешествия по Сибири. М., 1963. — 288 с.
8. *Никитенко Н.* «Дом польский в Томске — 10 лет». // ЦПК «Дом польский» в Томске. № 6 (22). С. 4–5.
9. *Урванцев Н. Н.* Таймыр — край мой северный. — М., 1978. — 238 с.
10. *Wójcik Z.* Karol Bohdanowicz: szkic portretu badacza Azji. Warszawa — Wrocław, 1997. 411 Ss.

Максимильян Маркс. Судьба польского ученого в енисейской ссылке

С конца 1861 года в Российской Империи проходил процесс создания тайных обществ с целью подготовки польского Январского восстания 1863 г. Подготовка велась не только на территории Королевства (Царства) Польского, но и в российских столицах — Петербурге и Москве, где обучались студенты-поляки. В конце 1861 г. «Общество инициаторов» приступило к созданию в Москве на базе *Огула тайной революционной организации*, получившей в дальнейшем название «Союз сторонников движения».

По проекту существовавшее «Общество инициаторов» делилось на 5 инициативных округов, члены которых обязывались к 15 января 1862 г. создать вокруг себя работающие кружки. Кружок являлся низшей инстанцией общества. Число его членов вместе с руководителем не должно было превышать 7 человек. Вторая инстанция — это округ инициаторов, куда входит каждый организовавший вокруг себя «кружок работающих». Число членов округа не могло быть более 10. Отсюда названия «десятка» и «десятник», который руководил округом инициаторов. Третья инстанция — Центральный комитет, состоявший из выбранных (по одному) от округов инициаторов; он принимал отчеты и утверждал членов десятков и создаваемые ими кружки.

Во все дела тайного общества посвящались только 2 и 3 инстанции. Вступающие в общество давали клятву. Большое значение придавалось вовлечению в тайное общество членов Огула. Кроме польского студенчества в «Союз сторонников движения» вошли чиновники, учителя, врачи — поляки по происхождению. Многие из них были членами Огула в предшествующие годы. Число членов тайного общества дошло до 350 человек.

«Союз сторонников движения», объединив передовые круги польской демократии в Москве, выступил с общедемократической программой: борьба за независимость Польши, организованная собственными силами с привлечением широких крестьянских масс, установление демократического строя, ликвидация крепостного права.

Летом 1862 г. Союз заявил о полной координации и подчинении своих действий Центральному Национальному Комитету в Варшаве и готовности подняться на борьбу. Более конкретная деятельность обще-

ства была связана в первую очередь с революционными организациями Литвы и Белоруссии. Кроме того, «Союз сторонников движения» установил прочные связи с формирующимися тайными польскими революционными организациями в Петербурге, а также с польскими группами, возникшими в Центральной России: в Перми, Казани, Ярославле, Костроме, Симбирске, Владимире. Практическая деятельность членов общества сводилась к подготовке к восстанию и вербовке новых членов. Они спешно знакомились с военным делом и литературой на военную тему, приобретали личное оружие, собирали с проживавших в указанных центрах поляков деньги на подготовку к восстанию и переправляли оружие в Литву.

С самого начала деятельности польских революционных групп в Москве во главе их встает Польский комитет, являвшийся органом повстанческой власти. В руководство Польского комитета входили активные участники «Союза сторонников движения». Весной 1863 г. в составе руководства находились Т. Далевский, М. Марк, А. Зельверович, П. Маевский, Н. Бернацкий, Н. Колтубай. В дальнейшие годы деятельность Польского комитета была тесно связана с именами Максимильяна Маркса и Павла Маевского.

В первые месяцы восстания Польский комитет занимался организацией отправки уезжающих в отряды, обеспечением их оружием, одеждой и заготовкой медикаментов. К середине 1863 года Огул прекращает свою деятельность. Из числа студентов-поляков Московского университета выехало для участия в восстании 200 человек, остались только медики для окончания учебы¹.

Начиная с ранней весны 1863 г., участники восстания бегут из разбитых отрядов, пересыльных пунктов, арестантских рот, мест ссылки и ищут помощи в Москве, зная о существовании хорошо организованного польского тайного общества. В Польский комитет поступали сведения об отправке в Москву партий ссыльных с предшествующих этапных пунктов. Члены комитета и в особенности группа женщин помогали ссыльным деньгами, медикаментами.

Один из руководителей комитета преподаватель географии 4-й Московской гимназии Максимильян Марк и его супруга Леокадия принимали непосредственное участие в этой деятельности. Их дом на Трубной площади стал местом встреч студентов-поляков. Заподозренный властями в неблагонадежности с 15 декабря 1863 г. по 12 февраля 1864 г.

¹ Митина Н. П., Федосова Т. Ф. Польские революционные связи в подполье и ссылке (1864–1866) // Русско-польские революционные связи Т. 2. М., 1963. С. 110–114.

Маркс находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. По постановлению следственной комиссии в дальнейшем за ним устанавливалось негласное наблюдение. Несмотря на это, Максимилиан Маркс вновь включается в революционную работу¹.

Деятельность московской польской организации в 1865 г. почти сливается с деятельностью русских революционных групп. В Польском комитете в Москве ставится вопрос о реформировании польской организации с целью лучшего согласования общих революционных действий. С весны 1865 г. московскую «конституционную группу» возглавил глава Польского комитета Павел Маевский.

Целью объединившихся революционных кружков было установление в России демократическо-конституционного строя. В качестве способа поднять народ на восстание и как непосредственный повод — для этой цели было избрано цареубийство. За Польшей признавалось право на независимость. Основная цель — демократическая конституция — могла объединить разнородные радикально-демократические группировки; каждая из входивших в организацию групп могла трактовать необходимость демократических преобразований со своих позиций. Организация должна была строиться по пятеркам или шестеркам.

По совместным планам революционеров Центральной России и Сибири было решено начать восстание весной 1866 года. 4 апреля 1866 г. Дмитрий Каракозов неудачно стрелял в Александра II. В связи с начавшимся после этого правительственным террором общероссийские планы были сорваны. Своеобразным окончанием революционной деятельности этих лет стало неудавшееся восстание ссыльных поляков на Кругобайкальском тракте.

Польские революционные круги в Москве в 1866 г. не были полностью выявлены, и об их продолжавшейся деятельности свидетельствовали жандармские доносы. По делу Каракозова был привлечен и Максимилиан Маркс. 14 июля 1866 г. он был предан Верховному уголовному суду по обвинению в доставлении средств тайному революционному обществу и в укрывательстве польских политических преступников.

24 сентября этого же года Маркс как пособник в приготовлении мер для убийства частного лица был приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение².

¹ *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny, Poznań, 2000. S. 212.

² Деятели революционного движения. Москва, 1937. С. 237.

Максимильян Маркс родился в Галиции в 1816 г. Его отец Юзеф служил подпоручиком в польской армии. После окончания Витебской гимназии Максимильян поступил в Московский университет, который не закончил из-за болезни. С 1857 г. преподавал в Смоленске, а затем и в Москве. Маркс был женат на Леокадии Добкевич. У них росла дочь Екатерина¹.

9 декабря 1866 г. осужденные Максимильян Маркс, Павел Маевский и российские революционеры Малинин и Федосеев были доставлены в столицу Енисейской губернии — город Красноярск. Путь по этапу до Красноярска можно проследить по интересным воспоминаниям самого Маркса, названным им «Записки старика». Рукопись дневника хранится в библиотеке Академии наук Украины во Львове, фотокопия же рукописи находится в Енисейском краеведческом музее.

Основанный в 1619 году Енисейск (300 км от Красноярска), является одним из старейших городов Сибири. В XVII в. он становится опорной базой для освоения бескрайних просторов Восточной Сибири. С 1622 г. должность воеводы в Енисейске исполнял польский шляхтич Павел Хмелевский².

В 1676 г. Енисейск обретает статус «разрядного» (областного) города, а в 1719 г. это уже центр Енисейской губернии. Находясь в узле важнейших водных путей, в XVII–XVIII вв. он становится центром ремесел и торговли в Восточной Сибири. В начале XIX в. Енисейск утратил свое былое величие, однако найденные неподалеку в тайге золотonosные россыпи придали новую динамику его развитию. В XIX в. он входил в число десяти красивейших уездных городов России. Великолепие его и поныне создают многочисленные православные храмы: Спасо-Преображенский мужской монастырь, основан в 1642 г., Успенский собор 1793–1818 гг., Воскресенская Церковь 1747 г., Богоявленский кафедральный собор 1730–1750 гг. и другие храмы, которые сохранились до наших дней. В конце XIX в. в Енисейске были также построены мечеть и синагога. И сегодня приезжающих поражает величие купеческих особняков и очарование домов с резными наличниками на окнах.

Этот сибирский город строили казаки, русские переселенцы, а также многочисленные ссыльные — русские, евреи, немцы и, конечно же, поляки.

¹ *Kijas A.* Op. cit. S. 211–212.

² *Кучинский А.* Поляки в Сибири. Через призму ссылки и научного изучения // Поляки в Приенисейском крае. Абакан, 2005. С. 12–13.

Важным источником по истории города является «Краткая летопись Енисейского и Туруханского края Енисейской губернии за 1594–1893 гг.», написанная на основании документов, воспоминаний и различной литературы енисейским ученым Александром Кытмановым. В летописи Кытманов выделяет два этапа формирования польской диаспоры в Енисейске — ссыльные после восстания 1831 г. и ссыльные после восстания 1863 г. Он отмечает, что первые поляки были очень уважаемыми среди местных жителей, так как часто исполняли функции волостных писарей, успешно занимались огородничеством в тяжелых климатических условиях. Ссыльные после восстания 1863 г., по мнению Кытманова, являлись наиболее образованной и мастеровой группой среди населения города. Поляки работали на золотых рудниках в качестве инженеров, кузнецов, столяров, бухгалтеров и врачей. Благодаря приезду поляков в Енисейске стали проводиться занятия по музыке и танцам. В 1877 г. Кароль Матушиньский открыл в Енисейске магазин «Варшавский».

Особо выделяет Александр Кытманов в своей летописи личность политического ссыльного Максимилиана Маркса¹. Но тогда, в январе 1867 г., Маркс и его соратники не знали, куда конкретно они будут направлены. 5 января их привезли в Енисейск. В полицейском управлении, по случаю сочельника, их только отметили и попросили «на все четыре стороны». Однако как только они вышли, их сразу же приютил местный поляк. «Бобрович был из ссыльных поляков. Дела его, как отличного столяра, шли хорошо, и он уступил нам одну комнату на время, пока нас не увезут далее. Теперь объяснилось, что мы назначены в Енисейский округ: но один округ этот со своим Туруханским отделом больше Франции и Германии, двух сильнейших европейских государств, вместе взятых <... >. Нас направляли к северу»².

В Пинчуге, центре волости, сопровождавшие ссыльных распечатали пакет, и все выяснилось. Русские друзья оставались в этой волости, а Маркса с Маевским отправили далее — в Кежму. Там Максимилиан Маркс знакомится с обычаями и жизнью сибиряков, о чем подробно пишет в своих воспоминаниях: «Мыло составляет здесь туалетную только специальность, девушка часто не только от матери, но иногда и от бабушки получает кусок его, как свадебный подарок»³.

¹ Краткая летопись Енисейского и Туруханского края Енисейской губернии за 1594–1893 гг. // А. Кытманов (сост.). Т. 1–4. фонды Енисейского краеведческого музея.

² Маркс М. Записки старика 1866–1888 гг. Копия в фондах Енисейского краеведческого музея. С. 23.

³ Там же. С. 25.

15 декабря 1868 г. Максимильян Марк перебирается на поселение в Енисейск. Там его ждали жена и дочь. Свой уже второй приезд он описывает так: «После захождения солнца на улицах не видно было никого, ворота домов все заперты, цепные собаки спущены и ставни окон закрыты. Темень, глушь и мороз градусов в 40. Подъехал я к одному дому, стучу в ворота и ставни. На дворе откликается среди разъяренного собачьего лая непременно женский голос: «Чей ты?» Что тут отвечать, кроме «Свой»? — «Убирайся к черту, варнак!» и более ничего не добьешься»¹.

В Енисейске Марк стал в первую очередь заниматься обучением детей, подготавливал их к поступлению в гимназию. У него было много учеников как в городе, так и в округе. В летнее время Марк совершал практически ежедневные ботанические экспедиции за город. Позднее его гербарии заинтересовали шведских ученых во время их экспедиций по северу в 1875 и 1876 гг. В своей работе «Климат Енисейска по двенадцатилетним наблюдениям 1871–1883 гг.» Марк пишет: «Невольно приходится удивляться выносливости здешних растений, когда после сильнейшего инея утром, в полдень на какой-нибудь лужайке в полноте жизненной энергии целые тысячи исполинских пионов или башмачок, которыми случалось любоваться на европейских выставках только под хрустальными клетками»².

Однако увлечение ботаникой и педагогические занятия не стали основными занятиями ссыльного поляка. В Енисейске Марк развернул обширную научно-исследовательскую деятельность в области метеорологии. С 1870 г. он стал постоянным сотрудником Русского Географического Общества в этой области. С конца апреля 1871 г. ученый приступает к постоянным метеорологическим наблюдениям в Енисейске по специальной инструкции, присланной Академией наук. Это был кропотливый труд без помощников. Наблюдения велись изо дня в день по 3 раза в сутки, без малейших пропусков в течение 12 лет. Они оказались с самого начала так точны и научны, что Общество признало полезным передавать их немедленно в Главную физическую обсерваторию и печатать в летописях. В начале работы Марксу приходилось самому мастерить некоторые приборы. В 1874 г. Енисейск посетил директор Пекинской обсерватории Фритче, который высоко

¹ Там же. С. 46–47.

² Результаты наблюдений были обобщены в работе «Климат Енисейска по двенадцатилетним наблюдениям (1871–1883)», опубликованной в «Записках Академии наук» в Петербурге (Т. 55. 1887 г.), а также она была напечатана отдельной брошюрой.

оценил исследования Маркса, но его приборы признал несоответствующими. В 1875 г. из Главной физической обсерватории Петербурга Марксу были высланы новые приборы, и исследования стали вестись еще более точно¹.

Максимильян Маркс наблюдал и чрезвычайные явления в природе, которые не входили в его обыкновенную инструкцию, но имели высокое научное значение. В январе 1872 г. в Енисейске был необыкновенный холод: -58°C . Ученый определил точную величину поправки своего термометра при точке замерзания ртути и получил достоверное наблюдение одной из самых низких температур, которые когда-либо наблюдались на земле в то время. Маркс также подробно описывает наблюдаемые им северные сияния.

Он также составил и издал в Енисейске таблицы времени для городов Енисейской губернии.

Исследования и организационная работа не ограничивались у Маркса только Енисейском. Он стал учредителем метеостанций в Туруханске и селе Гольчихе в устье Енисея. «Он высказал особенное внимание и предусмотрительность, через что наблюдения его получили высокое научное значение». Наблюдения М. Маркса также высылались в Географическое Общество и вошли в «*Repertorium für Meteorologie*», публикацию Главной физической обсерватории².

М. А. Рыкчеев, действительный член Русского Географического Общества, обращается с предложением: «присудить Максимилиану Осиповичу золотую медаль Общества за труды по метеорологии и промер реки Енисей». В январе 1878 г. Маркс был награжден малой золотой медалью Географического Общества. Позднее из-за тяжелого материального положения медаль эту ему пришлось продать.

Материальные трудности постоянно преследовали Маркса и его семью. Ежемесячного пособия, выдаваемого политссыльным, не хватало на жизнь и власти приняв во внимание тяжелое положение дополнительно помогали Марксу³.

Енисейск был местом, которое посещали многие научные экспедиции, исследовавшие сибирский север. В начале октября 1873 г., после экспедиции по Нижней Тунгуске город посетил выдающийся ученый Александр Чекановский (1833–1876). Участник январского восстания

¹ Кытманов А. Указ. соч. Т. 3. С. 476.

² Сухова Н. Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в XIX веке. М., 1964. С. 120.

³ ААКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 340.

1863 г., сосланный в Сибирь, он проводил геолого-географические исследования южной части Иркутской губернии, реки Ангары и окрестностей. В 1873–1875 гг. совершил 3 экспедиции по северо-востоку Сибири, дошел до Моря Лаптевых. Чекановский собрал многочисленные геологические, палеонтологические и ботанические коллекции. После себя он оставил интересные дневники, обработанные впоследствии другим польским ссылкойным и ученым Яном Черским. Именем Чекановского назван горный хребет в Якутии. В Енисейск Александр Чекановский прибыл во главе экспедиции, состоявшей из астронома и метеоролога Фердинанда Мюллера, топографа Гаврилы Нахвальных и ссылкойного поляка Владыслава Ксенжопольского, препаратора чучел и собирателя ботанических коллекций. Чекановский близко познакомился с Марксом, который помог ему написать отчет по проведенной экспедиции. Как пишет сам Марк, Чекановский ему сказал: «Я как воспитанник Дерптского университета¹ плохо знаком с русской терминологией. Помогите мне, сделайте одолжение»².

Будучи у Маркса в гостях, Александр Чекановский в беседе с ним и его женой, которая спрашивала о состоянии здоровья впавшего в сумасшествие Ксенжопольского, произнес очень примечательный монолог о судьбе ссылкиных поляков: «Много пало, предалось пьянству, оскотинилось <...>. Другие крепятся, но это до поры до времени. У кого есть цель жизни, основанная на научных любимых занятиях, тот потянет подольше, но все-таки в перспективе — сумасшествие. <...> Как бы весело трудился я, как бы усердно работал среди милых мне родных и ближних, трудился и работал для них же, в родной моей стране и в ее пользу. А теперь невольно иногда при всей страсти к науке, при всем стремлении к уяснению ее тайн, надвигается гадкий, отвратительный вопрос: да на что? к чему? для кого?». Марк на это ему ответил: «Трудясь для науки, работаем на все человечество. Достанется что-нибудь и нашей родине и нашим родным». Чекановский в ответ на это сказал: «Ах, хотя бы раз еще взглянуть на милые лица своих людей, на милую травку своих полей, на цветы своей родины...»³.

Услышав это, супруга Маркса выбежала в другую комнату и возвратилась со своим молитвенником в руках. Чекановский развернул молит-

¹ А. Чекановский в Дерптском университете изучал в 1855–1857 гг. минералогию. См.: *Trynkowski J.* Dorpatczycy w powstaniu styczniowym // *Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja.* / red. Caban W., Sliwowska W. Kielce, 2005. S. 83–100.

² *М. Марк.* Записки старика 1866–1888 гг. С. 64.

³ Там же. С. 65.

венник и увидел засушенные еще в Польше цветы. Он был так ими растроган, что Маркс предложил ему взять несколько. Чекановский взял только один анемон.

Десятого октября он уехал из Енисейска. В следующем 1874 г. он совершил еще одну экспедицию на Оленек. Возвратившись из этой экспедиции, он поехал в Петербург, где покончил жизнь самоубийством¹.

В 1875 г. в Енисейск прибыла экспедиция шведского профессора А. Норденшельда, в которой участвовали ботаник Люнстрем и зоолог Стукенберг. Ученые пробыли в Енисейске всего четыре дня. Норденшельд, ознакомившись с деятельностью ученого Маркса, посоветовал ему заняться наблюдениями космической пыли. В течении двух последующих лет Максимильтян Маркс безуспешно искал космическую пыль. 3 октября 1881 г. он наконец сделал открытие, позволившее русской науке сделать важный шаг в этом направлении. Вот как он описывает это важное открытие:

«При сильном западном ветре, сменившем противоположный ему восточный, в 9 часов вечера начал накрапывать дождь. В 10 часов я вышел во двор для производства отсчетов на термометре и гигрометре и был невольно поражен каким-то неопределенным фосфорическим светом на вершине флюгера, находившегося на крыше сарая. Свет этот, в виде расходящейся кисти, то моментально являлся, то исчезал».

Его внимание привлекли два обстоятельства. Во-первых, наблюдаемое явление происходило в то время, когда земля находилась близко к пути ноябрьских метеоритов. Во-вторых, сильное наэлектризованное состояние атмосферы. Затем из письма Маркса следует подробное описание, как он промывал дождемер чистой водой в поисках космической пыли. Собранные осадки имели кирпично-красный цвет. Собрав муть на фильтр, он сделал ее анализ, который и показал наличие железа, кобальта и никеля, т. е. тех элементов, которые характеризуют метеориты². Это открытие было опубликовано в журнале «Известия Русского Географического Общества» за 1882 год.

Стоит отметить, что и в настоящее время исследования космической (кометной) пыли очень актуальны. Сейчас для этих целей запускают специальные зонды. Ученые США, Германии и России, исследуя пыль из космоса, пытаются узнать, из какого вещества 4,5 млрд. лет назад возникла Солнечная система.

¹ Там же. С. 65–66.

² Отчеты Енисейского краеведческого музея за 1882. Фонды Енисейского краеведческого музея.

Максимильян Маркс принимал активное участие в организуемых в окрестностях экспедициях. Так в 1882 г. он участвовал в экспедиции по обследованию и устройству конно-железной дороги от Енисейска до пристани Полуустной на Чулыме. Обследовав пространство между Енисейском и рекой Чулым, он сделал предложение об устройстве такой дороги как одного из способов соединения речных систем Оби и Енисея. Согласно вычислениям Маркса, дорога эта должна была составить расстояние 161 версту¹.

Максимильян Маркс сотрудничал с основанным в 1877 г. Николаем Мартыановым краеведческим музеем в г. Минусинске. Возможно Маркс даже бывал в Минусинске. В 1889 г. типография Федорова в Минусинске издала брошюру «Таблицы минусинского времени», автором которой является Маркс. Из отчетов музея за 1891 г. следует, что «Максимильян Маркс пожертвовал музею «астрономический глобус собственной работы», а также «пожертвовал американский метеоролог, журнал за несколько лет». В отчете подчеркивается важность этого подарка для музея и педагогического отдела². До нашего времени глобус в фондах музея не сохранился.

С 1883 г. в культурной жизни далекого сибирского городка Енисейска произошло важное знаковое событие — по инициативе Александра Кытманова был открыт краеведческий музей. Максимильян Маркс принимает непосредственное участие в становлении нового музея и становится его сотрудником.

Еще в 1878 г. Максимильяну Марксу было разрешено выехать в Екатеринославскую губернию. Запрещался только въезд в столицы и Таврическую губернию. В докладной записке от 14 июля 1878 г. капитан-лейтенант Сидиснер отмечал, что «Маркс стар, расстроен здоровьем и не имеет никаких средств перебраться с семейством в совершенно чуждую ему местность». А потому он просил, чтобы Маркса «не побуждали выездом из Енисейска, предоставив ему свободное проживание в Сибири»³.

Попечительный совет Енисейской гимназии, учитывая его профессионализм и нужду в средствах, хлопотал о назначении Маркса учителем математики, но он не был утвержден в виду его преклонных лет⁴.

¹ Миндаровский М. Воспоминания, фонды Енисейского краеведческого музея, С. 26

² Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902. С. 239.

³ Материалы Енисейского краеведческого музея.

⁴ Сибирская газета. 1883. № 12.

На подаренной директору минусинского музея Н. М. Мартьянову экземпляре своей монографии «Климат Енисейска по двенадцатилетним наблюдениям (1871–1883)», сохранившейся до сих пор в библиотеке музея, Маркс написал: «Планируя закончить свои наблюдения и попрощаться с Енисейском, я подготовил в таблицах скорей всего полное заключение с двенадцатилетнего периода наблюдений»¹.

Максимильян Осипович (Юзефович) Маркс скончался в Енисейске в 1893 году и был похоронен на Абалакском кладбище. Могила его, к сожалению, не сохранилась.

Ученый М. Маркс оставил сибирякам свои научные труды, опубликованные по результатам многолетних исследований, коллекции в Енисейском краеведческом музее, где вклад в науку поляка-исследователя помнят и чтят.

¹ *Маркс М.* Климат Енисейска по двенадцатилетним наблюдениям (1871–1883). СПб., 1887. С. 7.

Центры польской жизни в Западной Сибири во второй половине XIX века

Важное место в формировании польского населения в Сибири имела ссылка участников восстания 1863 г., поскольку являлась наиболее массовой репрессивной акцией, осуществленной самодержавием в отношении польского народа. По данным С. В. Максимова, за участие в восстании 1863 г. в Сибирь было выслано 18623 человека: 10407 — в Западную, 8199 — Восточную¹. Не существовало ни одного значительного сибирского города, где бы не проживали ссыльные поляки². В Западной Сибири самые крупные польские колонии складываются в Тобольске, Томске и Омске. Это губернские города³ с количеством жителей 17–20 тысяч человек, расположенные на главном пересылочном тракте, являющиеся местом сосредоточения административных, полицейских и жандармских властей. По данным Л. П. Роцевской, на 1 июля 1867 г. в Тобольске под надзором полиции находились 227 участников Январского восстания, в Омске — 309, Томске — 253⁴. Массовая ссылка повстанцев в эти населенные пункты вполне соотносилась с предпочтениями самих невольных переселенцев, стремившихся всеми силами задержаться в губернских центрах. Прибывая в Тобольск, многие ссыльные обращались к властям с просьбой остаться в городе. Они оправдывали свои намерения, как правило, ссылкой на расстроенное здоровье. Прошения подавались на имя начальника Тобольской губернии и, если получали его поддержку, то следовали далее в Совет Главного Управления Западной Сибири (ГУЗС). Пока документы проходили все необходимые формальности, ссыльных, как правило, из тюремного замка перемещали на вольные квартиры. Местные власти часто выступали в поддержку подобных прошений, но МВД всячески ограничивало контингент ссыльных в столице губернии. Остаться в Тобольске смогли немногие, среди них — неизлечимо больные поляки, например: почти ослепший Ян Огоновский или потерявший разум

¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга. В 3-х частях. Ч. III. Политические и государственные преступники. СПб., 1871. С. 80.

² Librowicz Z. Polacy w Syberji. Wrocław, 1993. S. 214.

³ Омск становится столицей Акмолинской области в 1868 г.

⁴ Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 — нач. 80-х гг.). Тюмень, 1976. С. 80.

62-летний старик П. Ленчитский¹. Постоянный большой поток ссыльных, проходивших через город, создавал ощущение избыточной польской массы. «Тобольск был в то время как бы польским городом», — отмечал М. Яник, — так много здесь проживало и находилось проездом поляков². Тобольская тюрьма «всегда переполнена, — жаловался А. И. Деспот-Зенович, — в ней постоянно бывает от 1000, 1500 до 2000 арестантов разных категорий»³. Передвижение огромного числа ссыльных, теснота тюремного замка вынуждали отправлять часть преступников в казармы арестантской роты, размещать на частных квартирах. Те же проблемы коснулись Томска, где располагалась экспедиция о ссыльных. 28 сентября 1864 г. Томское губернское управление, обеспокоенное большим наплывом политических преступников, попросило генерал-губернатора прислать унтер-офицеров и по три благонадежных нижних полицейских служителя во все города губернии, а в Томск и Барнаул — по пять⁴. И уже в октябре в Томск для усиления полицейских команд отправили из 10-го линейного батальона 50 нижних чинов.

С 1863 г. первые повстанцы появились и в Омске. Их было всего шестеро: сначала прибывают И. Белевич, Г. Залесский, Р. Мантейфель фон Зеге и Ф. Нежиевский, потом — Ф. Войшвилло и Ю. Турчанович. Все они дворяне, сосланные «на житье» по суду с лишением прав. Но основной приток повстанцев пришелся на 1864 и 1865 гг. — 103 и 176 человек соответственно⁵. Именно к этому времени может относиться замечание Г. Н. Потанина, о том, что город переполнен поляками⁶.

Политические преступники составляли большую часть польской ссылки в этот период. С 1863 до июня 1865 г. в Омск прибыло 8 гражданских ссыльных из поляков⁷, что составляло примерно 5% от прибывших

¹ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6974.

² *Janik M. Dzieje Polaków na Syberii*. Wrocław, 1991. S. 360.

³ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6375. Л. 20 об.

⁴ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Л. 10.

⁵ *Мулина С. А. Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава // Вопросы социальной истории России конца XVIII — начала XX вв. Омск, 2004.*

⁶ *Wójcik Z. Jan Czernski. Polski badacz Syberii*. Lublin, 1986. S. 40.

⁷ Ф. Хмелевский, А. Марловский, М. Пиотровский, Д. Чижевский, О. Краснопольская, К. Боровский, П. Крупицкий, В. [Можайко]. ГУ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 496. Л. 291–298.

в город за этот период политических ссыльных¹. Возникли сложности с размещением невольных переселенцев. Хотя с 1865 г. начальник полиции был обязан по прибытии ссыльного в город предложить ему жилье, соответствующее званию и положению последнего², ссыльные, как правило, сами подыскивали себе приют. Часто на одной квартире скапливалось до 10 и более человек. Полиция, в инструкции которой входила обязанность не допускать собрания ссыльных количеством более пяти человек, в данном случае вынуждена была ограничиться более бдительным надзором. Бедность, дороговизна квартир вынуждала ссыльных жить сообща. Не случайно большими группами селятся в основном ссыльные, не имеющие источников заработков. Подобные коллективы в 1864–1865 гг. проживали у чиновницы Адамовой, мещанина Колмагорова, есаула Угрюмова, чиновника Крупенникова. В 1865 г., когда часть поляков обзаводятся работой, практика совместного проживания больших групп ссыльных сохраняется. Так, из известных автору 9 поляков, проживавших у мещанина Веселова, четверо имели занятия, а пятеро — нет. Второй причиной компактного проживания поляков было совмещение массового обеспечения польских ссыльных, как работой, так и жильем одновременно. Большие коллективы польских ссыльных работали у омского купца, владельца винокуренного завода И. В. Кузнецова³, на складах и водочном заводе действительного статского советника А. Ф. Поклевского-Козелл, чиновника Жиромского⁴, а также при гостинице «Москва», принадлежавшей чиновнику Лагунову⁵. Случаи массового использования рабочей силы поляков, как и факты компактного проживания ссыльных, внушали подозрение властей и по возможности ликвидировались. Так в мае 1865 г. Б. Марчевский открыл мастерскую в Омске, где предоставил работу нескольким ссыльным полякам. В ноябре на него уже поступил донос о том, что мастерская производит ножи,

¹ Мулина С. А. Указ. соч. С. 82.

² ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Т. 2. Л. 221.

³ У Кузнецова на 1 января 1876 г. сидельцем работал И. Боровский, сапожниками — О. Жученя и Ю. Домшинский, механиком — Н. Василевский, биржевым извозчиком — Н. Тешотис, машинистом — Л. Дульский, каменщиком — К. Товянский, караульщиком — Б. Ласский, смотрителем — Янушевский, в услужении находился С. Рачинский — ГУ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 582.

⁴ Сидельцем — Ф. Бельский, дворником — Ф. Комкин, доверенным — Б. Косановский, кучером — И. Рундо. Там же.

⁵ На 1 января 1876 г. у чиновника Лагунова работали Петр и Феликс Сементковские, Д. Байер, Ф. Жидович, К. Главацкий, С. Кущик, Р. Лещук, Э. Урбанович. Там же.

пики, косы и ружья. В итоге мастерская была закрыта, а Марчевский арестован. В этом же году О. Э. Понсет открыл столярню в Томске. Для работы он выписал из деревни около 40 мастеров и подмастерьев. На каждого оформил вид на свободное проживание и поручительство местных купцов. Но столярня просуществовала около полугода. Власти всех рабочих выслали обратно в деревни, и Понсет закрыл мастерскую, понеся огромные убытки¹. Около ста польских ссыльных работали на стеклянном заводе купца Исаева в Томском округе, вызывая толки о том, что ссыльные в близлежащих волостях, Нелюбинской и Богородской, имеют большой запас оружия и собираются поднять восстание, чтобы пробраться в Польшу. По версии жандармов, управляющий заводом поляк М. Дамский русских рабочих заменял ссыльными поляками, под предлогом того, что поляки лучше работают, и за меньшую плату². Подозрения вызывал и Падунский завод Ялуторовского округа Тобольской губернии, где, по мнению доносчиков, поляки хранили оружие и свои бумаги³. Подобное отношение власти осложняло процесс трудоустройства поляков и их инкорпорацию в сибирское общество.

Анализ персонального состава польских колоний позволяет нам говорить, что первоначально в губернских центрах присутствовал большой удельный вес дворян. В некоторой степени это стало итогом целенаправленных действий местной администрации. По крайней мере, А. И. Деспот-Зенович пишет, что «старался людей высшего общественного положения, по возможности, оставлять в Тобольске или посылать в Омск и Курган, потому что местности эти представляют больше удобства для полицейского надзора»⁴. Дворянский характер ссылки в Омске, отсутствие навыков мастерства у большинства ссыльных затруднил поиск средств к существованию. Нищета стала здесь обычным явлением. Начальник Тобольской губернии, запрещая организацию обществ взаимной поддержки среди ссыльных, в данном случае полагал необходимым разрешить политическим ссыльным в Омске иметь в приходской церкви особую кружку для сбора в пользу бедных⁵. В Тобольске и Томске социально неблагоприятный климат постоянно поддерживали дряхлые и больные ссыльные.

¹ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18502. Л. 110.

² ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6715. Л. 19 — 21 об.

³ *Филь С. Г.* Польские страницы тюменского краеведения. Тюмень, 2005. С. 30.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 129. Л. 36 об.

⁵ Там же. Л. 25.

Важной спецификой социокультурной реальности губернских центров было наличие костела и большого числа ссыльных ксендзов. Ссылным священникам были запрещены любые виды религиозной и миссионерской деятельности. Занимать место в приходах они получили возможность только после частичной или полной амнистии. Из 27 священников, пребывавших в Томске, в 1866 г. только двум: Юстину Захаровичу и бывшему ссыльному Валериану Громадскому было позволено совершать богослужения¹. В Омске с 1867 по 1869 гг. ежедневно служили тихие обеды в римско-католической церкви ссыльные священники И. Валентинович, Ф. Прокопович, И. Леонович, М. Бартосик, В. Ковалевский, Р. Здзярский, М. Радзюкина и И. Статкевич².

Со временем облик польской колонии в губернских центрах изменяется. Большой удельный вес дворян способствовал текучести польской ссылки. Дворяне чаще попадали под действие амнистий. А из тех, кто прочно осел в Сибири, большинство, по мнению исследователей, представляли лица низших сословий и обедневшей шляхты³. Одновременно с выездом ссыльных дворян на родину и в губернии Европейской России в губернские центры Сибири направляется поток ссыльных из округов. Прежде всего, из округа в город переселяются дворяне, сосланные на водворение без лишения прав. Для них ссылка «на водворение» приравнивалась к ссылке «на жительство». Так в 1865 г. после получения документов о дворянском происхождении из Омского округа в Омск переселяются И. Жельский, из Тобольского округа — И. Мержиевский и семья Абрамовичей. Высокой была степень миграции из округа в город в среде мещан и евреев. 28 марта 1875 г. полякам, сосланным на водворение, было даровано право приписки к городским сословиям той губернии, где они водворены, с освобождением их одновременно от надзора полиции. Многие ссыльные воспользовались этой возможностью, чтобы закрепиться в городе. С января по август 1877 г. полиция Омска иногородним лицам из ссыльных выдала 323 паспорта на проживание в городе⁴. Таким образом, несмотря на промежуточные амнистии, в Тобольске в 1882 г.

¹ Мосунова Т. П. Томский римско-католический приход в XIX в. // Россия и Польша: Историко-культурные контакты (сибирский феномен): Материалы международной научной конференции (24–25 июня 1999 г., Якутск). Новосибирск, 2001. С. 180–182.

² ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6318. Л. 37.

³ Шостакович Б. С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 27.

⁴ ГУ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 611. Л. 717.

поляки составляли 3,2 % населения, в Омске в 1877 г. — 2,6, в Томске в 1880 г. — 3,1%¹. Большинство мигрантов принадлежало к податным условиям, и в 1877 г. только 34% поляков Омска будут иметь дворянское происхождение². А в начале XX в. корреспондент «Иллюстрированного еженедельника» увидит польскую диаспору в Омске, состоящей в основном из людей беднейшего класса, прежде всего рабочих. «Интеллигенция относительно невелика: чиновники разных разрядов гражданских и железнодорожных, горстка военных и несколько промышленников и представителей торговых фирм. В общем, это люди среднего достатка; только некоторые занимают выдающиеся и лучшие должности...»³.

Второе место по объему польской ссылки занимали окружные города: Ишим, Курган, Тюмень, Тара, Туринск, Ялуторовск, Каинск, Мариинск, Бийск, Кузнецк, Колывань. Они имели от трех до пяти тысяч жителей, обладали благоприятными природно-климатическими условиями, поэтому, несмотря на близость к главному тракту, считались удобными для водворения политических преступников. Здесь колонии польских ссыльных в численном отношении не были такими многочисленными, как в губернских центрах. Зато относительно местного населения поляки составляли в окружных городах значительно больший процент. В 1867 г. польские ссыльные в Кузнецке составляли примерно 5,1% от числа местных жителей, в Ишиме — 3,6%, Кургане и Мариинске — 3,5%, Бийске — 3,3, Таре, Нарыме и Каинске — 3,2%, Колывани — 3,1, Ялуторовске — 2,3%, в то время как в Омске — 1,8%, Томске и Тобольске — 1,2%⁴. Польские колонии в окружных городах были более разнородны. Наибольшая польская колония складывается в Кургане. З. Либрович преувеличивал, говоря, что в Кургане проживало около 400 ссыльных повстанцев. Письма сосланного на жительство в Курган Михаила Жабы и официальная статистика позволяют нам довольно точно описать динамику ссылки в этом городе. М. Жаба приезжает в Курган 17 апреля 1864 г. и уже находит здесь 17 ссыльных поляков⁵, в

¹ Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). Омск, 2006. С. 144, 159, 171.

² Словоцков И. Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Ч. I. Омск, 1880. С. 84.

³ Kolonie polskie na Syberii // Tygodnik Ilustrowany. 1907. № 7. S. 148–149.

⁴ Проценты подсчитаны на основе ведомостей о числе лиц, находящихся в Тобольской губернии под надзором полиции — ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769.

⁵ М. Жаба — не известному адресату. Курган // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 542.

конец июля их уже 45¹. «...Все сосланные в Тобольскую губернию просятся в Курган, — писал М. Жаба, — потому что здесь теплый и приятный климат»², и «Сибирская Италия» быстро заполняется политическими преступниками. 1 августа 1864 г. в Кургане проживало 77 польских ссыльных, 26 февраля 1865 г. — 80³, а 4 декабря 1865 г. — около 120 человек⁴. Польская колония в Кургане постоянно увеличивалась. «Нет месяца, в который не приехало бы несколько человек», — восклицал М. Жаба⁵. В результате в 1866 г. официальная статистика говорит о 129⁶ повстанцах в этом городе.

Первые взаимные впечатления поляков и местных жителей были омрачены пожарами. Начальник Тобольской губернии был вынужден даже перевести часть поляков, жительствовавших в Кургане, в Омск, тем более, что многие дома в Кургане пострадали от огня. По свидетельству курганского городничего Карпинского, вражда между местными жителями и ссыльными поляками была развита настолько, что «каждый житель видел в поляке кровного врага себе, злые нелепые толки поддерживали эту вражду». На рынке за деньги местные жители не продавали полякам съестных припасов, опасаясь, что поляки их «очаруют» и посредством передачи денег нанесут им какое-либо зло⁷. Но со временем ситуация изменилась. «В Кургане «местность более других благоприятна для развития труда и приискания средств к жизни, — писал А. И. Деспот-Зенович. — Почти все поляки заняты торговлею, промыслами, ремеслами, или служат вольнонаемными в присутственных местах и находятся в услужении у частных лиц»⁸. Благоприятные условия проживания способствовали тому, что состав польской колонии в Кургане был относительно стабильным.

Польские колонии в других окружных городах нам известны меньше. «Города Ялуторовск, Ишим, Тара, Туринск и Тюкалинск, — писал тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович, — по роду людей, высланных туда за политические преступления, представляют один и тот же характер. Люди эти все без исключения низшего сословия и лица простого

¹ М. Жаба — родителям. Курган // Там же. Л. 514.

² Там же.

³ М. Жаба — родителям. Курган. 26 февраля 1865 г. // Там же. Л. 521 об.

⁴ М. Жаба — брату. Курган. 4 декабря 1865 г. // Там же. Л. 537.

⁵ М. Жаба — не известному адресату. Курган // Там же. Л. 545 об.

⁶ Материалы отчетов губернаторов — Роцевская Л. П. Указ. Соч. С. 82.

⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 125. 109 об.

⁸ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18486. Л. 132 об.

звания, не получившие решительно никакого образования, а потому там не может быть и речи о чем-нибудь предосудительном в политическом отношении. Многие из проживающих там поляков приискали уже средства к жизни, но большая часть по бедности этих городов живут лишь пособием от казны»¹. Крупная колония поляков складывается в Ишиме. Здесь существовал общий дом, где селились семьи беднейших ссыльных за 50 копеек в месяц за комнату. Поляки работали в клубе, в театре, на фабрике, в столярне, служили у портных, но более всего — на складе Поклевского. Здешний управляющий Михалевский — «почти благодетель», — писал один из проживавших в Ишиме ссыльных, — «Дай, Боже, ему здоровья»². Спецификой польской колонии в Мариинске стало проживание 16 ксендзов, (в других окружных городах ссыльных священников почти не было), из них Ф. Велибовский находился в услужении, У. Торгоньский занимался торговлей, И. и П. Шарковские стали булочниками, Иван Виткевич содержал питейное заведение, а остальные жили за счет казенного пособия³.

В Таре польская колония в большинстве состояла из дворян, сосланных «на водворение» без лишения прав и впоследствии переведенных в разряд сосланных «на жительство». Многие из них являлись уроженцами Минской губернии Игуменского уезда и прибыли в ссылку в сопровождении многочисленных домочадцев: Бобровские, Булгаи, Витковские, Константиновичи, Околовы, Роткевичи, Цехановичи, Шпаковские, Кржечковские и т. д. Финансовое положение семейных ссыльных было достаточно трудным. В 1867 г. многие проживавшие в Таре поляки, получившие возможность перейти «на жительство» во внутренние губернии, не смогли воспользоваться монаршей милостью, поскольку не имели на переезд собственных средств⁴.

Наиболее выгодные условия жизни складываются в Тюмени. «Первоначально сюда посылалось самое незначительное число политических преступников, известных своим хорошим поведением», — так писал А. И. Деспот-Зенович⁵. Но динамично развивающийся город привлекал поляков возможностью заработка и вскоре численность тюменской колонии существенно увеличится.

¹ Там же.

² ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 554.

³ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8960; ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Е». Л. 18 об.

⁴ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7601.

⁵ ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18486. Л. 133–133 об.

Самые незначительные по объему польские колонии складываются в малых городах, с числом жителей менее трех тысяч человек, расположенных в стороне от главного пересылочного тракта и обладающих суровыми природно-климатическими условиями, неблагоприятными для развития сельского хозяйства: Березов, Сургут, Нарым. Нарым заполняется ссыльными уже в 1864–1865 гг. К 1 июля 1867 г. на жительстве в Нарыме состояло 39 поляков¹. Наименование этого населенного пункта как наиболее невыгодного для проживания ссыльные знали еще, находясь по ту сторону Урала. Не успел Л. Пеньковский с женой, прибыть в Нарым, как его брат, штабс-капитан артиллерии, обратился в МВД с просьбой оставить брата и его супругу на жительстве в Томске. Министр не стал возражать. Но начальник Томской губернии остался недоволен вмешательством центра в его юрисдикцию. «Пеньковские имеют право на оставление в Томске менее, чем многие другие политические ссыльные, высланные первоначально в Нарым и там, в продолжение года или двух, трудом добывавшие средства к содержанию и не замеченные в течение этого времени ни в чем предосудительном», — заключал он². Из 30 политических ссыльных, проживавших на то время в Нарыме, губернатор нашел возможным четырех распределить в лучшие города Томской губернии. В Березове и Сургуте формирование колоний ссыльных повстанцев происходит позднее и связано с перемещением поляков из других населенных пунктов Западной Сибири. Как правило, сюда попадали лица, вошедшие в конфликт с западносибирской администрацией. Незначительный объем ссылки в этих населенных пунктах позволял властям осуществлять более бдительный полицейский надзор и контроль над передвижением поляков.

Наличие компактного проживания лиц польской национальности в западносибирских городах еще не свидетельствует о существовании «центра польской жизни». Здесь правильнее вести речь не только о наличии многочисленной польской колонии, но и диаспорной общины, то есть объединения с ярко выраженной национальной идентификацией. Опыт польской ссылки XIX в. позволяет нам рассматривать в качестве диаспорной общины общества вспомоществования, более известные исследователям по материалам Восточной Сибири. Уставы обществ: «kodeks moralny», «przykazania wygnańcze», «kodeks postępowania», «przepisy zachowania się»³ были основаны на сходных принципах и не раз описывались в мемуа-

¹ Рощевская Л. П. Указ. соч. С. 80.

² ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6873.

³ «Моральный кодекс», «наказ изгнанника», «кодекс действия», «правила как себя вести» или «правила поведения».

рах и исследовательской литературе¹. В Западной Сибири попытки складывания польской диаспорной общины в виде обществ вспомоществования мы наблюдаем только в губернских и окружных городах.

Функции обществ вспомоществования вполне согласуются с типичными направлениями деятельности диаспорной общины, выделенными Г. Шеффером². В первую очередь, это моральная помощь членам диаспоры, выражающаяся в стимулировании идентичности и формировании коллективного имиджа. Нормы этического характера, присутствовавшие в уставах организаций: запрет ссыльных жениться на местных уроженках, пить и играть в карты в некоторой степени отвечали этническим задачам³. Поддерживая высокий моральный облик ссыльных, польская община пытается повысить свой групповой авторитет в сибирском обществе. «Стараемся, — писал руководитель курганской организации, — чтобы ни один из нас не испортил своего характера каким-нибудь поступком и чтобы по себе оставить хорошие воспоминания»⁴. «Пятная или унижая себя», — вторил ему Ф. Ковальский из Кузнецка, — ссыльные вредят этим всем каторжникам»⁵. Но основной задачей польских организаций являлось вспомоществование. Основу коммуникации членов общины составляли общие материальные интересы. Не случайно распространенной формой организационной ячейки польских обществ стало совместное проживание. Так «группой влияния», вокруг которой происходила кристаллизация диаспорной общины в Кургане, стали ссыльные М. Жаба, И. Дружбацкий, А. Косецкий, И. Дубовик, Зборовский, Д. Карчевский и Л. Скродский. Все они были уроженцами Западного края, хотя и различных губерний, дворяне, католики, сосланные по суду с лишением прав на жительство. Пожалуй, и все. Образовательный уровень был неодинаков: высшие учебные заведения закончили только Жаба и Дружбацкий. Косецкий закончил уездное училище, Карчевский получил образование дома, за плечами остальных — гимназии. Глав-

¹ См.: *Jędrychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna.* Wrocław, 2000. S. 108–125.

² *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1.

³ Подробнее: *Мулина С. А.* Участники восстания 1863 г. в Западной Сибири: проблемы адаптации // *Азиатская Россия: люди и структуры империи.* Омск, 2005. С. 496–509.

⁴ М. Жаба — Станиславу. Курган 27 марта 1865 г. // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 527.

⁵ Ф. Ковальский — Владиславу. Кузнецк. Черновик письма отобран при обыске в октябре 1866 г. // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18502. Л. 94–95.

ное, что их объединяло — это проживание на одной квартире в доме мещанина Юрганова. В Ялуторовске «группу влияния» составляли живущие в одном доме у купца Родионова политические ссыльные Дмоховский, П. Галицкий, В. Довнар, А. Орловский, М. Томбовский, Н. Гарабурда и К. Флоровский¹. По свидетельству Константина Жаба, в Верхотурье их кружок состоял «исключительно из мастеровых, квартирующих на одной квартире»². Совместное общежитие делало общими хозяйственные интересы. Для элементарного поддержания порядка выбирали дежурного. Сами поочередно готовили себе еду. Или отдавали эту обязанность одному из товарищей, собирали складчину.

Правительство, подозрительно относившееся к любому скоплению поляков, стало рассматривать совместное проживание, удобное в экономическом плане, но неэффективное в деле конспирации, как тайную общественную организацию. Когда до тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича дошли слухи о том, что в Кургане политические ссыльные собираются для обсуждения проступка одного из своих соотечественников, он тут же напомнил курганскому городничему Карпинскому, что «никаких собраний не должно быть»³. В ответном рапорте городничий высказался в защиту курганской организации и даже назвал её «обществом поляков, ценящих свою народную честь и общественное спокойствие»⁴. Следующее письмо тобольского губернатора было более резким: «Я не понимаю, каким образом Вы ... могли до такой степени забыть долг службы и свою прямую обязанность, чтобы перестать понимать, что в Кургане не должно быть никакого особого общества поляков, ... каким образом вы осмеливаетесь доносить, что воображаемое Вами общество как-то особенно ценит свою народную честь и общественное спокойствие, как будто народная честь и общественное спокойствие не одинаково дороги и русскому населению города, и как будто бы сосланные поляки должны составлять из себя особое национальное общество среди русского общества»⁵. Встревоженный губернатор вынужден был

¹ Коваль С. Ф. Революционная деятельность польских политических ссыльных в Сибири в 60-е гг. XIX в. // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1965. С. 128.

² К. Жаба — М. Жаба. Верхотурье. 31 мая 1865 г. // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 562 об.

³ А. И. Деспот-Зенович — М. А. Карпинскому. 8 апреля 1865 г. // Там же. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵ А. И. Деспот-Зенович — М. А. Карпинскому. 12 апреля 1865 г. // Там же. Л. 46 об. — 47.

лично посетить Курган и обязать всех ссыльных подпискою не участвовать в деятельности польских организаций.

Вскоре курганское общество распалось. Недолговечным оказалось общество в Омске, Тобольске, Ишиме и других городах Западной Сибири. Расследование деятельности польских объединений проходило задним числом. Когда в 1867 г. в Ялуторовске решено было провести обыск у восьми ссыльных, подозреваемых в участии в тайном обществе, все они уже были из города: Дмоховский и Галицкий находились в Омском тюремном замке по политическому делу, В. Довнар, Марцелий и Ксаверий Вышемирские, выехали в Казанскую губернию, К. Костюшко переведен в Курган, Я. Мосьщицкий и Р. Шторбек — в Тюмень.

В распаде обществ повинны не столько карательные действия администрации, сколько внутренняя конфликтность польских колоний. Польская ссылка оказалась слишком сложной по структуре, с многочисленными группами влияния. Современники довольно часто фиксируют конфликты и противоречия в среде ссыльных. Из письма В. Грегоровича узнаем, что в Туринске ссыльные поляки делятся на три кружка. — К первому принадлежат люди более-менее образованные, которых очень мало, ведущих же себя хорошо едва несколько человек, ко второму — люди бедные, но живущие спокойно, без всяких скандалов, а к третьему — морально неустойчивые девианты¹. А. И. Деспот-Зенович даже дворян подразделяет на несколько групп, выделяя лиц, получивших образование, и тех, кто имеет состояние, происходит от хороших фамилий, но образование получил самое посредственное. Одни из них бывали за границу, говорят на нескольких языках, что вместе взятое дает им некоторый аристократический отпечаток. Другие, хотя и хорошо развиты интеллектуально, но не имеют наружного лоска и напитаны более демократическими идеями². Образовательный критерий, как фактор раскола, упоминает Э. Чапский. В Сиваковой он выделяет группу «ученой университетской молодежи», «обывателей меньшего образования», а также докторов и артистов, которых иногда включали в первые две группы, но чаще сторонились³.

Чапский упоминает еще такой важный фактор, разъединявший по-

¹ В. Грегорович — М. Жаба. Туринск // Там же. Л. 549.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 129. Л. 36 об.

³ *Czapski E. Zesłańcy polscy w Siewakowej // Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914 // red. Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. (ред.). Warszawa, 1992. S. 267.*

ляков, как происхождение. Кружок спланировался из жителей какой-либо одной провинции, — фиксировал автор¹. Он выделяет «конгрессовяков» — уроженцев Царства Польского, «литвинов», «жмудов», «русинов» — выходцев с Киевской, Волынской и Подольской губерний и «немцев» — представителей Великого княжества Познанского. Жители различных областей Речи Посполитной, пишет В. Сливовская, часто не поддерживали между собой контактов, «жарко спорили, например, о том, по какому календарю отмечать религиозные праздники»². Не обошлось и без политических разногласий. Изгнание Рутковского из общества, по свидетельству К. Медунецкой, имело «чисто политический характер»³. Он доставлял повстанцам седла, а когда был пойман, отказался признаться в связях с повстанцами. В результате был осужден как человек, похитивший седла для себя.

Польские колонии в Западной Сибири оказались во власти всевозможных противоречий. «Хотелось бы уведомить тебя о нашей колонии, — писал Константин Жаба из Верхотурья, — но не стоит она того, чтобы вспоминать о ней. Постоянные ссоры, дошло до того, что при встрече одни другим не кланяются. Ты писал, что у вас есть несколько отложившихся /отщепенцев/. У нас же их много»⁴. «Мы никаким способом не можем прийти до порядка с извечною организацией, — фиксировал Мицкевич в Ишиме, — ибо тут имеем добрых панов Сивобородых, которым сильно хочется руководить». Несмотря на двукратное оглашение на собраниях устава, присланного М. Жабой, он не был принят ишимскими поляками. «Общие голоса выкрикивали: тирания, деспотизм...»⁵. Не только запрет смешанных браков и высокие моральные принципы тяготили ссыльных. Сопротивление встречала и обыкновенная складчина. «...От назначенных контрибуций ежемесячных никто не имеет возможности отговориться», — жаловался В. Подвиньский на нравы ялуторовской организации⁶. «Постоянные недоразумения» присутствовали меж-

¹ Ibid. S. 266.

² Сливовская В. Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков Восточной Сибири // Сибирско-польская история и современность. Иркутск, 2001. С. 72.

³ К. Медунецкая — М. Жаба. Ялуторовск // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 558.

⁴ К. Жаба — М. Жаба. Верхотурье. 31 мая 1865 г. // Там же. Л. 562 об.

⁵ Мицкевич — М. Жаба. Ишим. 7 декабря 1865 г. // Там же. Л. 553 об.

⁶ В. Подвиньский — Э. Корндко. Ялуторовск. 8 марта 1865 г. // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18517. Л. 5.

ду ссыльными в Кузнецке¹. Даже в Кургане, отличающимся наиболее сплоченным обществом, возникают конфликты.

Таким образом, нормы, навязываемые обществами вспомоществования, оказались обременительными для польских ссыльных. Тяжелые условия жизни заставляли поляков расширять внешние контакты, вступая в коммерческие, договорные, брачные отношения с сибиряками, а польские организации, наоборот, путем внутренней консолидации выстраивали социокультурный барьер между членами диаспоры и принимающим обществом. В целом процесс строительства диаспорной общины польскими ссыльными не был реализован. Новый импульс самоорганизации польской диаспоры в Сибири пришелся на конец XIX в. В создании новых «центров польской жизни» в виде польских этнических, филантропических организаций, землячеств, ратующих за сохранение польской культуры, языка, традиций, большую роль будут играть поляки, добровольно прибывшие в Сибирь, и католическая церковь. Этот процесс начался после амнистии 1883 г. и в нем участвовали только те повстанцы, кто уже решил для себя проблему «поврут — оседлене» намерением связать свою жизнь с сибирским краем.

¹ К. Свидерский — Ф. Булгаку. Кузнецк. 24 января 1865 г. // ГАРФ. Ф. 109. Приложения к делам III Отделения. Оп. 214. Д. 274. Л. 18 об.

Польские исследования культур Сибири в дореволюционной России

Первые контакты поляков с культурами Сибири начинаются в конце XVI и начале XVII вв. Впервые о Сибири упомянул в 1608 г. в дневнике В. Дыаментовский¹. Обычно поляки ссылались как «бунтовщики» и политические преступники на Урал и там вступали в казацкие дружины и шли на завоевание Сибири. Компактные поселения поляков в Сибири существовали видимо уже в XVII в.²

В качестве примера можно привести наиболее известные фамилии поляков в сибирской истории этого периода.

Взятый плен в 1621 г. С. Новацкий дошел как предводитель казачьего войска до Нижней Тунгуски, а один из его людей, поляк А. Добрыньский, дошел до Лены и построил на территории Якутии острог, а также подготовил рапорт о землях, лежащих над Леной. Подобный рапорт о землях, лежащих немного западнее сделал Новацкий.

Много польских фамилий появляется в документах XVII в., касающихся Якутии.³ При этом, некоторые их носители отмечены в истории, к сожалению, с плохой стороны. Можно указать в качестве примера Ю. Кшижановского, который в течении многих лет исполнял функции сборщика податей и изначально пользовался доверием власти. Немного позже оказалось, однако, что он сам пополнил число преступлений, жестоко обходился с местными жителями, грабил и убивал их и за это попал под суд.

Примеры других поляков в сибирской истории: П. Хмелевский, воевода Енисейский с 1622 г.; Н. Черниховский, завоеватель земель над Амуром; Ю. Козыревский, моряк, совершивший экспедиции на Курильские острова в 1711 и 1713 гг.; Д. Повлуцкий, командовал походами против чукчей в 1731–1732 и 1745–1747 гг.

С точки зрения истории польских исследований Сибири центральными фигурами ранних лет являются А. Каменьский-Длужник и Л. Се-

¹ *W. Dyamentowski. Dyariusz...; A. Hirschberg. Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII w. Lwów, 1901. S. 131.*

² *Massa I. Beschryvinghe Vander Samoyeden Landt in Tartarien..., Amsterdam 1612: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск, 1932. С. 255.*

³ *Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII в. Якутск, 1967.*

нички. *Dyaryusz więzienia moskiewskiego miast i miejsc*¹ А. Каменьского-Длужика — первое польское описание о зауральских землях. Он был взят в плен поблизости Могилева в 1660 г.² Пребывал в Тобольске, Енисейске и Якутске. На десяти страницах он вспоминает о: зырянах, вогулах, остяках, тунгусах, якутах, гиляках и чукчах, описывая быт, их одежду, оружие, еду, украшения.

Л. Сеницкий был взят в плен в 1707 г. Провел в Сибири 15 лет, из них 13 лет в Якутии. В своей книге, которая была апологией католицизма³, он поместил раздел этнографического содержания.⁴ Это было первое опубликованное описание Сибири. Раздел содержит только 5 страниц. В нем можно найти немного информации о быте и культуре населения Восточной Сибири. Особенно следует подчеркнуть заинтересованность Сеницкого религией, описываемых народов. Благодаря ему, в польской литературе появились первые сведения о шаманизме.

Следующее интересное описание поляком Сибири было написано Й. Матушевским-Матушевичем⁵ в 1785 г. и касалось якутов. Матушевский-Матушевич сделал описание по приказу якутского коменданта Маркловского, утвержденному иркутским наместником И. В. Бриллем в согласии с царским указом, предписывающим собирать сведения о местных жителях⁶. Матушевич старался ответить на 28 пунктов, сформулированных его начальниками. На 8 страницах он описал следующие пункты:

1. О происхождении якутов;
2. Об их религии;
3. Об уважении православной церкви;
4. О шаманизме;
5. О свадебных обрядах;
6. О числе жен;
- 7–8. О приданом жен;

¹ *A. Kamiński-Dłużyk. Dyariusz więzienia moskiewskiego miast i miejsc spisany przez...* // *Warta, Księga zbiorowa ofiarowana ks. F. Bażyńskiemu...* Poznań, 1874. S. 378–388.

² *Armon W. Polscy badacze kultury Jakutów.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. S. 20 и след.

³ *Siennicki L. Dokument Osobliwego Miłosierdzia Boskiego Cudownie z Kalwińskiej Sekty Pewnego Sługę i Chwalcę swego do Kościoła Chrystusowego Pociągający.* Wilno, 1754.

⁴ *Ibid.* S. 9–14.

⁵ *Armon W.* *Op. cit.* S. 24 и след.

⁶ *Ibid.* S. 25.

9. О разводах;
- 10–11. Об именах и воспитании детей;
12. Об обычаях;
13. О строении тела;
14. О занятиях;
15. Об использовании табака;
16. Об одежде;
17. О влиянии теплого и холодного климата;
18. О поселениях;
19. О разведении скота;
20. О занятии скотоводством;
21. О пении;
22. О жертвоприношениях по дороге;
23. О болезни;
24. О боязни больных и мертвых;
25. О погребении;
26. О еде;
27. Об оружии;
28. О праздниках, прежде всего празднике кумыса;

Работа Матушевича-Матушевского была отправлена официальным путем в Иркутск и была использована в коллективной работе о жителях Иркутской губернии (под редакцией Ф. Лангенса¹). Это хороший пример подчинения этнографических исследований политике.

Позднее были написаны этнографические сообщения, вошедшие в воспоминания Ю. Копця² и Ф. Чечерского³.

Ю. Копець⁴ был взят в плен после битвы под Мацеёвицами и сослан на Камчатку. В своих воспоминаниях он описал несколько народов Сибири. Большое внимание он уделяет, конечно, ительменам, так называемым камчадалам. Копець кратко описывает супружеские обычаи, способы охоты, транспорт и коммуникации, а также шаманизм.

¹ Гурвич И.С. Первая монография XVIII в. О народах Восточной Сибири // Очерки истории русской этнографии. М., 1971. С. 8, 10, 12–14; *Armon W.* Op. cit. S. 25.

² *Kopceć J.* Dziennik podróży Józefa Kopcia przez całą wzdłuż Azję lotem do portu Ochotska. Oceanem przez Wyspy Kurylskie do Niższej Kamczatki, a stamtąd na powrót do tegoż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837.

³ *Pamiętnik Xiedza Ciecierskiego, przeora dominikanów wileńskich.* Lwów, 1865.

⁴ См.: *Armon W.* *Kopceć Józef.* // *Polski słownik biograficzny.* Kraków, 1967–1968; *A. Kuczyński.* Wkład polskich podróżników do historii etnografii. Relacja Józefa Kopcia o ludach Syberii // *Etnografia Polska* T. 13. 1969. S. 87–128.

Ф. Чечерский¹, священник-доминиканец, сослан в Даурию за деятельность в литовском союзе. В Сибири был 4 года. В его воспоминаниях относительно много места занимают описания эвенков и бурят.

В XIX в. многие поляки оказались в сибирских землях. В основном это были ссыльные, хотя встречались среди них и те, кто приезжали добровольно, в поисках возможности улучшить свое материальное положение. Среди авторов этого периода, посвятивших свои воспоминания в меньшей или большей степени описанию сибирских народов, можно выделить таких как: Ю. Кобылецкий², Э. Фэлиньская³, Р. Блонский⁴, Р. Пётровский⁵, А. Гиллер⁶.

Однако лишь во второй половине XIX в., особенно после Январского восстания, в Сибирь попадают люди, серьезно заинтересованные исследованием местных культур. Наиболее опасных бунтовщиков власть отправляла в отдаленные регионы Сибири, например, в Якутию. Вклад этих людей в изучение культуры якутов подробно описал В. Армон⁷, поэтому мы не будем еще раз останавливаться на их именах. Вспомним только тех, кто сделал для якутской культуры более всего: Э. Пекарского и В. Серошевскийго.

¹ *Kuczyński A.* Polskie opisanie świata, T. 1. Azja i Afryka. Wrocław, 1994; S. 92 nn; Wkład polskich podróżników do historii etnografii. «Pamiętnik Faustyna Ciecierskiego jako źródło etnograficzne XVIII wieku, «Etnografia Polska» 1971; *Małgowska H.* Warmiak na Syberii, czyli dziwne losy Faustyna Ciecierskiego // *Warmia i Mazury.* 1972; *Miller A.* Pierwsza porozbiorowa konspiracja litewska. Spisek ks. Ciecierskiego przeora dominikanów wileńskich (1796–1797). Kraków, 1936.

² *Kobylecki J.* Wiadomości o Syberii i podróże w niej odbyte w latach 1831, 1832, 1833, 1834, przez J. K. Warszawa, 1837; См. *Armon W.* Kobylecki Józef // *Polski Słownik Biograficzny 1967–1968; Kuczyński A.* Syberyjskie podróże Józefa Kobyleckiego // *Poznaj świat.* 1969; *Polskie opisanie świata.* T. I. S. 96.

³ *Felińska E.* Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie, spisane przez ... Wilno, 1852; См. *Małgowska H.M.* Formy pamiętnikarsko-reportażowe lat czterdziestych i pięćdziesiątych (Na marginesie wspomnień z podróży do Syberii Ewy Felińskiej) // *Przegląd Humanistyczny.* 1976. № 4.

⁴ *Błoński R.* Pobyt na Syberii Rafała Błońskiego przez niego samego w Rzymie opisany w r. 1865. Kraków, 1867.

⁵ *Piotrowski R.* Pamiętniki z pobytu na Syberii. Poznań, 1860–1861; См.: *Sokulski J.* Rufin Piotrowski i jego pamiętniki // *Sybirak.* 1936. № 4.

⁶ *Baranowski W.* Agatona Gillera rozważania nad stosunkami społecznymi i kulturą ludową rosyjskiej wsi na Zabajkału // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego.* 1975; *Sokulski J.* Agaton Giller więźniem i wygnańcem syberyjskim // *Sybirak.* 1937.

⁷ *Armon W.* Polscy badacze ...

Э. Пекарский был арестован в 1879 г. и как член общества «Земля и Воля» осужден на бессрочную ссылку в „отдаленные места» Восточной Сибири. Местом его ссылки стал Игидейский наслег в Батурусском улусе. Ему выделили небольшой надел земли, где он построил себе юрту. Благодаря своей якутской жене, он выучил местный язык, которым вскоре серьезно заинтересовался и решил поработать над созданием словаря. Первую свою версию он закончил в 1889 г. В 1895 г. Пекарскому частично возвращено гражданские права: он получил право выбора места проживания, за исключением столицы и губернских городов. Однако правом этим он не воспользовался и остался на месте, чтобы продолжить начатую работу. *Словарь якутского языка* был издан Императорским Российским Географическим Обществом в 1899 г. В 1903 г. Пекарский принял участие в экспедиции Попова, проведя исследование местных тунгусов. Однако главным полем его деятельности оставалась работа над *Словарем якутского языка*. Благодаря Петербургской Академии Наук, он получил разрешение проживать в Петербурге, чтобы лично наблюдать и контролировать издание *Словаря*. В 1907 г. он лично позаботился о закупке печатных машин с якутскими шрифтами. Эти машины были предназначены для первой двуязычной якутской газеты «Якутский Край». В Петербурге Пекарский работал в этнографическом отделе Русского Музея, а также в Музее Антропологии и Этнографии. Был награжден двумя золотыми медалями (от Географического Общества и Академии Наук). После Октябрьской Революции он продолжил работу в Академии Наук. Полностью его *Словарь якутского языка* был издан лишь в 1930 г. *Словарь* содержит две тысячи страниц и 25 тысяч слов. Это в своем роде уникальная работа, так как является еще энциклопедией якутской культуры. Пекарский писал: «*Язык племени — это зеркало всей его жизни, это музей, где собраны все ценности культурного и интеллектуального быта*»¹. Кроме *Словаря* самой главной работой Пекарского является *Образцы народной литературы якутов*².

Труды Пекарского — это хороший пример серьезных научных исследований. Но именно тем человеком, который смог широко представить якутскую культуру миру, был В. Серошевский.

Серошевский был арестован в 1878 г. как участник социалистических кружков. В 1879 г. он принимал участие в тюремном бунте и, как один из наиболее активных участников этого выступления, был осужден

¹ Ibid. S. 105.

² Пекарский Е.К. Образцы народной литературы якутов Т. 1. СПб., 1907–1911.

на 8 лет тюрьмы и «лишен всех прав». Вскоре этот приговор был заменен на ссылку в Восточную Сибирь.

С первых дней пребывания в Сибири Серошевский начал делать этнографические заметки, собирал информацию на тему топографии. Для начала он делал это в литературных и практических целях. Со временем научные цели начали играть основную роль. Он очень быстро выучил якутский язык, благодаря чему ему стало легче проводить систематические исследования. Крепкая дружба со многими якутами, а также супружество с якуткой Ариной Челба-Кыса, способствовали лучшему пониманию местной культуры. Немалую роль во взглядах Серошевского на якутскую религию сыграла дружба с шаманом Тюспютом.

В июне 1892 г. Серошевский получил паспорт поселенца. Два года он прожил в Иркутске, а потом в Петербурге.

Многолетний период пребывания в Иркутске и Петербурге Серошевский посвятил обработке собранных этнографических материалов, а также интенсивному изучению народной литературы. В это время выходят его первые научные статьи на русском языке¹. В 1896 г., при поддержке Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Императорского Общества (ВСОИРГО) ему удается издать монументальный, насчитывающий 700 страниц, первый том монографии о якутах². В содержание тома вошли, между прочим, его ранние статьи. Второго тома, к сожалению, ему издать не удалось. Его 400-страничная, не полностью отредактированная рукопись находится в сборниках Географического Общества в Петербурге³.

Монография была встречена с большим интересом и получила высокие оценки. Понимая ее большую ценность, Географическое Общество наградило Серошевского золотой медалью. В сентябре 1900 г. французский перевод XX раздела работы, касавшегося якутских верований, был прочитан на Конгрессе истории религии в Париже. В 1901 г. опубликовано 46-страничное содержание избранных фрагментов книги на английском языке⁴. Первые польские сокращенные издания под заглавием *Dwanaście lat w kraju Jakutów* были опубликованы в 1900 г., а последнее — в 1961 г.

¹ *Sieroszewski M.* O jakutskich pieśniach i piewcach (1893); Якутский хлеб и якутская свадьба (1894); О брачном союзе якутов (1895) // *Armon W.* op. cit.

² *Серошевский М.* Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896.

³ Микрофильм находится также в Национальной Библиотеке в Варшаве. (Шифр. Мf. A. 161.)

⁴ *Sumner W. G.* The Yakuts. Abridged from the Russian of Sieroshevski by... // *The Journal of the Royal Anthropological Institute.* Vol. 31. 1901. P. 65–101.

В 1897 г., благодаря Географическому Обществу, Серошевский получил разрешение возвратиться на родину.

В 1900 г. он снова был арестован. От вынужденного возврата в Сибирь его спасает вмешательство Географического Общества. Он был направлен Обществом в Японию с целью изучения культуры и антропологического типа айнов. В этой же экспедиции принимал участие Б. Пилсудский. Проведение исследований прервало начало русско-японской войны.

В 1896 г., известный российский этнограф, Р. Харузин охарактеризовал монографию Серошевского как «самую лучшую научную работу по теме этнографии якутов», а также как «самую выдающуюся работу в области этнографии народов России, изданную в последние годы»¹.

Очень высоко оценивали книгу, между прочим, Л. Маевский² и Л. Кжывицкий³. Другого мнения был В. Ионов⁴: видимо эта оценка В. Ионова исходит из каких-то вненаучных взглядов⁵. Надо сказать, что с точки зрения современной науки работа Серошевского широко охватывает хорошо упорядоченный и проинтерпретированный материал и остается главным источником последующих этнологических исследований якутов⁶.

Следует подчеркнуть большое уважение Серошевского к якутской культуре, воззрениям шаманизма. Несколько раз он подчеркивает искренность «великих шаманов»⁷, а также эффективность шаманского лечения психических и психосоматических болезней⁸. Он пишет также, что у самих шаманов нет никаких психических болезней, а наоборот, что они очень умны и обладают большим самоконтролем⁹.

На рубеже XIX–XX вв. подобная трактовка шаманов стала событием. Кроме Серошевского аналогичный тезис был выдвинут ещё одним поль-

¹ Харузин Н. // Этнографическое обозрение. Т. 84. 1896. С. 170–172.

² *Majewski L.* // *Wisła*. Т. 15. 1901. С. 92–94.

³ *Krzywicki L.* // *Książka*. Т. 1. 1901. С. 8–9.

⁴ *Ионов В.* Обзор литературы по верованиям якутов // *Живая старина*. Т. XXII. 1914. С. 317–372.

⁵ См. *Armon W.* *Polscy badacze ...* С. 96 и след.

⁶ *Kalużyński S.* *Jacutia: prace jakutoznawcze*. Warszawa, 1995. С. 375.

⁷ *Ibid.* С. 311 и след., 325–326.

⁸ *Ibid.* С. 313, 324.

⁹ *Sieroszewski W.* *Dwanaście lat...* Т. II, С. 311 и след., 320.

ским исследователем сибирских культур Б. Пилсудским¹. Возможно, такой взгляд Б. Пилсудским заимствован у Серошевского, совместно с которым он участвовал в экспедиции на о. Хоккайдо².

Сам Пилсудский отмечен в истории науки, прежде всего, как исследователь культуры айнов и нивхов. Он был осужден в 1887 г. по обвинению в покушении на жизнь императора, но приговор был изменен на 15 лет каторги на Сахалине. На этнографические исследования его вдохновил частично Л. О. Штернберг. После амнистии, с 1896 г. Пилсудский получил возможность уехать с Сахалина, но без права возврата в европейскую часть России. В 1898 г. он начал публиковать свои первые этнографические статьи³. Русское Географическое общество, заинтересованное в исследовании местных жителей Амура, рекомендовало Пилсудского на пост хранителя фондов музея во Владивостоке. Как уже было сказано, Пилсудский участвовал вместе с Серошевским в экспедиции на японский остров Хоккайдо.

В 1905 г. Пилсудский проводил исследования над ольчами нижнего Амура.

В общей сложности им опубликовано около 40 работ.

Труды Пилсудского, Серошевского и Пекарского очень важны для мировой науки. Можно сказать, что Серошевский и Пекарский — это основатели мировой якутологии.

Якутский язык — это один из тюрских языков. Тюрские языки принадлежат к алтайской языковой группе. К этой же группе принадлежат монгольские языки. В состав монгольских языков входят многие языки Сибири и Средней Азии, например, бурятский. Основателем мирового монголоведения является тоже поляк — Ю. Ковалевский.

Ю. Ковалевский⁴ родился в семье униатского священника. Окончив в 1817 г. гимназию в Свислочи, он поступил в Виленский университет, где изучал древние языки и классическую литературу. В ноябре 1817 г. по предложению Адама Мицкевича он был принят в тайное общество филоматов, был секретарём, затем председателем его первого отдела-

¹ *Piłsudski B. Szamanizm u tubylców w Sachalinie // Bronisław Piłsudski, Zesłaniec, etnograf, polityk. Wrocław, 2000. S. 25.*

² *Ср.: Szamanizm u Ajnów na Sachalinie. Wieczory Polskie. Lwów, 1908, S. 327—350; Der Schamanismus bei den Ainu Stämmen von Sachalin. Globus. Illustrierte Zeitehrift für Länder und Völkerkunde. Braunschweig, 1909. T. 45. № 5. S. 72—78; Szamanizm u tubylców Sachalinu. Lud. Lwów, 1910. №. 15. S. 261—274, № 16. S. 117—132.*

³ *Пилсудский Б. Нужды и потребности петербургских Гиляков. 1898.*

⁴ *См.: Kotwicz W. Józef Kowalewski (1801—1878). Orientalista. Wrocław, 1948.*

ния — отделения литературы и моральных наук. Участвовал в деятельности дочерних организаций филوماتов — Союза друзей и Общества филаретов.

В 1823 г. он был арестован и после заключения на время следствия был выслан в августе 1824 г. под особый надзор в Казань. В Казанском университете он изучал восточные языки (арабский, персидский, татарский). Там же им была написана «История Казанского ханства».

Для подготовки к работе на кафедре монгольских языков в Казанском университете (открыта в 1833 г.) он был командирован в 1827 г. в Бурятию. 18 января 1828 г. уехал в Ургу, в Монголию, где пробыл один месяц. В марте 1829 г. уехал в Верхнеудинск на один год. Он изучал там ламаизм, бурятскую культуру и язык. В 1830–1831 г.г. Ю. Ковалевский побывал в Китае как член дипломатической миссии. Он собирал там научные материалы на тему китайской культуры и языка. Возвращаясь из Китая, он опять остановился в Верхнеудинске, чтобы лучше изучить бурятскую культуру и язык. Там он прожил до весны 1833 г., после чего вернулся в Казань.

В мае 1833 г. в Петербурге Ю. Ковалевский выдержал государственный экзамен по монгольскому языку. В том же году он основал в университете в Казани кафедру монголоведения, первую в Европе.

До 1860 г. Ковалевский был профессором Казанского университета. Под его руководством на кафедре монгольского языка в Казанском университете обучались востоковеды А. Бобровников, Д. Банзаров, Г. Гомбоев, Н. И. Зоммер и др.

В 1846 г. Ковалевский был удостоен Демидовской премии, которая считалась самой главной научной премией в России.

В 1855–1860 гг. Ковалевский являлся ректором Казанского университета.

В 1862 г. ученый вернулся в Польшу и в том же году был назначен профессором Варшавской высшей школы, преобразованной в 1869 г. в Варшавский университет.

Ковалевский был почетным членом Азиатского общества в Париже (1839), членом-корреспондентом (1837), академиком Петербургской Академии наук (1847).

Он также занимался просветительской деятельностью: воплотил в жизнь проект создания русско-монгольской войсковой школы в Троицкосавске. Школа официально открылась в 1833 году. В ней готовили бурятских детей к службе писарями, переводчиками и урядниками в Троицкосавском пограничном управлении и в четырех бурятских полках, сформированных в XVIII в. для охраны границы вместе с русскими

казаками. Основанную Ковалевским школу закончил один из первых бурятских ученых Доржи Банзаров.

Главная научная работа Ю. Ковалевского — «Монгольско-русско-французский словарь» — издавался в 1844–1849 гг.

Среди исследователей монгольских и тюрских этносов следует привести имя Ф. Кона¹. Он известен как революционер, но у него есть тоже несколько достижений и по этнографии. В Сибирь он был сослан как один из лидеров партии «Пролетариат». В августе 1886 г. через Иркутск проследовал на Кару, где провел в тюрьме семь лет. С 1891 по 1897 гг. Ф. Кон жил в Якутии, а потом до 1905 г. — Енисейской губернии. Свои научные исследования он начал в Якутии, но самые важные его труды связаны с Тувой. По рекомендации ВСОИРГО, он собирал полевой материал в Сойотии. Особенно заинтересовался шаманизмом. Согласно его наблюдениям, тувинский шаманизм разделяется на два типа — восточный и западный. Разделение это связано с исторической спецификой тувинцев². Его труды важны не только с точки зрения этнологии и истории тувинцев, но и для лучшего изучения феномена общемирового шаманизма. Много материалов, собранных Феликсом Коном не опубликовано до сих пор.

Широкие исследования в области антропологии и археологии провел Ю. Талько-Хрынцевич. В: 1892–1908 гг. он находился в Забайкальском крае в рамках служебного контракта: работал врачом в Троицкосавске (Кяхте). В это же время им выполнялись антропологические и археологические исследования. Он также был организатором Отделения Русского Географического Общества в Троицкосавске, библиотеки и музея в этом городе. После возвращения на родину он работал профессором антропологии в Ягеллонском университете в Кракове.

Следует напомнить, что группа польских соотечественников-ученых из круга Б. Дыбовского тоже сделала несколько этнографических наблюдений. Можно в качестве примера привести имена: Я. Черского, А. Чекановского, М. Хартунга или В. Ксенжопольского³.

¹ См.: *Ваништейн С.И.* Антропологические и этнографические исследования Феликса Яковлевича Кона // Советская этнография. 1965; *Он же.* Феликс Яковлевич Кон как этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. 1965; *Swienko H.* Feliks Kon — badacz ludów Syberii i rewolucjonista // *Polskie badania obcych kultur ludowych* / red. E. Pietraszek. Wrocław, 1981.

² См.: *Ваништейн С.И.* Указ. соч.

³ *Wójcik Z.* O elementach etnograficznych w pracach niektórych geologów polskich badających Rosję przed rokiem 1914 // *Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie etnografii: materiały z konferencji we Wrocławiu* / red. Babicz J., Kuczyński A. Wrocław; Warszawa, 1976.

В XX в. продолжались польские исследования культур Сибири. Прежде всего, следует упомянуть о М. А. Чаплицкой. Она училась в Лондоне и в Оксфорде. С 1912 г. преподавала этнологию в Оксфорде, Лондоне и Бристоле. Она проводила полевые исследования культуры ненцев и эвенков. В своих исследованиях Чаплицкая выражала идею связи человека с природой и диффузии элементов культуры¹.

Во время, когда Чаплицкая проводила свои исследования, многие ученые обращали внимание на проблему этнологических связей между американскими индейцами и коренными народами Сибири. Тезис, что предки индейцев в эпоху палеолита пришли из Азии через Берингов пролив, имел многих сторонников, но были и его противники. Много на эту тему спорили в американской науке. От имени *National Museum Smithsonian Institution* из Вашингтона приехал в Приморье польский этнолог С. Понятовский². Он собирался проверить, сохраняются ли сходства между культурами индейцев, чукчей, коряков и ительменов и этносов, проживающих на большем удалении от Берингова пролива. Программу экспедиции не удалось закончить из-за начала Первой мировой войны.

В заключение хотелось бы напомнить, что польские исследования культур Сибири являются очень важной частью мировой науки.

¹ Ср.: *Czaplicka M. A. The Turks of Central Asia // History and the Present Day. An Ethnological Inquiry into the Pan Turanian Problem, and Bibliographical Material Relating to the Early Turks and the Present Turks of Central Asia. Oxford, 1913; Aboriginal Syberia, a Study in Social Anthropology. Oxford, 1914; My Siberian Year, London 1916.*

² См.: *Wokroj F. Ludność nadamurska w świetle antropologicznych materiałów Stanisława Poniatowskiego. Lud, 1966.*

Бенедикт Дыбовский — исследователь Байкала

Без всякого преувеличения можно сказать, что одним из естествоиспытателей, заложивших фундамент современных знаний о Байкале, был польский биолог и врач Бенедикт Дыбовский.

Бенедикт Дыбовский родился в Минской губернии 30 апреля 1833 г. Относительно даты и места его рождения биографы расходятся. Некоторые из них считают, что ученый родился 12 мая 1833 г. в имении Тонвы Минской губернии. Однако сам Дыбовский в своих дневниках называет имение Адамарин той же губернии. Там же он указывает, что родился в 1830 г. [1, 3, 5]

Дыбовский прожил долгую и насыщенную интересными событиями жизнь и скончался в возрасте 97 лет. Это немалый срок. Его детство проходило в те годы, когда были живы Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Бенкендорф, Сперанский. Он был современником отмены крепостного права и реформ Александра II, пережил русские революции и Первую мировую войну, дожил до создания независимой Польши, а умер в годы расцвета деятельности Сталина, когда начинались политические репрессии.

Б. Дыбовский окончил Минскую гимназию, обучался на медицинском и естественно-научном факультетах Дерптского университета (Юрьев, Тарту). В 1860 году он получил звание доктора медицины в Берлинском университете. Являлся профессором зоологии в Высшей школе в Варшаве, а затем в Львовском университете. Из своих 97 лет — 78 лет занимался плодотворной научной деятельностью [1, 3].

Не по своей воле оказался Дыбовский на Байкале. В планы научной работы молодого доктора зоологии и медицины, профессора Варшавского университета Бенедикта Дыбовского не входили исследования далекой Сибири и Байкала. Его привлекала Африка, Средиземноморье. Именно там горячий приверженец теории Дарвина надеялся найти новые доказательства изменчивости видов.

Но судьба распорядилась по-другому. Событием, резко изменившим его жизнь, стало восстановление за независимость Польши в 1863 г. Дыбовский был одним из его активных участников. В ходе подавления царскими властями этого массового выступления на землях бывшей Речи Посполитой под господством Российской империи многие участники

революционных повстанческих организаций были приговорены к различным мерам наказания. В 1864 г. репрессии коснулись и Дыбовского. Он был арестован и приговорён к смертной казни, но благодаря ходатайству коллег-ученых приговор был заменён ссылкой на каторгу в Восточную Сибирь сроком на 12 лет. 10 августа 1864 г. его отправили на каторгу в Сибирь.

Надо отдать должное будущему исследователю Байкала, стойко встретившему такой резкий поворот в своей жизни. Уже в первые годы своего пребывания в Забайкалье Дыбовский находит применение своим силам и талантам. Невзирая на все трудности каторги, Бенедикт Янович организует систематические исследования фауны Забайкалья.

В 1868 г. ему, как и многим другим политическим осужденным, каторга была заменена ссылкой на поселение. Дыбовский мечтал, чтобы ему разрешили выехать на поселение в Приамурье. И снова вопреки его мечтам, его планы кардинально меняются. После восстания ссыльных поляков на Байкале (по иронии судьбы, начавшегося в Култуке) пришло Высочайшее повеление о переселении всех политических ссыльных из пограничной Даурии в Иркутскую губернию, а в ответ на прошение Дыбовского поселиться в Благовещенске, чтобы изучать амурских рыб генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков ответил: «*Пусть обратит свою деятельность на озеро Байкал. Перевести в Иркутскую губернию*» [1, 5]. Поздней осенью 1868 г. он возвращается из Забайкалья в Иркутск, чтобы выехать к месту поселения, которое должны были ему определить власти.

Раз предыдущим планам не было суждено сбыться, Дыбовский ставит себе цель — добиться разрешения на поселение в Култуке, небольшом селе, расположенном на южной оконечности Байкала.

Причиной того, почему Дыбовский стремился поселиться в Култуке, объясняется тем, что, во-первых, здесь было удобно проводить исследования и восточного и западного берегов озера, рядом находится горный Хамар-Дабан. Многие естествоиспытатели, многие экспедиции работали именно на юге Байкала. Это было очень удобное во всех отношениях место. Во-вторых, Дыбовский узнал, что в Култуке имеется большой пустующий дом государственного чиновника, рудознатца Г. М. Пермикина, и существует реальная возможность снять его под квартиру, что было очень немаловажно в тех условиях [3, 5].

Для того, чтобы осуществились эти планы, Дыбовскому пришлось приложить немало сил. Дело в том, что поселение в Култуке для поляков было запрещено, так как село стояло на дороге, ведущей в село

Тунка, которая была местом ссылки польских ксендзов, а власти боялись как бы култуцкие поселенцы не стали посредниками в общении репрессированных за причастие к Январскому восстанию католических священников с поляками-ссылными в Иркутске. И все же, благодаря начальнику уезда Павлищеву, разрешение на поселение было получено. Павлищев взял проживание в Култуке Б. Дыбовского и его товарищей под свою ответственность. Кроме того, он же распорядился считать их научное снаряжение казенной собственностью, и вся сельская община Култука была обязана отвечать за его сохранность [5].

С домом, в котором собирался поселиться Дыбовский, вопрос также решился благополучно. Знакомый Бенедикта Дыбовского — поляк доктор Лаговский лично знал Г. Пермикина, являясь его домашним врачом. Благодаря ему, Пермикин согласился отдать в наём все свои владения в Култуке (большой жилой дом, хозяйственные постройки, овощной огород, кусок луга, и всё это за 15 рублей в год). «Таких жилищных условий, пожалуй, нельзя было бы найти во всей Восточной Сибири.» — писал Дыбовский [5].

Не меньшей проблемой для ученого оказалось найти товарищей по поселению. Его товарищ по Даурии Виктор Годлевский хотел остаться в Иркутске, у него здесь было много друзей, он любил карточные игры. Помогло письмо орнитолога В. Тачановского из Варшавы, направленное в адрес отдела Географического Общества Восточной Сибири. Тачановский в письме высказывал заинтересованность в посылках чучел образцов местной фауны и обещал за это выслать некоторую сумму денег. Это письмо заинтересовало Годлевского. Для помощи в хозяйстве Дыбовский пригласил в Култук молодого парня — Владислава Ксенжопольского. Его Дыбовский знал по Дарасуну, и предложил ему заняться всем хозяйством, пообещав выхлопотать кредит у купцов, чтобы Ксенжопольский мог открыть лавочку в Култуке для торговли с окрестными крестьянами и бурятами.

Преодолев различные преграды, Дыбовский в конце 1868 г. вместе со своими товарищами В. Годлевским и В. Ксенжопольским приезжает в Култук, на Байкал, где с удивительной энергией и целеустремленностью приступает к исследованию тайн великого озера.

Надо отметить, что интерес к Байкалу у Дыбовского не был случайным, он возник ещё в период, когда его везли на каторгу: *«Мы услышали рассказы об Ангаре и Байкале. — писал он в дневниках. — Какое-то невысказанное чувство глубокой заинтересованности почувствовал я к Ангаре, и особенно к озеру Байкал, его морская священность располагала мое воображение к мечтам и побуждала исследовать*

тайны реки и озера». Кроме того, растравили любопытство ученого к Байкалу услышанные им многочисленные утверждения об исключительной бедности фауны Байкала, основанные на исследованиях Густава Радде. В голове Дыбовского не укладывались, как такое может быть — исключительное богатство озера рыбой и бедность фауны. «А чем же тогда питается рыба?» — задавал себе вопрос ученый. Дыбовский категорически не был согласен с утверждением Г. Радде о бедности фауны Байкала и жаждал доказать свою правоту [1, 5].

Култук и Байкал поразили Бенедикта Яновича. Этот этап его жизни наиболее подробным образом описан в его дневниках. В Култуке Дыбовский разворачивает такую активную исследовательскую деятельность, что даже сегодня она кажется невероятной. Его интересует всё — фауна озера и его берегов, рельеф и отложения дна Байкала, озерные течения и ледовый покров, изменения уровня воды в озере и метеорология, и многое другое. Чем объяснить, такой спектр интересов? Ответ на этот вопрос дает сам Дыбовский в своих мемуарах: без понимания физико-географических особенностей озера и его берегов невозможно понять особенности фауны Байкала [5].

Для того, чтобы развернуть серьезные исследования на Байкале и не только фауны, но геоморфологии дна, гидрологии, метеорологии и т. д., одного желания было мало. Требовались значительные финансовые и материальные ресурсы. Дыбовский обращается в Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества с просьбой о денежной субсидии, обещая, что будет выплачивать собранными коллекциями. Но к своему удивлению встретил равнодушие к его проектам. Кроме ограниченности РГО в средствах (в это время РГО финансировало несколько крупных экспедиций, в том числе и Чекановского), это было вызвано укоровившимся в научных кругах мнением Г. Радде о бедности фауны Байкала. Не получив денежной помощи в Географическом обществе, Дыбовский одалживает деньги у своего знакомого — практикующего в Иркутске врача Лаговского и начинает работы на Байкале.

В публикациях о Дыбовском нередко указывается, что в Култуке он жил и постоянно занимался исследованием Байкала с 1868 по 1877 гг. Это неверно. За этот период Дыбовский несколько раз выезжал в Забайкалье и Приамурье. Было три периода, когда Б. Дыбовский занимался исследованиями Байкала:

1 период. Конец 1868 — весна 1869 гг.

Лето и осень 1869 г. Дыбовский в качестве врача провел в экспедиции генерала И. Г. Сколкова, организованной правительством с целью исследования местности по Амуру и Уссурии.

2 период. Самый большой период, когда Бенедикт Янович жил в Култуке, с осени 1869 — по осень 1871 гг. Именно в это время Б. Дыбовский вместе с В. Годлевским разворачивают серьезные работы по исследованию фауны и рельефа дна Байкала, проводят ряд интересных экспедиций по хребту Хамар-Дабан и берегу Байкала.

С 1872 по 1875 гг. Дыбовский и Годлевский участвуют в экспедиции по Приморью. Добираются до Благовещенска и южных частей Маньчжурии.

3 период. Из Приморья Б. Дыбовский и В. Годлевский возвращаются в октябре 1875 г., и узнают в Иркутске приятную новость, что по ходатайству Русского географического общества и канцелярии генерал-губернатора в скором времени должно появиться разрешение на возвращение их на родину. Но вскоре стало ясно, что быстрого решения этого вопроса ждать не стоит (действительно его пришлось ждать почти 2 года — до осени 1877 г.). В эту пору Дыбовский и Годлевский решили организовать экспедицию на Байкал для исследования фауны и глубин Байкала в районе деревни Большая Голоустная и Посольска. Исследователями был сооружен возок, который предназначался для проживания во время долгого пребывания на Байкале. В конце февраля 1876 г. ученые отправились на Байкал, планируя побыть там до начала апреля и по льду озера добраться до Култука, где они собирались обрабатывать результаты измерений. Дыбовский и Годлевский предполагали, что в Култуке можно будет поселиться в доме Пермикина (в котором они жили с 1868 по 1871 г.). Но оказалось, что дом был занят.

Виктор Годлевский выяснил, что под квартиру можно снять домик на берегу Байкала, но требовалась его ремонт. А пока домик ремонтировался, можно было пожить в возке на берегу Байкала. Что и было сделано.

С весны 1876 г. до лета 1877 гг. Дыбовский и Годлевский провели в Култуке. Совершили несколько экспедиций на лодке вдоль берегов Байкала, в Тункинскую долину, Восточные Альпы и на озеро Косогол (Хубсугул в Монголии).

В июне 1877 г. было получено известие, что им разрешено возвращение на родину.

Суммарно Дыбовский прожил на Байкале, а точнее посвятил исследованиям озера, около 4 лет. То, что удалось сделать Бенедикту Дыбовскому и Виктору Годлевскому за это время, поражает воображение.

Из основных достижений Б. Я. Дыбовского при исследованиях Байкала и Прибайкалья можно указать следующие:

1. Развеян миф о бедности животного мира Байкала. Богатейшая, и, во многом эндемичная фауна, открытая Дыбовским на Байкале поразила научный мир и вызвала жаркие споры среди ученых. За несколько лет, Ды-

бовским собран богатейший зоологический материал, содержащий множество новых, ранее неизвестных форм. Только из группы байкальских бокоплавов, изученных лично Дыбовским, 116 видов представляют в науке совершенно новые. Им впервые описан один из наиболее многочисленных видов байкальских эндемичных рыб — бычок-желтокрылка; открыт феномен живорождения у голомянки и многое другое. Примечательно, что сам Б. Дыбовский указывал, что это только начало и далее следует ожидать обнаружения новых видов живых организмов в Байкале [1, 4, 5, 6].

2. Исследования фауны Байкала в широком сравнении с результатами обработки собственных зоологических сборов в р. Ангаре, в оз. Хубсугул, в водоемах Прибайкалья, Забайкалья, Дальнего Востока и Камчатки, а также с литературными данными, привели Дыбовского к выводу об ее уникальном, эндемичном характере [1, 5].

3. Дыбовскому первому принадлежит идея о существовании в озере Байкал двух самостоятельных групп фауны, т. е. сформировано представление о явлении, в последствии получившем название «несмешиваемости» биоценозов [1].

4. Не менее, если не более, впечатляющи его работы физико-географической направленности, связанные с исследованиями глубин Байкала, наблюдения за течениями, изменениями уровня воды в Байкале, метеорологические наблюдения. Б. Дыбовским и В. Годлевским были впервые проведены систематические исследования этих характеристик озера [5, 7, 8].

5. Одним из важных достижений Б. Дыбовского является то, что впервые проводилось комплексное изучение водоемов (намного раньше исследований Ф. Фореля на Женевском озере, считающихся началом лимнологии (1880-е гг.)). Таким образом, именно Б. Дыбовского было бы правильнее называть «первым лимнологом». Находясь на поселении на юго-западной оконечности Байкала, Дыбовский и Годлевский изучали не только район Култук, но и всю южную часть озера, включая исток Ангары [1].

6. Развевая миф о том, что фауна Сибири незначительно отличается от европейской. Дыбовский, опираясь на богатый фактический материал, доказал, что Сибирь (и в том числе Прибайкалье) с её особыми условиями существования обладают особой фауной. Большие коллекции собранные Б. Дыбовским ещё долгое время изучались учеными во многих научных центрах [1, 5].

7. Благодаря дневникам, статьям и письмам Бенедикта Яновича Дыбовского до современных исследователей дошли интересные сведения об этнографии народов Прибайкалья; описание многих интересных исторических событий, таких, например, как каторга и ссылка осужден-

ных поляков; об Иркутске и Иркутской губернии 60-х годов XIX века и многое другое. Несомненно, дневники и письма Б. Дыбовского являются ценнейшими историческими документами [2, 5, 9].

Следует особо отметить, что в свой байкальский период деятельности Бенедикт Янович Дыбовский проявил себя, как опытный и энергичный организатор научных исследований. Удивительно, как ему удавалась находить средства на проведение исследований и заинтересовывать своими работами разных людей. В Култук к нему часто приезжали знакомые из Иркутска, но не просто отдохнуть, а участвовать в исследовательских работах — тянуть драги, обрабатывать материалы и многое другое.

Дыбовский и Годлевский проявили себя талантливыми изобретателями и конструкторами. Своими руками они изготавливали оборудование для исследований, начиная с веревок и ловушек, заканчивая созданием драг и глубиномеров собственной конструкции, изобретая способы обработки зоологических экспонатов.

Научная деятельность Б. Дыбовского значительно отличалась от работы многих других ученых. Комплексное рассмотрение проблем, многогранные интересы, критический подход, вот основные черты его исследовательской деятельности. Дыбовского как исследователя отличали страстная увлеченность, пылкий ум натуралиста. Можно только удивляться его огромной энергии и широте научного кругозора, охватывавшего самые разнообразные явления живой и неживой природы огромных неисследованных пространств Сибири и Дальнего Востока.

Удивительное упорство в достижении цели и трудолюбие, в немалой степени были залогом научных результатов польского исследователя Байкала. Десятки лунок, выдолбленных во льду Байкала, километры, протянутые драгой, проживание в течение нескольких недель на льду Байкала, плавание на весельной лодке на несколько сот километров — вот далеко не полный перечень трудоемких работ, которые выполнял целеустремленный исследователь. Только зимой 1868—1869 гг. Дыбовский и Годлевский сделали во льду Байкала 200 прорубей [1, 5].

Следует отметить и умение ученого доводить результаты исследований до определенного логического конца. Дыбовский не только получал новые уникальные фактические данные, но и успевал их качественно обрабатывать, каталогизировать, публиковать в научной литературе.

Будет неполным описание деятельности Б. Дыбовского, если не упомянуть о его человеческих качествах. Медицинская помощь страдающим, зачастую бесплатная. Участие в делах несчастных людей. Его принципиальность и желание изменить мир к лучшему. Широта души и как человека, и как ученого. Многочисленные экспонаты и коллекции, которые он,

зачастую, не только собирал, изготовлял, но и за собственные средства отправлял в различные научные центры, музеи и университеты. Не случайно о Б. Дыбовском говорили, что он «красивый, спокойный, доброжелательный философ, оставляющий впечатление, что все в жизни — пустяки и тлен, кроме идеи, руководящей человеком» [1].

Без преувеличения можно сказать, что период работы Бенедикта Яновича Дыбовского на Байкале был одним из самых плодотворных в его научной деятельности. Его вклад в исследование Байкала и Прибайкалья огромен. Более двадцати научных публикаций Б. Дыбовского рассказывают о его исследованиях в этот период. Результаты его деятельности были в 1870 г. отмечены золотой медалью Русского географического общества. После научных работ, проведенных на Байкале, Дыбовский стал известен и уважаем не только Академией наук в Петербурге, но и всем научным миром [1].

Список литературы

1. Бенедикт Дыбовский / ред. О. М. Кожова, Б.С. Шостакович. Новосибирск, 2000. — 296 с.
2. *Вержуцкий Б.* Дыбовский о култуचनाх // Ленинское знамя. Слюдянка, 1989. — 16, 20 дек.
3. *Дыбовский Б. И.* Автобиография // Фауна Байкала: 50 лет ВСО-ИРГО, 1851–1901, Киев. Вып. 1. — С. 1–12.
4. *Дыбовский Б. И.* Гаммариды озера Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1875. Т. 6. № 1/2. — С. 10–80.
5. *Dybowskii B.* Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. S. 305–311; Пер. на русск. яз. // Бенедикт Дыбовский... Новосибирск... — С. 103–168.
6. *Дыбовский Б. И.* Рыбы озера Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1876. Т. 7. № 1/2. — С. 1–25.
7. *Дыбовский Б. И., Годлевский В.* Измерение дна озера Байкал // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1877. Т. 8. № 1/2. — С. 58–59.
8. *Дыбовский Б. И., Годлевский В.* Физико-географические исследования на Байкале в 1869–1876 гг. // Байкальский сборник. Иркутск, 1897. Вып. 1. С. 1–62, 1 карт., 1 л. черт. (Тр. Вост-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва; № 1).
9. Ихтиологические и другие естественно-исторические исследования на Байкале гг. Дыбовского и Годлевского и г. Ксенжопольского // Отчет о действиях Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва за 1869 г. СПб., 1870. — С. 39–48.

Рис. 1. Б. И. Дыбовский (фото из Дыбовский Б. И. Автобиография // Фауна Байкала: 50 лет ВСОРГО, 1851–1901: Юбил. сб. — Киев, 1901.).

Рис. 2. Дом Г. М. Пермикина, в котором жил Б. Дыбовский в Култуке.

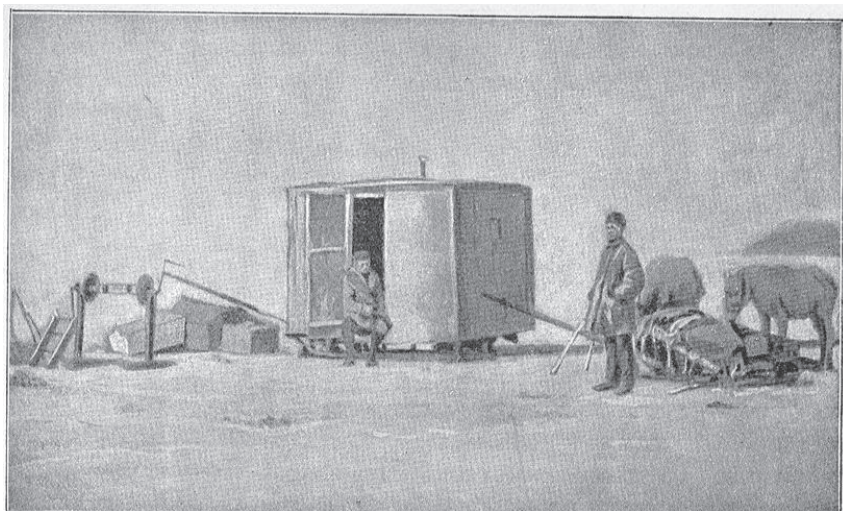

Рис. 3. Возок, в котором жили Б. Дыбовский и В. Годлевский на льду Байкала. (фото из: *Дыбовский Б. И. Автобиография // Фауна Байкала: 50 лет ВСОРГО, 1851–1901: Юбил. сб. — Киев, 1901.*).

**Владимир Болеславович Шостакович —
представитель сибирско-польского рода,
видный российский геофизик**

Обозначенная исследовательская тема закономерно подразумевает осуществление ее научной разработки и освещения, в соответствии с предложенным ее дискурсом, — в достаточно широком русле научной проблематики. В свою очередь, последняя отчетливо подразделяется на два основных направления.

Из таковых первое носит общетеоретический характер и вытекает из самой поставленной задачи — изучения генезиса рода Шостаковичей, польского по своему исходному происхождению, в контексте истории пребывания и деятельности ряда последних его поколений в Сибири, где в исторически обусловленной специфике этого обширного зауральского региона России формировалась местная интеллигенция. Это, в свою очередь, неизбежно выдвигает ряд непростых теоретических вопросов, относящихся к научному осмыслению путей формирования интеллигенции и ее традиций — как относительно всего указанного феномена в целом, так в частности, и его проявлений в региональных сибирских рамках. Особый и не менее сложный для изучения составной компонент указанного социоисторического процесса, логически неотъемлемо с ним связанный, представляет история становления и бытования в этом же регионе интеллигенции собственно польской.

Выработка современных научных подходов к указанным вопросам настолько же актуальна, насколько и далеко не проста. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что еще во второй половине XIX столетия в отечественной литературе термин «интеллигенция» наполнялся весьма разнообразным и противоречивым содержанием, а с той поры до настоящего времени проблема места интеллигенции в российской общественной структуре остается методологически слабо разработанной. В региональном аспекте тот же вопрос тем более нуждается в обоснованном выявлении критериев, возможно, в чем-то отличающих собственно сибирскую интеллигенцию (если таковые различия вообще удастся обоснованно выявить) среди всей в целом интеллигенции российской.

Для более полного представления о степени сложности теоретической стороны рассматриваемой тематики в данном контексте следует хотя бы кратко упомянуть и о получившей распространение в совре-

менной научной среде концепции, которая само понятие «интеллигенция» рассматривает как будто бы порождение особой специфичности русской исторической ситуации, присущее исключительно «русской ментальности». Действительно, в чем-то данный термин неприводим на другие языки (хотя первоначально и сам он был образован из исходного латинского слова). Ведь очевидно, что вкладываемая в него сущностная смысловая нагрузка в российской традиции не ограничивается обозначением одной лишь только принадлежности к некоей социальной категории «работников умственного труда», как это чаще всего выглядит в западноевропейском восприятии, но в первую очередь, подразумевает определенную общность людей просвещенных и прогрессивных, видящих свой нравственный долг в том, чтобы воздействовать на широкое общественное мнение, вносить в него позитивный заряд просвещения, культуры, политического сознания и т. п. В подобном толковании интеллигенция, как правило, дистанцируется от властей предрешающих, или же, нередко, стоит в прямой к ним оппозиции. При всем отмеченных характеристиках однозначного и исчерпывающего определения интеллигенции не существует. Все чаще известная часть историков и социологов пытается трактовать интеллигенцию буквально как «изживший» и «исчерпавший» себя социально-исторический анахронизм.

В данном очерке не станем вступать в развернутую дискуссию по этому поводу. Отметим только, что, по нашему мнению, можно допустить в известной мере изменение социальной функции интеллигенции, которая вместе с уходящей исторической эпохой отходит от прежнего, неизменно ей отводимого места. Но означает ли это, что, автоматически следуя стереотипу недоброго обыкновения советских лет, мы должны «единогласно отринуть и заклеить» те непреложные качества, которыми всегда отличалась и притягивала к себе настоящая в высоком смысле этого слова российская интеллигенция: этикой общественной ответственности, верностью высоким гуманистическим идеалам, просветительством, подвижничеством, нестяжательством? По глубокому убеждению автора, такое восприятие интеллигенции стало бы просто губительным для будущего всей культуры современной России и для последующих поколений ее полинационального и поликультурного общества.

Совсем недавно автор очерка провел достаточно обширное исследование с целью определения научных подходов к изучению истории присутствия и эволюции в Сибири польской интеллигенции в XIX — начале XX вв. В данном случае невозможно в полном объеме изложить

результаты указанной работы¹. Однако в связи с тем, что несколько зафиксированных в ней наблюдений имеют принципиальное отношение к проблематике данного очерка, их необходимо далее отметить. Автор пришел к заключению, что, во-первых, «в сравнении со всеми социоисторическими конструктами как в западных историографиях проблематики истории интеллигенции, так и в аналогичной же отечественной, в Сибири на протяжении XIX столетия в социальной среде пребывающих там поляков, по преимуществу политических ссыльных, в наиболее существенном виде наблюдается атипичная («смещенная и смешанная») структура последней». Во-вторых, как им же установлено, «контингент политических ссыльных в Сибирь поляков на протяжении XIX в. (в особенности, до последней трети указанного столетия) без особого преувеличения можно охарактеризовать как представленный в преобладающем своем большинстве рядом групп польской национальной интеллигенции, различающихся по отдельным социокультурным характеристикам (включительно с принадлежностью к специфичным их локальным микросоциумам, сложившимся уже сугубо в сибирских условиях), а на фоне всей указанной среды — достаточно обширным перечнем конкретных персоналий выдающихся ее деятелей». Наконец, в-третьих: предложенная в качестве объекта научного исследования история сибирской интеллигенции польского происхождения в XIX–XX вв. в тематическом поле «достаточно сложных и пока еще очень мало осмысленных в научном отношении проявлений исторического феномена генезиса и эволюции польской интеллигенции в сибирском регионе России» место истории «сибирской интеллигенции польского происхождения» представляется автору данного очерка в качестве «особой и достаточно «внутренне замкнутой» п о д т е м ы (или подгруппы) более прикладного жанра, связанной с этими проявлениями отнюдь не простыми и не прямолинейными взаимозависимостями, как это может показаться на первый взгляд².

¹ См. К постановке проблемы научного изучения истории присутствия и эволюции в Сибири польской интеллигенции // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. Сб. материалов межрегиональных тематических чтений «История и культура поляков в Сибири» 2006–2007 гг. Красноярск, 2007. С. 14–36.

Автором подготовлен также и другой обширный очерк в том же тематическом дискурсе под названием: «История поляков в Сибири в дореволюционную эпоху в контексте формирования и эволюции местной интеллигенции региона». В настоящее время он принят к печати в одном из коллективных научных сборников.

² Там же. С. 30, 28–29, 31–32.

Сказанное принципиально важно при изучении проблематики, касающейся темы очерка и составляющей второе научное направление. Последнее отличает вполне четко выраженный прикладной характер. С ним в той или иной мере связано и наполнение темы сибирской (в том числе и сибирско-польской) интеллигенции конкретным фактическим материалом. Но сразу же подчеркнем: было бы явным упрощением сводить данное направление к одной лишь фактологии. В действительности, изучение данной темы в каждом ее конкретном ракурсе подразумевает необходимую серьезную систематизацию рассматриваемого материала с последующим целенаправленным его анализом. В свою очередь, подобная работа в суммарном отношении создает необходимую базу данных для теоретических наблюдений. Она же одновременно приводит и к целому ряду непосредственных результатов. К таковым, в частности, относится воссоздание многих отсутствующих элементов духовного, культурного прошлого на различных территориях огромного сибирского региона, в том числе — возвращение из забвения многих незаслуженно забытых, либо просто недостаточно изученных и слабо популяризуемых имен из среды сибирской интеллигенции (с ее же сибирско-польским компонентом включительно), развивающейся уже на протяжении нескольких поколений.

Именно в русле второго из указанных научных направлений — разработки прикладной истории сибирской интеллигенции, путей формирования ее самой и ее традиций представляется интересным и продуктивным проследить и проанализировать генеалогию ряда известных династий в среде интеллигенции, складывавшихся и развивавшихся в сибирских условиях на протяжении продолжительных хронологических периодов. Хотя и объяснимым, но тем не менее явно парадоксальным фактом является то, что до сих пор в подобном тематическом аспекте еще не было практически проведено ни одной работы. История сибирско-польского рода Шостаковичей может служить весьма показательным примером объекта исследований в подобном ракурсе¹.

Естественно, что в настоящем случае возможно остановиться только на рассмотрении некоторой первоначальной фактической и проблемной канвы, относящейся к этой теме, и только сугубо под углом зрения постановки задач специальной ее разработки в будущем.

¹ Первым приближением к осмыслению данной темы как исследовательской явилась более ранняя публикация автора по этому вопросу: *Шостакович В. С. История иркутского рода Шостаковичей в контексте проблемы генезиса сибирской интеллигенции // Традиции сибирской интеллигенции. Иркутск, 1999. С. 20–25.*

Свое начало фамилия поляков Шостаковичей ведет из самых демократических слоев населения региона так называемой «исторической Литвы», то есть из восточной провинции в историческом прошлом обширной и многонациональной Речи Посполитой, расчлененной в конце XVIII столетия. Именно оттуда, со своеобразного перекрестка культур и традиций многих народов, существовавшего в рамках исторически сложившейся польско-литовской государственности, вышло немало видных личностей, оставивших свой примечательный след в истории как Польши, так и России, в том числе и отдаленных сибирских областей последней, куда заносили их как добровольно избранные, так и подневольные обстоятельства.

Подобные мотивы у предков названного сибирско-польского рода обнаружилились в несколько в своеобразном сплетении. Первый из оказавшихся в Сибири Шостаковичей — Болеслав-Артур (Петрович) Шостакович — с 1866 г. политический ссыльно-поселенец, осужденный за причастность к российской и польской освободительной конспиративной деятельности. Многие в ней так и осталось скрытым от непосвященных, в том числе и от тщательного расследования царских властей. Громкую известность получил организованный Б. Шостаковичем дерзкий побег из Московской пересыльной тюрьмы руководителя подготовки польского восстания 1863 г. Ярослава Домбровского. Оказавшийся в результате в эмиграции во Франции Я. Домбровский приобрел известность как генерал, главнокомандующий войсками Парижской коммуны, погибший в бою с версальцами.

Болеслав Шостакович родился уже на Урале, куда его отец, Пётр Шостакович, уроженец Завилейского уезда Виленской губернии (за 17 лет до его появления на свет сделавшейся частью Российской империи), попал по служебному назначению. Он окончил как казенный стипендиат ветеринарное отделение знаменитой Виленской Медико-Хирургической академии и дальше должен был служить по государственному ведомству — на должностях в соответствии с профессией, которые назначало ему его начальство. До Сибири, правда, служебный маршрут его не дошел. Однако вместе с семьей он оказался навсегда связан уже с собственно русскими регионами. Есть косвенные указания на то, что в юности П. Шостакович был причастен к Ноябрьскому польскому восстанию 1830–1831 гг., но репрессий за это ему удалось избежать, как можно предположить, ценой каких-то никогда не раскрывавшихся им шагов, повлиявших на всю его дальнейшую судьбу. Как бы там ни было, биографии целой плеяды лиц, непосредственно относящихся к истокам этого польско-сибирского рода, обнаруживают

приметы общей демократической оппозиционности и личной неординарности. Совершенно очевидно, что данная тема, в которой сохраняется еще немало «белых пятен», заслуживает в дальнейшем тщательного специального изучения.

Последующий, уже непосредственно связанный с Сибирью раздел истории рода Шостаковичей также нуждается в обстоятельном и системном изучении и освещении. В свою очередь, он подразделяется на целый ряд компонентов, относящихся к биографиям конкретных представителей этого рода, начиная от уже упомянутого Болеслава Петровича. Так именовали его в русской традиции, по имени и отчеству. Вначале, еще в положении ссыльного, а затем уже по истечении срока репрессий он неустанным трудом приобретает себе известность в сферах финансово-экономической, общественной, научно-исследовательской, культурной жизни в Западной Сибири, в Томске, где пребывал до середины 1880-х гг. Затем, уже находясь в Иркутске (с 1887 г. и до своей смерти в 1919 г.), он продолжил свою деятельность — в аналогичных направлениях, и столь же активную и значимую в общественно-историческом смысле¹.

В сибирской семье Б. П. Шостаковича были сильны общедемократические традиции и настроения: оппозиционное отношение к господствовавшему в стране царскому режиму, симпатии к революционному движению². Она дала начало нескольким поколениям талантливых ученых и педагогов, литераторов и музыкантов. Среди таковых особое место и известность, безусловно, принадлежат великому композитору Д. Д. Шостаковичу — внуку Б. П. Шостаковича по одному из его сыновей, Дмитрию Болеславовичу. Еще в юности уехавший из Сибири в Петербург, где по окончании университета остался там же служить, он женился на сибирячке, выпускнице столичной консерватории. В сентябре 1906 г. в их семье родился сын, которому суждено было стать композитором мировой величины.

В лице практически любого из представителей этого польского рода, развитие которого проходило в России и в том числе в ее зауральском, сибирском регионе, совершенно отчетливо просматривается наследование традиционного демократизма и свободомыслия, долга служения

¹ Подробнее об этом см. *Шостакович Б. С.* Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 175–204.

² См.: там же. С. 200–201.

народу, наряду с равнозначной приверженностью к постижений исторической «правды жизни»: в научном поиске и в художественном творчестве. Рамки данного очерка, определенные самой формулировкой ее темы, не позволяют излишне углубляться в характеристики хотя бы наиболее значимых представителей данной династии¹. Между тем, персоналии многих представителей таковой, внесивших и продолжающих вносить свой вклад в развитие профессиональной и общественной сфер как Сибири, так и России, вполне заслуживают отдельных специальных научных разработок. В перспективе таковые могут лечь в основу системной суммарной родословной сибирских Шостаковичей, пока еще далеко не полностью воссозданной.

Думается, что подобная работа имеет свой вполне определенный логичный смысл. Ведь если судьбы нескольких поколений рода связаны со средой деятельной интеллигенции, протекают на фоне существенных исторических событий и в развитии социально-политических, культурных, научных процессов межнационального характера, то они уже выходят за рамки частного интереса и приобретают вполне очевидные общественные масштабы и значение. Таким образом, можно говорить о давно и вполне назревшей необходимости разработки как данной родословной, так и подобных ей других династий сибирско-польской интеллигенции. При этом принципиальную важность приобретает задача непосредственного опубликования источниковых данных, относящихся к последним, как (в определенных случаях) и наследия, оставленного видными представителями этих династий и обладающего историко-культурной значимостью.

Все отмеченное имеет самое непосредственное отношение к одному из видных представителей сибирско-польской династии Шостаковичей — старшему сыну ссыльного в Сибирь «шестидесятника» Болеслава Пе-

¹ Наряду с композитором Д. Д. Шостаковичем, из этой же семьи вышел ряд известных впоследствии деятелей искусства, науки и культуры. Писатель Ю. Н. Бессонов, в творчестве которого нашла отражение сибирская историческая тематика, являлся племянником В. Б. Шостаковича по его родной сестре — Варваре Шостакович, в замужестве Бессоновой. Четверо собственных сыновей В. Б. Шостаковича избрали в качестве основных профессий научную и педагогическую деятельность. Андрей Шостакович был талантливым поэтом (по прямым специальностям — юристом и экономистом), Владимир Шостакович — профессором психиатрии, Борис Шостакович — инженером-конструктором в области турбостроения, Сергей Шостакович — профессором, специалистом в областях международного права, истории международных отношений, истории античности и востоковедения. Данный перечень не исчерпывает примечательный состав этой династии.

тровича Шостаковича (и соответственно, дяде великого композитора по его родному брату, Дмитрию Болеславовичу) — Владимиру Болеславовичу (1870–1942) — крупному российскому ученому-исследователю и практику в области геофизики, организатору науки и педагогу в восточносибирском (по преимуществу) регионе России.

В. Б. Шостаковичу принадлежит существенная роль в деле развития регулярной метеорологической службы Сибири и Дальнего Востока и Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, как ведущего ее центра в первые десятилетия их существования. Он являлся одним из первых ученых и директоров Иркутской обсерватории. В том числе Владимир Болеславович был первым в советский период (1917–1929) ее директором. Им было немало сделано для активизации и системной модернизации в данной важной научно-практической отрасли с целью максимального ориентирования ее результатов на осуществление выдвинутых новой революционной властью России задач качественного скачка в подъеме уровня народного хозяйства и кардинальных социальных преобразований в стране. В общей сложности В. Б. Шостакович бесценно проработал в указанном научном учреждении на протяжении 30 лет — более, чем кто-либо из других ведущих первоначальных его сотрудников. Главное содержание проводимой им деятельности также оказывается неразрывно связано с историей как Иркутской обсерватории и метеорологической службы, так и научных исследований в области естествознания в восточносибирском регионе с конца XIX в. до конца 1920-х гг.

В предреволюционный период ряд работ В. Б. Шостаковича вызвал к себе интерес и получил положительные отклики именитых ученых России — А. И. Воейкова¹, С. А. Советова², В. А. Обручева³, Ю. М. Шокальского⁴. Однако в последующую, советскую эпоху, особенно на ее послевоенном этапе, сложилось так, что в сравнении с двумя другими видными учеными и руководителями Иркутской обсерватории —

¹ *Воейков А. И.* Отзыв о трудах В. Б. Шостаковича // Отчет Русского географического общества за 1910 г. СПб., 1911. С. 73–74.

² *Советов С. А.* Рец. ст. *Шостакович В. Б.* О температуре рек Восточной Сибири // Метеорологический вестник, 1907. Т. XVII. № 10. С. 398–400.

³ *Обручев В. А.* Рец. ст.: *Шостакович В. Б.* О температуре рек Восточной Сибири // Ежегодник по геологии и минералогии России, 1910. Т. XII. В. 1–2. С. 47.

⁴ *Шокальский Ю. М.* Рец. ст. *Шостакович В. Б.* Вскрытие и замерзание вод Азиатской России // Морской сборник. 1909. № 10. С. 27–28.

Э. В. Штеллингом (1850–1922) и А. В. Вознесенским (1864–1936), которым оказался посвящен ряд современных специальных научных монографий и публикаций, жизнь и деятельность В. Б. Шостаковича вместе с достаточно значительным его научным наследием остались как бы в тени и в таком состоянии остаются вплоть до настоящего момента, Исключение составляют лаконичные справки о нем, включенные в советские энциклопедические издания конца 1950-х годов¹. Кроме того почти двадцатью годами позднее научный сотрудник Государственного гидрологического института Б. Д. Зайков в своей книге несколько подробнее затронул научную деятельность В. Б. Шостаковича, уделив особое внимание его исследованиям в области гидрологии². Наконец, в конце 1990-х гг. автор данного очерка, — профессиональный историк и внук ученого, в сотрудничестве с ветераном региональной метеорологической службы, кандидатом географических наук М. Ш. Фурманом предпринял первый шаг в разработке будущей системной научной биографии этого незаурядного ученого, организатора постоянных системных наблюдений за процессами в земной атмосфере и другими физико-географическими явлениями³.

По многочисленным работам рассеяны фрагментарные упоминания о трудах В. Б. Шостаковича, различные отклики на те или иные его конкретные идеи, выводы, наблюдения. В известной мере осуществляются и практическое применение и развитие последних. Однако до сих пор не существует цельного специального очерка естественнонаучного характера, а тем более — монографии по этой теме. По далеко не исчерпывающим данным, за основной, иркутский период деятельности В. Б. Шостаковичем было опубликовано свыше 100 научных работ по весьма разнообразной тематике — климатологии, гидрологии водоемов, синоптике, геофизике, геологии, физической географии и др. При этом следует учесть, что значительная часть научных работ В. Б. Шостаковича выходила за рубежом, в основном в Германии (на немецком языке). Между тем доселе не создана полная систематизированная библиография его работ. Это является досадным пробелом в современной информации по истории научного развития соответствующих

¹ Шостакович Владимир Болеславович // БСЭ. 2-е изд. М., 1957. С. 149; Шостакович Владимир Болеславович // Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1959. Т. 2. С. 386.

² Зайков Б. Д. Очерки гидрологических исследований в России. Л., 1973.

³ Шостакович Б. С., Фурман М. Ш. Владимир Болеславович Шостакович — исследователь Восточно-Сибирского края // Бенедикт Дыбовский / Кожовая О. М., Шостаковича Б. С. (ред.) Новосибирск, 2000. С. 263–274.

научных отраслей, заполнение которого остается актуальной задачей будущего¹.

Настоящий очерк предпринят его автором в развитие уже упомянутых выше первичных вариантов его же работ по рассматриваемой теме. Он рассматривается автором как очередной шаг в продвижении к будущей специальной научной биографии В. Б. Шостаковича, в которой следовало бы восполнить по возможности пока еще существующие «белые пятна» в данной немаловажной странице истории российской сибирской науки.

Необходимо уделить несколько слов начальному этапу биографии ученого, формированию его взглядов и интересов. Как уже отмечалось ранее, Владимир Болеславович Шостакович происходил из семьи политического ссыльного, известного участника освободительной борьбы в России в 60-е годы XIX в. — Болеслава-Артура Петровича Шостаковича, поляка по происхождению. Будущий ученый геофизик родился 17 июля 1870 г. в Томске. После окончания Томского реального училища и нескольких лет службы в Сибирском торговом банке (в Иркутске, куда к тому времени уже переехала семья Шостаковичей), В. Б. Шостакович уезжает учиться за границу. Как полагает автор данного очерка, к этому было несколько поводов. Во-первых, в русских университетах прохладно относились к выпускникам реальных училищ. Во-вторых, сказывалось и то, что с отца Владимира Болеславовича в ту пору еще не были сняты некоторые ограничения в правах. В. Б. Шостакович обучался в Мюнхене в Политехникуме на сельскохозяйственном отделении и в университете, где он одновременно работал в Институте растительной физиологии. Затем он окончил естественное отделение философского факультета университета в Базеле (Швейцария).

Уже в студенческие годы В. Б. Шостакович увлекся научно-исследовательской работой, первоначально избрав себе специализацию в области ботаники. В 1893 г. он опубликовал в Мюнхене свою первую работу «О явлениях воспроизводства (репродукции) и регенерации

¹ Проведенное автором данного очерка первичное выявление трудов В. Б. Шостаковича и составление их библиографического систематизированного описания строилось им, среди прочего, на личной картотеке и материалах из семейного архива, а также — на аналогичных данных из собрания С. Б. Шостаковича в С.-Петербурге, подобно автору, — внука В. Б. Шостаковича. Пользуясь представляющейся возможностью, автор выражает ему благодарность за помощь в проводимом изучении темы. Наконец, в качестве весьма ценного подспорья в продолжающейся работе над созданием библиографии трудов ученого следует отметить весьма содержательный указатель: Библиография Иркутской области. Физическая география / Сост. Зубашева Л. Е. Вып. 13. 1957. С. 172.

мхов-печеночников». В 1895 г. он выполнил диссертацию на тему «Об условиях образования спор (конидий) у древесных грибов», получил степень доктора философии (по естественным наукам). Им был открыт ряд новых видов грибов.

В конце 1895 г. В. Б. Шостакович возвратился в Иркутск, и с этого времени началась его активная научная и организаторская деятельность в Восточной Сибири. С 1895 по 1900 гг. он занимал должность консерватора Музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (ВСОИРГО). Не ставя задачей перечисление всей работы, проведенной В. Б. Шостаковичем в этой должности, отметим лишь наиболее характерные и значительные ее направления. Научные экспонаты музея ВСОИРГО были представлены им на Всемирную Парижскую выставку, за что ученый был награжден бронзовой медалью. В. Б. Шостакович ревностно исполнял обязанности заведующего библиотекой ВСОИРГО, тщательно следил за ее пополнением, поддержанием в порядке каталогов, обменом текущей литературой с различными партнерами и т. д. Научные интересы ученого были в тот период ориентированы преимущественно на биологию. С этим оказывались связаны и предпринимавшиеся им натуралистические экскурсии в регионе с целью сбора ботанических и энтомологических коллекций для музея ВСОИРГО, выступления на собраниях членов ВСОИРГО с соответствующей тематикой и т. д.¹

Весьма важным и интересным научным начинанием (которое, между прочим, впервые объединило будущих многолетних соратников — В. Б. Шостаковича и А. В. Вознесенского) была предпринятая молодым ученым в числе группы энтузиастов первая попытка организации на Байкале постоянно действующей научной биологической станции в селе Голоустное (1897–1898 гг.). «Это совершенно новое дело в России, — говорилось, в частности, в докладе ревизионной комиссии общему собранию членов ВСОИРГО за 1898 г., — к великому сожалению, не нашло ровно никакого сочувствия в Распорядительном Комитете (ВСОИРГО — Б. Ш.). Станция в Голоустном инициативной организации и средствами обязана исключительно только частным лицам: И. А. Пятидесятникову, В. Н. Горяеву, А. В. Вознесенскому, В. Б. Шостаковичу,

¹ Эти конкретные вехи биографии ученого, как и ряд последующих, воссозданы по материалам «Анкетного листа» (от 3 мая 1922 г.) из «Личного дела по службе» В. Б. Шостаковича в Иркутском госуниверситете. См.: Архив Иркутского государственного университета (Арх. ИГУ). Ф. 71. Оп. 3. Д. 705. Св. 15. Л. 1–1 об. — 2.

В. А. Обручеву и др.»¹. Автору очерка представляется, что этот важный раздел истории научного байкаловедения, следующий непосредственно за этапом, представленным Бенедиктом Дыбовским и его товарищами, и предшествующий реконструированному в конце 1980-х гг. более позднему этапу исследовательской деятельности на Байкале В. Ч. Дорогостайского² оказывается незаслуженно предан научному забвению. Вполне очевидно, что он нуждается в тщательном изучении и объективной оценке специалистов. Тем самым должен быть восстановлен и научный приоритет его инициаторов и участников указанной исследовательской деятельности.

С 1900 г. началась служба В. Б. Шостаковича в Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, с которой оказался связан весь последующий сибирский период его жизни. Свыше десяти лет он возглавлял отделение сети станций обсерватории, а с 1910 по 1917 гг. занимал должность помощника (т. е. заместителя) директора обсерватории. При этом Шостакович являлся активным участником и ближайшим сподвижником в организаторской и научной деятельности обсерватории, развернувшейся в указанные годы под руководством ее директора А. В. Вознесенского. В. Б. Шостакович способствовал развитию метеорологической сети, которая за первое десятилетие XX в. возросла более чем втрое, а также расширению программы и повышению качества наблюдений. В частности, им были впервые организованы систематические наблюдения и сбор сведений по гидрологическому режиму водоемов Восточной Сибири: их замерзанию и вскрытию, температуре воды и толщине льда. Особое внимание было уделено гидрологии озера Байкал.

С переходом в обсерваторию изменилось направление научных исследований В. Б. Шостаковича. Они сосредоточиваются в области гидрологии, геофизики и метеорологии. Выше уже отмечалось усиление внимания ученого к наблюдениям за гидрологией водных объектов Восточной Сибири, поскольку в ту пору эта наука еще не получила своего развития на огромной территории края. В результате обобщения многолетних данных о вскрытии и замерзании вод Азиатской России, В. Б. Шостаковичу удалось обнаружить закономерности наступления последних, определить влияние различных факторов на эти процессы и впервые построить соответствующие карты. Подобный же анализ много-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 159. К. 12. Л. 17 об.

² См.: *Дорогостайская Е. В.* К истории организации постоянной научной станции на оз. Байкал // Изв. ВГО. 1989. Т. 121. В. 3. С. 249–253.

численных наблюдений за ростом толщины льда на реках Восточной Сибири позволил ему установить зависимость колебания толщины льда от температуры воздуха в течение зимы и высоты снежного покрова. Систематизировав данные длительных наблюдений за термическим режимом рек Сибири, В. Б. Шостакович впервые рассчитал величину теплового стока в Арктические моря. Он же впервые провел классификацию рек с учетом их гидрологического режима в зоне многолетней мерзлоты. Положения, высказанные в работах В. Б. Шостаковича, легли в основу разработки многих современных методов краткосрочных прогнозов ледового режима рек. Все перечисленные исследования ученого способствовали развитию гидрологии рек Сибири¹.

Наряду с упомянутыми исследованиями, регулярно публиковавшимися в специальных изданиях, как местных, так и центральных, ряд научных работ был выполнен в непосредственном сотрудничестве с А. В. Вознесенским (в частности, труд по климатологии Восточной Сибири; работы, вошедшие в коллективное издание под редакцией Ф. К. Дриженко «Лоция и физико-географический очерк озера Байкал»²). До настоящего времени все эти исследования сохраняют свою значимость. Не случайно за свою работу в области геофизики (за монографию о процессах вскрытия и замерзания вод Азиатской части России³ В. Б. Шостакович был награжден Золотой медалью Русского Географического общества.

Оценивая в целом рассматриваемый период деятельности В. Б. Шостаковича, уместно, на наш взгляд, привести следующий тезис из современной монографии, посвященной истории становления науки в Сибири в первые годы после революции. «Среди активных деятелей географических обществ было немало крупных, даже выдающихся исследователей, — говорится в нем.... Немало ученых, ставших известными в советское время, вышло из дореволюционного краеведения, например В. Б. Шостакович, И. Ф. Молодых, В. Ч. Дорогостайский, В. И. Подгорбунский, Н. Н. Козьмин... и др.»⁴.

На нелегкий период революции и гражданской войны пришлось начало самостоятельного руководства В. Б. Шостаковича Иркутской

¹ Подробнее об этом см.: *Зайков Б. Д.* Указ. соч.

² Лоция и физико-географический очерк озера Байкал / Дриженко Ф. К. (ред.). СПб., 1908.

³ *Шостакович Б. С.* Вскрытие и замерзание вод Азиатской России. Материалы к климатологии Азиатской России // Изв. ВСОИРГО. (1906). 1909. Т. 37. С. 1–179: 2 карты: библиография.

⁴ *Соскин В. Л.* Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. С. 11.

обсерваторией. После отъезда А. В. Вознесенского из Иркутска в 1917 г. он, невзирая на многочисленные трудности экономического и политического характера, не просто сохранил и продолжил программу научно-исследовательской и практической работы обсерватории, осуществлявшуюся при прежнем директоре, но и внес в нее много нового, оригинального. И безусловно, прежде всего необходимо сказать о нем как об организаторе Первого сибирского метеорологического съезда в конце сентября 1917 г. В связи с данным вопросом позволим себе вновь обратиться к уже упомянутой выше монографии профессора В. Л. Соскина. «Из событий научной жизни, получивших большой общественный резонанс, — говорится в ней, — следует выделить Первый сибирский метеорологический съезд. Как и многие другие прогрессивные начинания ученых, его идея «вызревала» постепенно. Свержение царизма сделало возможным осуществить задуманное. ...Материалы съезда представляют большой интерес не только с точки зрения их практической значимости для того времени, но и как показатель зрелости научно-организационной мысли ученых Сибири, поднявшихся до понимания необходимости объединения своих сил и создания научных учреждений и организаций нового типа»¹. Автору представляется, что все процитированные оценки исследователя могут быть с полным основанием адресованы и непосредственно В. Б. Шостаковичу как вдохновителю этого общественно-научного форума. Сам В. Б. Шостакович как председатель указанного съезда, отмечал, в частности: «Изменившиеся условия жизни властно требовали перестройки всего уклада и всей деятельности обсерваторий. Так, чтобы новая их организация отвечала новым требованиям жизни и чтобы обсерватории были в состоянии развить в полном объеме ту работу, которая будет предъявлена им государством»².

На съезде была выдвинута задача координирования и реорганизации руководства научными и научно-прикладными сибиреведческими исследованиями. Для этого предлагалось создать специальный организационный центр в Иркутске под названием Институт исследования Сибири. Необходимо отметить, что В. Б. Шостакович являлся одним из инициаторов и реализаторов как метеорологического съезда в Сибири, так и плана формирования Института исследования Сибири. В целях осуществления последнего он был избран председателем специального оргбюро, куда почти полностью вошли иркутские ученые. В рамках на-

¹ Там же. С. 36.

² Цит. по: Труды первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске. 20–30 октября 1917 г. Благовещенск, 1918. С. 306.

стоящего очерка невозможно глубоко и всесторонне осветить данную тему, в том числе и уяснить в полной мере вклад В. Б. Шостаковича в осуществление всего названного значительного проекта прогрессивной сибирской научной общественности. Безусловно, к этому вопросу необходимо еще вернуться исследователям научно-практического наследия ученого в специальном монографическом плане¹.

После восстановления советской власти в Сибири происходило основательное преобразование системы управления и организации различных звеньев научно-исследовательской системы. Согласно декрету Совнаркома от 21 июня 1921 г. «Об организации метеорологической службы в СССР», подписанному филиалом Главной физической обсерватории, в русле этих государственно-административных структурных изменений получала более конкретно обозначенную практическую направленность и дальнейшая деятельность директора Иркутской обсерватории.

Уже на метеорологическом съезде В. Б. Шостакович выступил с докладом «Значение климата для человека и роль метеорологических исследований в государственном хозяйстве», который явился как бы программой его последующей работы. По результатам 30-летних наблюдений возглавляемой им обсерватории ученый осуществил описание климата города Иркутска, изданное отдельной книгой в 1920 г. Эта монография явилась первой работой о климате городов в масштабе как всей страны, так и выходящем за ее пределы. За период с 1918 по 1929 гг. В. Б. Шостакович подготовил и опубликовал: монографии «Климат Иркутской губернии», «Физико-географический очерк Средне-Сибирского края», «Материалы по климату Якутской республики и сопредельных с ней частей Северной Азии» и ряд других работ. Все они имели прикладной характер для нужд хозяйственного развития соответствующих территорий обширной азиатской части советского государства.

По инициативе и под редакцией В. Б. Шостаковича с 1926 г. началось издание «Трудов» Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории. Всего оказалось опубликовано четыре выпуска этого научного сборника. Первый из них был посвящен работам по гидрологии Байкала. Во вступлении к нему В. Б. Шостакович пояснил, что Иркутская «Обсерватория еще в 1896 г. организовала ряд гидро-метеорологических наблюдений для изучения Байкала» и выпуск представлял, главным образом, результаты обработки накопленного за прошедший период многочисленного интересного материала. Наряду с самим В. Б. Шоста-

¹ Об этом вопросе подробнее см. *Соскин В. Л.* Сибирь, революция, наука... С. 37–38, 43–44, 66–75, 86–87.

ковичем в этом выпуске выступали авторами такие известные исследователи как Г. Ю. Верещагин и Т. П. Кравец. В. Б. Шостакович рассмотрел в нем различные элементы режима озера: уровни, термику, сейши, прозрачность. В других выпусках «Трудов» обсерватории проявился большой научный интерес ее директора к изучению влияния солнечной активности на природные явления (землетрясения, изменчивость гидроклиматических элементов, цикличность различных метеорологических процессов), в том числе и на биологические явления (иловые отложения озер, размножение и миграция рыб, время весеннего прилета птиц, урожайность, заболеваемость и т. д.). Подобные исследования были продолжены В. Б. Шостаковичем и в последующий период, о чем еще будет сказано далее.

В. Б. Шостакович впервые обратил внимание на возможные изменения климата под воздействием окружающей среды. Его классическая работа о лесных пожарах в Сибири не имеет аналогов в научной литературе¹. Ученый явился и пионером изучения климатических условий существования многолетней мерзлоты на территории Сибири.

Наряду со всеми отмеченными аспектами научной и практической работы, связанной с деятельностью Иркутской обсерватории, следует отметить еще одну сторону занятий, активно осуществлявшихся в Иркутске В. Б. Шостаковичем, — его преподавательский труд. Педагогическую работу он совмещал с основной службой в обсерватории. В различное время им велись физика, ботаника и зоология в фельдшерской школе и на общедоступных курсах. После возникновения в Иркутске университета он преподавал там — в ряду новых его профессоров. В ту пору, когда Иргосун (так повсеместно тогда употреблялась аббревиатура от названия Иркутский государственный университет) еще не располагал специальным метеорологическим отделением, профессор В. Б. Шостакович читал географию и ряд других дисциплин для рабфака и педагогического факультета². В период непродолжительного существования в Иркутске так называемого Практического политехнического института (в 1921–1923 гг.) В. Б. Шостакович занимал кафедру метеорологии на Лесном отделении этого высшего учебного заведения³.

¹ Шостакович В. Б. Лесные пожары в Сибири в 1915 г. (К истории лесных богатств). С прилож. схем. карты // Известия Вост.-Сиб. Отд. Русск. Географ. об-ва. Т. 47. Иркутск, 1924. С. 119–127.

² Арх. ИГУ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 705. Св. 15. Л. 1 об., 9–9 об.

³ Государственный Архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 261. Оп. 2. Д. 8. Св. 1. Л. 7, 10.

Многолетний и многообразный интенсивный изнурительный труд, в особенности в сложных бытовых условиях разрухи периодов колчаковщины и гражданской войны, резко ухудшили состояние здоровья В. Б. Шостаковича. Его усугубила внезапная трагическая смерть любимой дочери, на тот момент студентки медицинского факультета. Все это повлияло на решение ученого сменить место своего жительства. В 1929 г. В. Б. Шостакович вместе с женой перебрался в Ленинград. Здесь и прошел последний период его жизни и деятельности, наименее известный и, к сожалению, слабее всего отраженный в сохранившихся источниках.

В настоящем очерке автор отмечает лишь некоторые существенные вехи этого последнего этапа биографии ученого. Как удалось автору пока проследить документально, в Ленинграде В. Б. Шостакович работал до 1934 г. в Государственном гидрологическом институте (ГГИ). К сожалению, в годы войны часть архива названного института погибла. Поэтому всей необходимой информацией о его деятельности за указанный период мы не располагаем. Судя по некоторым данным, В. Б. Шостакович являлся научным сотрудником гидрофизического отдела института. Сохранилась также выписка из протокола заседания Президиума АН СССР от 14 мая 1932 г., из которой видно, что В. Б. Шостакович, как в указанный период научный сотрудник ГГИ, был утвержден в составе Комиссии по изучению вечной мерзлоты (КИВМ). Кстати, среди членов этой же комиссии фигурировал и А. В. Вознесенский, а также и такие крупные отечественные ученые как академики В. И. Вернадский и В. А. Обручев¹.

Находясь в Ленинграде, В. Б. Шостакович продолжал свои научные исследования и достаточно регулярно публиковал труды. В том числе целый ряд из них издавался на немецком языке в научных периодических изданиях Германии и Австрии (до середины 1930-х гг.). Публикации эти представляли дальнейшее теоретическое обобщение и развитие начатых им ранее исследований. В частности, в Германии в 1931 г. в германоязычном научном периодическом издании (и в виде отдельных оттисков из него) появился его объёмный очерк (свыше 50-ти страниц) на тему «Периодические колебания в природных явлениях»². Особый интерес вызывает изучение В. Б. Шостаковичем реакции метеорологических явлений (давление, температура, осадки) на усиление солнечной

¹ Архив ГГИ. К-1179 (1934 г.). Л. 7; Архив СПб. Отд. Русского Географического общества. Ф. 34. Оп. 5. Д. 4. Л. 26.

² *Schostakowitsch W. B. Periodische Schwankungen in den Naturerscheinungen // Gerlands Beitrage zur Geophysik. Wien [Leipzig], 1931. Bd. 30. S. 281–335.*

активности для обширных географических пространств (Азия, Европа, Северная Америка и др.). Работы последнего периода деятельности ученого (конец 1920-х — 1930-е гг.) в ряде случаев привлекали эпизодическое внимание других исследователей, цитировались ими, лестно оценивались, а сам автор был, между прочим, отнесен к числу первых российских советских гидрометеорологов-гелиофизиков¹. Любопытны свидетельства поддержания личных контактов между Шостаковичем и А. Л. Чижевским — основателем нового научного направления космической биологии и медицины и младшим современником иркутского геофизика. Хотя публикуемые данные об этом и содержит явные фактические ошибки в воспроизведении обстоятельств, при которых происходили встречи этих ученых, однако же по ним все-таки возможно отчасти судить о признании А. Л. Чижевским заслуг своего старшего предшественника в разрабатываемой обоими научной области и о том, что в определенной мере младший пользовался в своих научных изысканиях результатами исследований старшего². Безусловно, данная тема достаточно интересна. Видимо, она могла бы стать весьма познавательной в перспективе будущего ее целенаправленного специального изучения.

В сущности же профессор В. Б. Шостакович, начиная от области ботаники на раннем этапе его научной работы, занимался затем актуальными проблемами из многочисленных областей научного знания: геофизики, гидрологии, климатологии, агрометеорологии, синоптики, мерзлотоведения, гляциологии, актинометрии, а также вопросами влияния солнечной активности на различные природные явления и процессы³. Его тематически многообразные работы (при этом нередко и междисциплинарного характера) не получили до конца всестороннего осмысления и характеристики. Также и в целом научное наследие этого незаурядного естествоиспытателя, пионера во многих отраслях знания до настоящего времени не получило ни надлежащей ему известности, ни тем более серьезной научной оценки. Во многом содержание и результаты трудов этого ученого остаются своего рода белым пятном в истории

¹ См. *Эйгенсон М. С.* Солнце, погода и климат. Л., 1963; *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.

² *Ягодинский В. Н.* Александр Леонидович Чижевский. М., 1987. С. 59–60; *Он же.* Нами правит Космос. М., 2003. С. 21, 23.

³ В свете отмеченного весьма показательное свидетельство самого ученого в уже ранее упоминавшейся его служебной анкете, заполненной для Иркутского госуниверситета в 1922 г. В рубрике последней «Укажите Вашу специальность» — В. Б. Шостакович собственноручно обозначил: «ботаника и геофизика» (Арх. ИГУ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 705. Св. 15. Л. 1 об.).

отечественного естествознания конца XIX в. — 40-х гг. XX в. Они еще ожидают своего внимательного прочтения современными специалистами во всех упомянутых областях науки.

Жизнь В. Б. Шостаковича оборвалась в один из наиболее драматичных моментов Великой Отечественной войны, в блокадном Ленинграде. Суровой зимой 1942 года (предположительно, это произошло в феврале) он вместе с женой погиб от голода. Ветерану геофизики шел в ту пору 72-ой год...

Йоанна Арванити,
Дорота Петикевич

Сибирь — приёмная родина поляков

«Сибирь [...] термин остающийся для нас по-прежнему болезненным. В том значении, какое придает этому слову медицина: болезненный, чувствительный к прикосновению»¹ (З. Троянович).

Юльян Талько-Хрынцевич так сказал об этой великой магической земле: «Сколько же на этих просторах погребено народов и культур, о которых мы узнаём весьма поверхностно из китайских источников, где названия и даты очень часто бывают перепутаны. Исследования, проведенные на этих территориях, всего лишь крошечные пунктиры, исчезающие на карте»². Некоторые летописцы называют Сибирь приёмной родиной поляков, благодаря тем нашим соотечественникам, которые вошли в историю как неутомимые ее исследователи, первооткрыватели многих ее тайн или как певцы ее неповторимых красот. Профессор Збигнев Вуйчик, который отдал многие годы работе над сибирской проблематикой, занимаясь прежде всего огромным вкладом поляков в изучение и описание Сибири, сказал: «Что же касается [...] исследователей Сибири [...], то необходимо отметить, что именно в условиях изгнания они сумели добиться важнейших результатов своих трудов. Именно там они продемонстрировали огромную силу воли, благодаря которой — будучи почти самоучками — в тяжелых материальных условиях они смогли сделать уникальные в мировом масштабе научные открытия. Кем бы они стали, если б остались на родине? Зан, возможно, сочинял бы посредственные стихи, Черский был бы хорошим хозяином, каких много, а Чекановский стал бы самое большее преподавателем в каком-нибудь заурядном университете или учителем в средней школе. Сибирь была для них — и вообще для самых талантливых естествоиспытателей — не только местом ссылки и каторги, но также той землей, где особый восторг вызывала природа. Благодаря своей стойкости и необычайной преданности работе, которой они занимались, думая о благе непознанного региона, они смогли максимальным образом и в сравнительно короткий период времени совершить открытия невиданного дотоле масштаба. Стоит ли удивляться, что, освободившись из

¹ Trojanowiczowa Z. Sybir romantyków. Kraków, 1992. S. 148.

² Talko-Hryniewicz J. Zarysy paleontologii Syberii. [После 1924], НБПАЗ и ПАН, 4605, Т. II, К. 88.

ссылки, они возвращались (или стремились вернуться) именно туда, чтобы продолжить начатые исследования»¹.

Сибирь, часто ассоциируется у поляков с преследованиями и страданиями соотечественников, которых в качестве военнопленных или политических преступников, приговоренных за выступления против российских властей, ссылали — с конца XVI в. и заканчивая периодом после Второй мировой войны — в этот ледяной, находящийся за тысячи километров от их родины край, бегство из которого редко заканчивалось удачей. Каторжане и ссыльные вносили в жизнь коренных жителей позитивные изменения, становились проводниками культуры и просвещения. «Как раз поляки, — всегда на диво усердные за границей, — оказываясь по принуждению или по доброй воле в России, выступали там в роли цивилизаторов»². Слово «поляк», как утверждает профессор Антони Кучиньски, который занимается темой места Сибири в польской истории и культуре, стало там синонимом благородства, умения и высоких нравственных качеств. С самого начала поляки пользовались уважением и доверием как жителей Сибири, так и ее властей. Вацлав Серошевский, знаменитый исследователь культуры якутов, вспоминает: «Недаром на берегу Ледовитого океана [...], в глухой юкагирской деревне, когда жители узнали, что я поляк, начали обращаться ко мне со всеми бедами: приносили для ремонта сломанное оружие, спрашивали советов, касающихся копчения и соления рыб, требовали, чтобы я исцелял их слепцов, лечил больных женщин и не верили, что я не смогу сделать всего этого. “Ведь ты поляк (беляк)?!” — говорили юкагиры и якуты, удивленные и обиженные моим отказом. Поляк, по их мнению, это был человек с “золотыми пальцами”, который все знал и все умел делать»³. Также русские власти оказывали полякам доверие и поручали им ответственные функции. Так, например, военнопленный Адам Длужик-Каменьский некоторое время был начальником тюрьмы в Якутске, а отправленный в ссылку после окончания процесса над виленискими филаретами Ян Чечот в 1833 г. стал секретарем Правления Березинского канала.

Следует отметить, что некоторых наших соотечественников включали в состав казачьего войска, а некоторые из них «врастали» в свое окружение, женившись на местных женщинах, поступали на службу в различные учреждения тогдашней России, иногда переходили в право-

¹ *Wójcik Z.* Aleksander Piotr Czekanowski. Szkice o ludziach, nauce i przygodzie na Syberii. Lublin, 1982. S. 13.

² *Miłosz Cz.* Rodzinna Europa. Warszawa, 1998. S. 164.

³ *Kuczyński A.* Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław, 2008, S. 485.

славие. Известны и такие случаи, когда отбыв наказание, ссыльные добровольно оставались на своей приёмной родине или, часто уже как более состоятельные граждане, возвратившись в Польшу, подгоняемые какой-то непонятной силой, вновь отправлялись в край вечных снегов, дабы продолжить предпринятые ранее научные исследования, вести землемерные и конструкторские работы, разведывать месторождения драгоценных металлов или отыскивать неизвестные виды растений и животных.

Один из таких сибиряков, гляциолог Леон Барщевский, сказал как-то во время экспедиции во Францию и Швейцарию, когда оказался на альпийских ледниках: «Ступая по глади ледника, я переносюсь мыслью к моим любимым азиатским ледникам. Красивее их нет нигде. Я мечтаю побывать еще раз на этих великолепных громадинах»¹. А биограф Бенедикта Дыбовского, Нестор польской зоологии профессор Габриэль Бженк, зная о необыкновенной увлеченности гениального исследователя Байкалом, написал: «На последней стоянке много услышал Дыбовский от бурят о величии Байкала и Ангары, о той любви, которой одаривали примитивные в те времена прибайкальские народности эти два чуда природы. Их величие и связанные с ними бурятские легенды так сильно разожгли воображение ссыльного поляка, что он, забыв об усталости и о том, что прибыл в этот край человеком, лишенным свободы, решил предпринять научные исследования с целью изучения биологических тайн Ангары и священного моря бурят² — Байкала [...]. Годы спустя

¹ *Strojecki I. Leon Barszczewski (1849–1910) // XIX-wieczna Azja Środkowa w obiektywie Leona Barszczewskiego. Katalog wystawy ze zbiorów rodziny Igora Strojeckiego. Warszawa, 2004. S. 2.*

Игорь Строеcki — внук самой младшей дочери Леона Барщевского Анны, организатор интересных выставок, посвященных знаменитому прадеду — совершенно гениальному фотографу Азии, а также автор многочисленных публикаций и участник конференций и радиопередач, посвященных Леону Барщевскому и другим известным членам семьи Барщевских.

² «Обитавшие на его берегах буряты и тунгусы, зачастую наделявшие человеческими чертами творения природы, приписывали «священному морю» характер живого, иногда доброжелательного, а то и капризного существа. Они были ему благодарны за неисчерпаемый источник пищи (рыбы) и незабываемых впечатлений, но перед громадой его вод, перед мощью бурь, волн и вихрей, перед проявлением его «гнева» (подводные детонации) они демонстрировали суеверный страх. Именно по этим причинам прибрежные жители религиозно поклонялись этому озеру, относясь к нему как к жилищу грозных богов. Именно из-за этого поклонения и своей боязни они с негодованием реагировали на то, что кто-то из приезжих называл Байкал «озером», а не «морем». Его называли «царём сибирских озёр», «жемчужиной Северной Азии», о нём также

он вспоминал, что его захватило какое-то неизъяснимое ощущение глубокого интереса к этой реке, а особенно к озеру, морская священность которого будоражила воображение, заставляла мечтать о раскрытии его таинственности»¹. Сам Дыбовский писал о Байкале: «Я понял, что он достоин не только удивления, но и восхищения; я обожал величавую дикость окружавших его гор, кристальную прозрачность и чистоту его вод вместе с их огромной глубиной; а затем, когда я всё более познавал бесконечное обилие донной фауны и её разнообразие, а летом, когда я путешествовал по горным долинам с их буйной и богатой растительностью и нашёл одновременно, что их фауна невероятно разнообразна видами птиц, имеющих чудесное оперение, свойственное южным зонам, — обожание моё уже не имело пределов. Здесь сама природа приобретала вид самых эстетичных пейзажей»².

Байкалом восхищался также врач, лечивший бедняков в Сибири, Юльян Талько-Хрынцевич, который написал в своих воспоминаниях: «Большую часть года Байкал покрыт льдом, очень толстым, по которому зимой с декабря по май ездят на санях. [...] Чудесная погода и тишина. Нас восхищает исключительно чистая, ясная лазурь неба, возможно, не столь насыщенная как на юге и западе Европы, без облаков, отражающихся в безмерных глубинах Байкала. [...] Местные жители рассказывают, что тишина на суше не всегда соответствует тишине на Байкале. [...] Байкал расположен в районе землетрясений, и именно этому некоторые приписывают его возникновение. В 70-х годах прошлого столетия, во время одного из таких землетрясений, произошла катастрофа — несколько деревень, расположенных на берегу Байкала, обрушились вместе со всеми постройками и скарбом в его воды»³. Впрочем, Ю. Талько-Хрынцевич всегда весьма эмоционально и красочно описывал чарующие пейзажи Сибири и затерянные среди них города. Предоставим ему слово: «В холодный июньский вечер мы издали увидели в лучах заходящего солнца красные горы, переливающиеся разны-

говорили: «кто не видел Байкала, тот не видел Сибири». Бесчисленные случаи гибели среди разбушевавшихся волн или по причине подломившегося льда становились в сознании добродушных и вместе с тем наивных бурятов источником множества легенд. Частое явление внезапных бурь на Байкале, вызванных рвущимися из горных расщелин ветрами, они приписывали вулканическим причинам, утверждая, что Байкал не имеет дна» [цит. по:] *Brzęk G. Benedykt Dybowski. Życie i dzieło. Warszawa, 1994. S. 115.*

¹ Ibid. S. 76.

² Ibid. S. 115.

³ *Talko-Hrynczewicz J. Z przeżytych dni 1850–1908. Warszawa, 1930. S. 237–238.*

ми оттенками, от чего Красноярск и получил своё название. В середине XVII века здесь была небольшая крепость, основанная завоевателями казаками, а в конце XVIII века население насчитывало едва ли две тысячи человек. Только став главным городом губернии и центром золотодобывающей промышленности, Красноярск начал развиваться, несмотря на довольно суровый климат. Однако Красноярск был расположен весьма живописно и санитарные условия в нём были гораздо лучше, чем в Томске. Здесь собрался круг более образованных сибиряков, которые основали несколько культурных учреждений, библиотеку, читальню, местный музей, а среди прочего и Медицинское общество, которое не только устраивает научные заседания и проводит лекции по социальной медицине, но также построило собственное здание с лекционным залом, открыло амбулаторию для приёма больных, больницу с операционной, собственную аптеку, лабораторию для исследования микровыделений и пищевых продуктов, наконец, проводит бесплатные прививки против оспы»¹. В другом месте своих воспоминаний Талько-Хрынецович пишет: «В низине, между извивающимися голубыми лентами Иркутка и Ангары, издалека видны позолоченные кресты и зелёные купола церквей, а далее — дома, утопающие в зелени. Наконец-то мы в столице Восточной Сибири. Иркутск, расположенный на плоской равнине, не отличается живописностью, однако омывающие его широкие сплавные реки, ровные улицы, твёрдые почвы и зажиточность делали его одним из красивейших и богатейших городов Сибири»².

Непокорная Сибирь иногда предоставляла польским исследователям больше возможностей для самореализации, чем разделенная и порабощенная чужими державами собственная отчизна. Научная деятельность поляков-ссылных получала формальную поддержку Императорской академии наук или российских научных обществ, а также вызывала у граждан империи понимание и уважение. Напомним, что естественнонаучные исследования Байкала, Даурии или Дальнего Востока проводились сосланными участниками Январского восстания, в частности, зоологом, врачом, пропагандистом теории эволюции Дарвина и языка эсперанто Бенедиктом Дыбовским, естествоиспытателем, орнитологом, аграрием по призванию Виктором Годлевским, геологом, палеонтологом, географом и картографом, автором первых геологических планов Иркутской губернии Александром Чекановским, а также геологом, палеонтологом, географом и зоологом, автором первой геогностической

¹ Ibid. S. 229–230.

² Ibid. S. 231.

карты Байкала Яном Черским¹. Им оказывали поддержку Иркутский и Петербургский отделы Императорского Русского географического общества. Политический ссыльный Константин Воллосович, участвовавший в экспедиции геолога и исследователя Арктики барона Эдуарда фон Толля, пропавшего в 1902 году во время очередной экспедиции в поисках таинственной Земли Санникова, продолжил в 1908 году исследования на севере Якутии и на соседних островах — по поручению, кстати, Императорской академии наук. Он открыл несколько ледников, нашел останки мамонта и объяснил причины его неожиданной смерти; он также изучал возможности судоходства вдоль северного побережья Сибири, проводил метеонаблюдения на исследуемых территориях.

Более того, некоторые из названных выше исследователей были награждены медалями Императорского Русского географического общества, а Виктор Годлевский и Бенедикт Дыбовский в 1877 г. были помилованы и Б. Дыбовский восстановлен в научных званиях. Последний, позже, в 1928 г., будучи уже девяностопятилетним старцем, был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук СССР². Медалей ИРГО удостоились также этнограф, географ и литератор Вацлав Серошевский, языковед, лексиколог и этнограф Эдвард Пекарский, геолог, географ и горный инженер Леонард Ячевский, естествоиспытатель, путешественник, исследователь многих белых пятен на картах Центральной Азии, Бухарского эмирата и древнего Самарканда, документалист и фотограф Леон Баршевский, а также языковед, социолог и путешественник Бронислав Пилсудский. В представлении последнего к этой награде в 1903 г. член Императорской академии наук, профессор Василий Бартольд написал: «В лице Б. О. Пилсудского, проживающего в настоящее время на острове Сахалин, русская наука имеет усердного и самоотверженного исследователя. Коллекция, посвященная сахалинским айнам, находящаяся в этнографическом музее Императорской академии наук, собрана исключительно трудами Бронислава Осиповича»³. Русский музей им. Императора Александра III также отнесся благосклонно к

¹ Эту карту одна из авторов доклада [И. Арванити] имела возможность увидеть в Научной библиотеке Государственного университета в Иркутске в ноябре 2008 г., что, безусловно, вызвало её неподдельное волнение и огромную радость.

² Диплом от 1928 г., свидетельствующий о приёме Бенедикта Дыбовского в члены-корреспонденты Академии наук СССР, находится в Архиве Польской академии наук. См.: *Materiały B. Dybowskiego*. APAN. III–327.

³ *Łatyszew W. M. Naukowy spadek Bronisława Piłsudskiego w muzeach i archiwach Rosji. Syberia w historii i kulturze narodu polskiego*. Red. Kuczyński A. Wrocław, 1998. S. 170.

польскому исследователю, который по возвращении в Европу, оказавшись в очень стесненном материальном положении, многократно предлагал разным музеям приобрести у него собранные им экспонаты. На этот призыв ответил Дмитрий Александрович Клеменц, хранитель Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук, заведовавший в 1902–1910 гг. этнографическим отделением Русского музея. Вот содержание отчаянного письма Б. Пилсудского, написанного в мае 1908 г.: «Многоуважаемый Дмитрий Александрович, на днях писал Л. Я. Штернберг, что Вы устроили мне командировку. Я очень Вам благодарен за Ваши хлопоты и жду извещения, какого именно характера будет моя работа. Вы знаете наверное мое положение. Я принужден оставаться до лучших дней за границей и бросаюсь во все стороны, чтобы иметь возможность заняться обработкою своих материалов, собранных среди гиляков, ороков и главным образом айнов о. Сахалин. Здесь, в Польше, нет ни средств, ни особого интереса к этой именно области науки, и гораздо больше поддержки я встретил бы в России. Небольшая сумма, выданная в качестве субсидии Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии, позволила мне привести несколько в систему разрозненные путевые заметки и обработать несколько статей. Но сейчас опять у меня нет вовсе средств и я остаюсь в положении, принуждающем искать какое бы ни было занятие, лишь бы не помереть с голоду. Между тем в моем распоряжении, я уверен, такие материалы, которые имеют несомненную ценность для науки. Печалит меня, что я принужден буду оторваться от работы, которая именно теперь, пока не затерты непосредственные впечатления, более всего продуктивна. Я много рассчитывал на продажу валиков для фонографа с записями на них разных песен, преданий, сказок, криков плясовых, шаманских и т. п., сделанных мною у айнов на Сахалине. Хотела у меня купить эти фонограммы Венская академия наук, но признав ценность их, ответила, что не имеет в своем распоряжении достаточно средств: я просил 1500 р. за 120 валиков и за доставление требуемых текстов и переводов. На днях получил я отказ от Американского музея (Museum of Natural History). Может, Вы найдете возможность закупить эти валики для заведываемого Вами музея. Кроме значения для филологов, записанные мною мотивы были бы интересны и для музыкантов. Мне же жаль, что валики валяются и могут благодаря какой-либо случайности погибнуть, не принося никому никакой пользы, а мне доставив громадный убыток. Я бы согласился на рассрочку и на менее льготные для себя условия, лишь бы вернуть понесенные расходы и не видеть зря валяющиеся результаты своих трудов. Имею также большую коллекцию негативов с типами айнов и сце-

нами их быта и других инородцев Сахалина и Амура. Но негативы тоже понемногу портятся, ломаются при перевозках, а я не могу составить даже для себя из них хорошего альбома, так как не имею достаточно средств. Может быть, Ваш музей закупил бы снимки и я бы прислал их с объяснениями»¹. Бронюсь Пилсудский (именно так он подписывал свои письма, адресованные любимой им с юных лет Марыне Жарновской, в девичестве Баневич), который был на год старше своего брата, Маршала Польши Юзефа Пилсудского, был выдающимся ученым, имеющим особые заслуги перед Сибирью и наукой вообще. Ибо он исследовал, описал и сохранил на фонографических валиках для будущих поколений язык айнов (на их языке «айн» означает человек), таинственной народности неизвестного происхождения, населявшей в то время южный Сахалин и японский остров Хоккайдо. Однако жизнь этого выдающегося этнографа и музееведа, как личная, так и профессиональная, к сожалению, сложилась несчастливо и завершилась самоубийством в Париже в 1918 г. Могила Бронислава Пилсудского, с ошибочно записанной фамилией, не исправленной семьей, стыдившейся самоубийства, совершенного членом такого знаменитого рода, находится на польском кладбище в Монморанси под Парижем, неподалеку от могил Юльяна Урсына Немцевича, Кароля Князевича и Циприана Камиля Норвида.

Стоит отметить, что есть и такие ученые, которые по разным причинам не могли непосредственно участвовать в исследованиях Сибири, поэтому они занимались научной деятельностью в Польше. Так, например, работал брат Бенедикта Дыбовского Владыслав, зоолог, палеозоолог и флорист, который из-за тяжелой болезни сердца и приобретенного в детстве увечья вынужден был проживать в домашнем уединении в имениях Няньков и Войново; брат присылал ему из ссылки в Сибири богатейшие материалы, главным образом касавшиеся беспозвоночных. А Владыслав обрабатывал их с невероятным тщанием и на их основе публиковал ряд работ и монографий. Другой исследователь Сибири на расстоянии — это естествоиспытатель орнитолог Владыслав Тачановский, по инициативе и с помощью которого отправлялись экспедиции польских ученых. Дыбовский подчеркивал, что «его Зоологический кабинет отличало некое странное очарование: там царила атмосфера искренней любви и культа науки»². Зоологический кабинет, которым он руководил, опекал польских ученых в далекой Азии. Владыслав Тачановский обработал большую часть коллекции животных, которые прислали ему из Сибири

¹ Ibid. S. 182–183.

² Brzęk G. Op.cit. S. 40.

Бенедикт Дыбовский и другие ученые, а венцом его кропотливых трудов стала монография, посвященная всей орнитофауне Восточной Сибири в целом. Б. Дыбовский говорил, что это «один из наиболее известных европейских орнитологов и один из самых деятельных хранителей зоологических кабинетов в мире, при этом он настоящий патриот и честнейший человек, личность невероятно оригинальная. Как коллега это был человек открытый, дружелюбный, сердечный, интересный собеседник, знавший много фактов из жизни и истории [...], обладавший такими качествами как альтруизм и человеколюбие, которые преобладали в нем над всеми иными [...]; это был человек большого сердца, его способности граничили с феноменальными, будучи самоучкой в области естественных наук, он достигал превосходства в любой отрасли знаний, которыми занимался»¹.

Среди тех, кто добровольно, по собственной воле и инициативе, отправлялись в этот ледяной край в надежде на осуществление своих научных стремлений и замыслов, в поисках приключений, соблазнившись перспективой получить землю или легко сколотить состояние, был, в частности, Фердинанд Каро², флорист и фармацевт, который четырежды пересёк сибирское бескрайнее пространство, разыскивая новые, неизвестные сорта растений. Он был естествоиспытателем по призванию. Его первый контакт с Сибирью состоялся весной 1887 г., когда его, как военного аптекаря, перевели в Иркутск, где он руководил большой, организованной для нужд армии аптекой, в которой работали более десятка человек фармацевтов. Местная природа настолько его очаровала, что на Дальнем Востоке он провёл почти 20 лет своей жизни, оставив в Польше жену и детей. Он был твёрдо убеждён, что «Сибирь представляет собой для исследователя природы поистине золотую кладовую»³. О богатой и интересной флоре Иркутска, о великопных лиственных лесах вспоминал Каро в своих записках: «Кроме растений, характерных только для Сибири, я встречал здесь довольно много знакомых мне по моей стране видов [...] и ещё около двадцати других, ботанические черты которых ничем не отличаются от тех растений, что произрастают у нас. Единственно *Pulsatilla patens* Mill, сон-трава, которая у нас

¹ Ibid. S. 39.

² Великолепным подлинным гербарием Фердинанда Каро, хранящимся в историческом здании Областного краеведческого музея в Иркутске, имела счастливую возможность восхищаться в ноябре 2008 года соавтор настоящего доклада [прим. И. Арванити].

³ *Karo F. Z notatek botanika // Wiadomości Farmaceutyczne. 1902. № 11. S. 267.*

цветёт только фиолетово-голубыми цветами, там встречается очень часто, но повсеместно цветёт лимонно-жёлтыми цветами. Кроме мест, где это растение особенно часто встречается: близ Нерчинска, Благовещенска и Зейской Пристани, нигде более мне встречать его не приходилось. Это растение очень характерно для Иркутска»¹. После двухмесячного пребывания в Иркутске Каро переезжает далее на восток, в Нерчинск, расположенный на реке Шилке, где он прожил до осени 1893 г. Здешние гористые окрестности с большим количеством скал, болот и степей, изобиловали различными видами растений. Каро прекрасно воспользовался открывшейся возможностью: он собрал в здешних местах 550 видов в 30 тысячах образцов. Результат своей работы — три огромных ящика — он отправил в Прагу, адресовав свою посылку чешскому ботанику Йозефу Фрейну, с которым также поделился секретами своей работы: «Ежедневно в 3 часа утра, когда всё вокруг еще окутывает туман и покрывает роса, я отправляюсь в ботаническую экспедицию по окрестностям, так как собирать растения я могу только до 8 часов утра, ибо в это время я должен быть уже за профессиональной работой. Я просто должен красть время, чтобы успеть в течение дня переложить растения и высушить бумагу. Работа продолжается изо дня в день всё лето до сентября; лишь когда приходят первые морозы, я ощущаю удовлетворение, ибо могу наконец отдохнуть. Комары и москиты здесь любого собирателя могут довести до отчаяния; это в буквальном смысле кровавая работа»².

И Бенедикт Дыбовский, получивший разрешение вернуться на родину, расставался с Сибирью с глубоким сожалением; он добровольно вернулся и в 1879–1883 гг. работал на Камчатке врачом, лечил больных проказой и сифилисом, чем снискал огромное уважение и расположился среди своих пациентов и всего окружения; здесь же он продолжил свои многосторонние исследования. «Он не ощущал особых угрызений совести из-за того, что оставляет родину, ибо сам заявлял: «По-моему, тот, кто искренне любит свою страну, сумеет сердцем быть с ней всегда, хотя бы он находился от неё за тысячи километров, а кто любви этой не знает, для того собственная страна будет чужой, хотя бы он пребывал в ней постоянно»»³.

Врачом и инициатором разных научных мероприятий был также упоминавшийся уже Юльян Талько-Хрынцевич, этнограф и антрополог, которого Сибирь влекла издавна, главным образом потому, что предостав-

¹ Ibid. S. 264.

² *Kuźnicka B.* Ferdynand Karo 1845–1927. Warszawa, 1966. S. 6–7.

³ *Brzęk G.* Op. cit. S. 31–32.

ляла широкие возможности для исследований в этой области. Кроме того, он хотел познать и исследовать землю, по которой прошли целые поколения ссыльных поляков. В 1891 г. он написал Владыславу Дыбовскому: «В настоящее время я уже знаю, что, вероятно, весной отправлюсь в Забайкальский край в Троицкосавск-Кяхту в качестве окружного врача, в край, где первопроходцами науки были Чекановский, Черский и Ваш Уважаемый Брат. Если бы Вы могли сообщить об этом господину Бенедикту, то возможно Он, как человек светлого ума и прекрасный исследователь, причем знающий ту местность, куда я собираюсь, дал бы мне определенные советы и информацию относительно исследований. Кроме обязательных занятий и врачебной практики, я хотел бы по возможности посвятить свободные минуты антропологии, этнографии (тибетская медицина), частично археологии, а мне известно от Императорской Русской археологической комиссии в Петербурге, которая меня к этим исследованиям поощряет, что в этом направлении (доисторическая археология Забайкалья) ничего не сделано. Если средства и время позволят, я буду помнить и о нашей несчастной Академии знаний. Отправлюсь я, вероятно, в апреле, поэтому самое время собирать различную информацию относительно тех мест, которые станут целью моей работы как исследователя. Так что не откажите, прошу Вас, в помощи в этом смысле»¹. А в своем дневнике добавляет: «Больше года тому назад мне предлагали уехать в Америку, в Чикаго, куда меня звал некий Коссаковский, родом из Ковенской земли, фармацевт, имеющий аптеку и одновременно практикующий как врач, человек пожилой и больной. Он искал кого-нибудь, кому смог бы передать опыт своей врачебной практики. Американская жизнь, наполовину жульническая, не подходила мне, тем более что выезд в Америку был равнозначен обрыву связей с Европой, и, что страшнее, с родиной. Я выбрал в конце концов Сибирь, которая манила возможностью вести антропологические исследования»².

Более шестнадцати лет жизни, проведённые Юльяном Талько-Хрынцевичем в далёком азиатском краю, эмоционально связали его с жителями этого края, и наверняка, покидая по-прежнему загадочную Сибирь, он оставил там своё сердце и много добрых мыслей, о чем свидетельствует его взволновавшая всех речь, с которой он выступил в апреле 1908 г. во время прощального обеда в доме купца Иннокентия Дмитриевича Синицина в Кяхте, накануне своего отъезда из Троиц-

¹ Письмо Юльяна Талько-Хрынцевича Владыславу Дыбовскому. Antonów, 11 сентября 1891. См. *Materiały G. Brzęka, APAN. III-382*. ед. 36.

² *Talko-Hryncewicz J. Z przeżytych dni...* . С. 198.

косавска в Краков, а также переписка и обмен опытом с сибиряками, продолжавшиеся до конца его жизни. Исповедальными и проникнутыми истинной заботой о судьбах жителей сибирской земли были письма Талько-Хрынцевича, адресованные профессору Бенедикту Дыбовскому, а также знаменитому знатоку истории азиатских народов Владыславу Котвичу. 17 марта 1926 г., уже будучи пользующимся признанием и всеобщим уважением профессором Ягеллонского университета, он написал профессору Дыбовскому: «Мы получили несколько интересных писем из Троицкосавска, из Монголо-Бурятской Республики. Многие из наших знакомых умерли во время войны от голода и из-за эпидемий, а многие были убиты. Гимназию, реальное училище и городскую школу закрыли, а открыли другие, прежних учителей буржуев уволили. Открытый мною музей сохранился и был признан государственным»¹. Воспоминания о тех трудных, но в сущности счастливых и добрых для него временах, сопутствовали ему до конца жизни.

Другом и корреспондентом Юльяна Талько-Хрынцевича был врач Целестын Цехановский², сосланный после подавления Январского восстания 1863 г.; он был «родом из Гродненского региона, отбыв каторгу, поселился в Иркутске и снискал там славу большого филантропа и оригинала. У него был собственный дом, огороженный высоким забором, с обычно закрытыми воротами. Жил он очень скромно, лечил чаще всего даром, а если брал гонорар, то очень небольшой, бедным раздавал ле-

¹ Письмо Юлиана Талько-Хрынцевича Бенедикту Дыбовскому. 17 марта 1926. См. Materiały G. Brzęka, APAN. III — 382. ед. 61.

² Соавтору настоящего очерка, которая давно занимается разысканием документов, касающихся Целестина Цехановского, удалось — благодаря любезности и доброжелательности сотрудников Государственного архива в Иркутске — получить информацию о хранящейся в данном Архиве папке с чрезвычайно важными и интересными документами о польском враче, имеющем великие заслуги перед Сибирью, документами, которые всё ещё ждут своего изучения, описания и публикации в Польше. Этот благородный человек, прекрасный врач и уважаемый поляк своей нравственной позицией несомненно заслужил память о себе в сердцах нынешних и будущих поколений соотечественников. Авторы настоящего доклада сердечно благодарят Оксану Николаевну Полянскую, кандидата исторических наук, доцента кафедры Всеобщей истории Бурятского государственного университета города Улан-Удэ, и Николая Дмитриевича Гребенщикова — члена польского общества в Улан-Удэ «Надежда», написавших весьма интересную статью о Целестине Цехановском и предоставивших её текст польским читателям. Письма Целестина Цехановского Юлиану Талько-Хрынцевичу сохранились также в наследии Юльяна Талько-Хрынцевича, которое хранится в Архиве Ягеллонского университета, АЈУ, D III 6, к. 477 [прим. Й. Арванити].

карства бесплатно»¹. Юльян Талько-Хрынцевич пишет о нём в своих воспоминаниях: «Долгие годы он прожил с простой сибирячкой и имел с нею десятерых детей, которых очень любил и не жалел средств на их воспитание»². С детьми и в семье он говорил по-русски, объясняя это тем, что дети его останутся в Сибири, так что не стоит их юным сердцам прививать привязанность и тоску по далёкой отчизне, которой они никогда не увидят. Сам однако охотно общался со своими давними товарищами по несчастью. Бывая позже в Иркутске, я не раз навещал Цехановского. Он мне рассказывал, что несмотря на угрызения совести, которые он испытывал по поводу якобы навязывания своей национальности детям, старший сын его, однако, получив аттестат зрелости и желая продолжать учёбу, но не имея на то средств, отправился в Варшавский университет с тем, чтобы легче получить стипендию в качестве православного студента. Проведя там год, он познакомился с местными отношениями, причём его возмутила несправедливость и преследования, которые допускало правительство по отношению к полякам. В письмах он делился в подробностях своими впечатлениями с отцом, начал писать по-польски и почувствовал себя поляком. Почтенный старик плакал от волнения, видя в этом триумф польской идеи и высшее проявление Провидения»³. Целестын Цехановский (1835–1906) в 1863 г. действительно был руководителем восстания в городе Гродно. О нём говорили, что «он был любим молодёжью, его обожали, и на самом деле это была незаурядная личность»⁴. Цехановский был арестован, когда помогал раненым повстанцам, сначала его посадили в тюрьму, которая находилась на улице Доминиканской в городе Гродно (в стенах монастыря ордена доминиканцев), затем в Вильно. Он был приговорён к смертной казни через расстрел, но приговор ему заменили на двадцать лет каторги в Сибири. На каторжных работах под Иркутском он пробыл, однако, недолго, ибо вскоре его назначили главным тюремным врачом. Спустя четыре года, он, снижав расположение местной администрации, стал главным врачом в Александровске с жалованием в четыре тысячи рублей, а затем, спустя более десяти лет, перевёлся в Иркутск, где завоевал славу большого филантропа, «бескорыстного идеалиста, великого труженика и человека чрезвычайно

¹ *Talko-Hryncewicz J. Z przeżytych dni...* S. 236.

² Интересно, что в Иркутске и его окрестностях фамилия «Цехановский» не встречается. Возможно, дети в целях безопасности взяли фамилию матери.

³ *Talko-Hryncewicz J. Z przeżytych dni...* S. 236.

⁴ *Gieysztor J. Pamiętniki z lat 1857–1865.* Kraków, 1985. S. 252.

совестливого, который вызывал к себе всеобщее уважение, любовь и даже восхищение»¹. Цехановский умер 28 декабря 1906 г. в Иркутске и был похоронен на том кладбище, где хоронили католиков². Мать его также была в заключении в 1863 г. У Целестина было двое братьев. Ян, осевший в Вильно, руководил разными торгово-промышленными предприятиями и одновременно служил чиновником по особым поручениям при виленском генерал-губернаторе Владимире Назимове. Он также активно действовал во время Январского восстания, однако арестован не был, а своими ходатайствами даже помог смягчению наказания для брата Целестина. Второй брат, Фортунат, который родился в Горлове в 1832 г., стал священником, преподавал иностранные языки и Священное писание в духовной семинарии в Вильно, эмигрировал после Январского восстания в Бельгию, а затем в Чили, жил там в городах Консесьон и Сантьяго, а затем — по словам геолога, минералога, горного инженера, исследователя Чили Игнацы Домейко — «[...] после краткого пребывания в Сантьяго, перебрался на должность викария в один из самых больших приходов Вальпараисо, где сделал много хорошего; его уважали и любили все, он был добродетелен и учён»³. Ксёндз Фортунат умер в Кракове в 1882 г. и похоронен на Раковицком кладбище, в аллее самых старых могил, недалеко от участка, где находится могила Юльяна Талько-Хрынцевича и его жены Крыстыны в девичестве Шабуневич.

Значительным было также участие поляков в развитии промышленности и инфраструктуры Сибири. В частности, они участвовали в широкомасштабных работах, связанных со строительством самой длинной в мире железнодорожной магистрали, Транссибирской железной дороги, строившейся в 1891–1916 гг. Поляки, имевшие большой опыт работы на железной дороге, занимали руководящие административные должности, работали в качестве технического и рабочего персонала, а также в качестве специалистов в создававшейся социальной структуре; везде они слыли работниками ответственными, дисциплинированными, отличающимися высоким уровнем знаний. Строительством центрально-сибирского участка в течение двух первых лет руководил Леонард Ячевский, первым занявшийся геотермическими исследованиями в Си-

¹ Там же. S. 398.

² Это кладбище, к сожалению, уже не существует; сейчас здесь находится Парк культуры и отдыха в Иркутске.

³ Письмо Игнация Домейко Эдварду Одынцу от 16 января 1880. Kłosy. 1880. № 772. S. 245.

бири¹. На строительстве этой трассы работало также много польских инженеров, геологов, специалистов горного дела и минералогии. Кароль Бохданович например, исследовал там залежи полезных ископаемых, а также геологические условия на участке между Томском и Иркутском; он открыл, в частности, залежи каменного угля в окрестностях Черемхова, месторождение нефрита в бассейне Ангары, а также залежи каменной соли, железной руды и месторождения ценных пород камней. Минералог, геолог и петрограф Юзеф Морозэвич в 1897–1904 гг., после увольнения из Варшавского университета и принудительного переселения в Петербург, принимал участие в исследовательских экспедициях, в частности в Крым, на Урал и Командорские острова; открыл новые типы скальных пород, в частности кашенит и мариуполит. Велики заслуги перед Сибирью путешественника Казимежа Гроховского, который за 1908–1920 гг. совершил около тридцати научных экспедиций, в том числе по Сахалину, Восточной Сибири, Туве, Уссурийскому краю, Якутии, Аляске, Монголии и Маньчжурии, в ходе которых он открыл богатые месторождения золота, нефти и многих других полезных ископаемых. Одновременно он занимался археологическими и этнографическими исследованиями среди местных народов (в частности, якутов, тунгусов и голдов), собирал их легенды и предания, исследовал языки, составлял словари и подготовил грамматику тунгусского языка. Оценивая огромный объем и многообразие сфер, в которых поляки совершали свои открытия в Сибири, невозможно обойти вниманием достижения химика и бальнеолога Станислава Щепана Залеского, который был первооткрывателем в области химического, геологического и климатического анализа сибирских озер, а также проводил гидрологические исследования, увенчавшиеся открытием многих источников целебных вод.

Находившимся в Сибири принудительно или добровольно полякам нередко помогали чиновники разных административных центров, городов и городков, благодаря чему многие из них могли участвовать в популяризации науки, распространении просвещения и культуры. Стоит отметить, например, заслуги нашего соотечественника, Александра Деспота(ы)-Зеновича, находившегося на русской службе в должности Тобольского губернатора, который вёл переписку с Юльяном Талько-Хрынцевичем². Неоднократно, не выходя за рамки действовавшего

¹ В Научной библиотеке Государственного университета в Иркутске соавтор очерка с огромным волнением держала в руках книгу с автографом нашего соотечественника, сделавшего так много для Сибири.

² Его письма Юлиану Талько-Хрынцевичу были всегда проникнуты дружеским; для примера приведём здесь окончание письма от 12 марта 1892 г.:

закона, он облегчал тяжёлую участь многих ссыльных поляков и помогал им адаптироваться к новым условиям. Александр Деспот(а)-Зенович (1829–1897), родом с Виленщины, один из тех, кто активно внедрял основы цивилизации и культуры на Дальнем Востоке, находился в Сибири в ссылке; он был «чиновником по особым поручениям» в Иркутске, в 1859–1862 гг. градоначальником и пограничным комиссаром Кяхты, затем Тобольским губернатором, опекал ссыльных поляков — участников Январского восстания, за что был освобождён в 1867 г. с должности губернатора. О нём всегда очень тепло отзывался Ю. Талько-Хрынцевич, который вспоминал: «Троицкосавск со слободой Кяхтой становится объектом особой заботы нового начальника. Он основал детский приют, открывает начальные школы и по причине отсутствия учителей сам в них преподает. Он выписывает семена и обучает садоводству и земледелию. Преследует пьянство и взяточничество среди чиновников, подбирая на должности людей высокой нравственности. Он заводит приличные развлечения и открывает культурные учреждения, такие как клуб, публичная читальня и библиотека, наконец, он поддерживает среди купечества идею об организации первой типографии, в которой печатает местную газету, несмотря на то, что подобной не было даже в таком культурном центре, как Иркутск, где расположена резиденция генерал-губернатора. [...] Сам он избегал употребления неприличных выражений и многих клеймил позором за подобное употребление [...], искоренил тогдашний обычай мужчин ходить летом без брюк. [...] Зенович завоевал заслуженное признание не только среди своих, на защите которых он стоял, но и среди русского общества. Его имя, как прекрасного администратора, записано золотыми буквами в истории Сибири»¹.

Всё, что было описано выше, находило свое отражение как в научно-исследовательских работах, так и в литературе и искусстве. Польско-сибирская тематика присутствовала, например, в поэзии, особенно в период романтизма, в поэзии великих поэтов-пророков — Адама Мицкевича и Юльюша Словацкого — а также поэтов из круга филаретов, в том числе «[...] Ян Чечот, находясь в тюрьме, очень много писал стихов, не лишенных немалых достоинств, что свидетельствует о великом спокойствии разума; [...] Томаш Зан, в знак доверия и преданности перстнем с

«А пока что прощай, Дорогой Доктор, желаю Тебе всяческих успехов в Твоём, как можно более долгом, дай Тебе Бог, жизненном странствии», См.: Письмо Александра Деспоты-Зеновича Юлиану Талько-Хрынцевичу, 1892. *AJU. D. III* б. к. 463.

¹ *Talko-Hrynciewicz J. Z przeżytych dni... S. 278–280.*

молодежь обреченный, стал главной целью преследований [...]»¹. Отражение сибирской тематики мы находим в переведенных на несколько языков «Очерках», изданных в виде двухтомника впервые в Петербурге еще в 1887–1890 гг. и называемых любимой книгой поколения, написанных сосланным в 1878 г. Адамом Шиманьским. Сибирская тематика нашла отражение и в других рассказах этого прозаика и публициста, публиковавшего свои произведения под псевдонимом Адам Лях. Шиманьскому Сибирь обязана также неоконченной и, к сожалению, неизданной, ценной работой «Якутская земля и ее жители», прекрасно сохранившаяся рукопись которой находится в Архиве Польской академии наук². В том же 1878 г. был арестован за участие в заговоре и сослан в Сибирь уже упоминавшийся Вацлав Серошевский, занимавшийся там с большим успехом кузнечным делом и сельским хозяйством, автор романа, многочисленных очерков и рассказов на сибирскую тему, а также автор необычайно интересной монографии, изданной в 1900 году в Варшаве, «12 лет в краю якутов» (это польская версия опубликованной четырем годами ранее в Петербурге монографии «Якуты. Опыт этнографического исследования»).

Сибирская тематика оказалась близка также польским художникам, что отразилось в пронзительном по силе выражения цикле картин Артура Гроттгера, Яцека Мальчевского и Александра Сохачевского. Здесь писал свои картины — в меньшей степени носившие мартиронологический оттенок — прекрасный художник рубежа XIX и XX вв., сосланный сюда после Январского восстания Роман Швойницкий, хозяин имения Рады под Поневежем, у которого поселился его кузен Хенрык Сенкевич. Именно с ним писатель консультировался по поводу событий, касавшихся Лауды, описанных во второй части «Трилогии». В своих набросках, рисунках и акварелях Швойницкий запечатлел, в частности, портреты польских изгнанников, изображения животных, а также невероятно завораживающие своей монотонностью и бескрайностью сибирские пейзажи, о которых Юльян Талько-Хрынцевич писал: «Дорога повсюду монотонная, широкая, выходящая среди степей и девственных лесов, а пейзажи настолько похожи друг на друга, что не на чем глазу остановиться»³.

Однако наиболее крупные и, пожалуй, заслуживающие самой высокой оценки достижения наших соотечественников относятся к области языкознания и этнографии. Возглавляет список Адам Длужик-

¹ *Lelewel J.* Nowosilcow w Wilnie w roku szkolnym 1823/4. Warszawa, 1831. S. 117–118.

² См. Materiały A. Szymańskiego. APAN. III–24.

³ *Talko-Hryniewicz J.* Z przeżytych dni... S. 229.

Каменьский, автор самого раннего на польском языке описания Сибири, нетронутой еще тогда влиянием европейской цивилизации и православной религии, той Сибири, где он находился в качестве военнопленного в период 1660–1669 гг. Языком, экономикой, обычаями и необыкновенной культурой жителей Сибири — якутов, чукчей, камчадалов, тунгусов и бурят — а также самим краем вечных снегов — его климатом, географическими аспектами, богатством земли и вод — интересовались также: Людвик Сеницкий, попавший в русский плен в 1707 году, а затем за отказ поступить на царскую службу отправленный вместе с братом в Сибирь, где он находился до 1722 г.; Юзеф Копець, в 1794 г. попавший в плен после битвы под Мачеевицами и в 1795 г. сосланный на Камчатку (его «Дневник путешествия...», написанный очень живым и образным языком, издавался несколько раз; вызвал также огромный интерес Адама Мицкевича, который посвятил ему целых две лекции [XXIII и XXIV] на тему славянской литературы в Коллеж де Франс); а также настоятель Виленского монастыря доминиканцев ксёндз Фаустын Чечерский, приговоренный к каторге в 1797 г. за участие в подготовке к восстанию и отправленный сначала в Забайкалье, в Нерчинск, а позднее в Даурию, возле границы с Китаем, где он находился до самого 1801 г.; он нелегально давал частные уроки (власти опасались, что прибывшие поляки будут оказывать плохое влияние на подчиненных аборигенов и распространять среди них свободололюбивые настроения) детям русских чиновников. Просветительской деятельностью в Сибири занимался также Бронислав Пилсудский, открывший на Сахалине первую школу для детей айнов.

Все названные выше поляки-сибиряки всегда чрезвычайно тепло и с величайшей симпатией описывали автохтонных жителей этого огромного края, а их мемуары на протяжении многих лет составляли ценный источник знаний о коренном населении Сибири. Великолепной иллюстрацией может служить фраза, сказанная Фаустыном Чечерским: «Я больше находил примеров истинного милосердия в единственном убогом жилище сельского жителя или у кочующего по степям тунгуса или другого азиата, чем в самых населенных и сверкающих блеском городах»¹. Характерно также мнение о жителях Камчатки Юзефа Копця: «Камчадал, человек добрый, по натуре невозмутимый, мягкий, вежливый и безгранично гостеприимный»², так как «Наряду с жизнью почти

¹ Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. С. 85.

² Kopeć J. Dziennik Józefa Kopcia, brygadiera wojsk polskich // Kuczyński A., Wójcik Z. Warszawa; Wrocław, 1995. S. 138.

пастушеской у камчадалов бывают и свои пиршества и публичные застоля. [...] Если их принимают с водкой, то есть горилкой собственного изготовления, чаем, рыбой и другими местными продуктами согласно обычаю, то они считают, что им был оказан наилучший приём»¹. А Бронислав Пилсудский так написал об айнах и гиляках: «Эта среда была единственной на всём острове средней, морально не испорченной, выгодно отличающейся на общем мрачном фоне. Я сблизился с этими людьми, вымирающими, притесняемыми, чтобы дышать среди них более чистым воздухом и помогать им»². Важно также привести мнение об азиатах Леона Барщевского: «Длительное общение с полудикими местными жителями научило меня многому. Как предвзято и неправильно мы судим об этих беднягах. Чаще всего мы сами являемся причиной недоразумений, которые возникают между нами и ними. Неоднократно я сам, как мне представлялось, уже оказывался в безвыходном положении среди этих полудиких народов, где из-за любой мелочи можно было лишиться жизни. Но ведь я всегда справлялся, и всё благодаря тому, что отношение мое к местному населению всегда было сердечным, что я старался вникнуть в их жизнь, обычаи и обряды, верования и суеверия. Я обрел среди них много настоящих друзей. Девятнадцать лет я жил среди них и не могу отыскать ни одного примера их мнимого звероподобия, о котором столь охотно пишут разные путешественники»³.

Обсуждая достижения наших соотечественников в Сибири нельзя также не назвать получившего в истории неоднозначную оценку филемата, дружившего с Мицкевичем, Заном и Чечотом, позднее профессора Казанского университета, Главной школы в Варшаве и Императорского Варшавского университета Юзефа Щепана Ковалевского⁴, который — будучи приговорен в 1824 г. к принудительному изучению восточных языков в Казани, а потом в Иркутске — занимался, сначала по обязанности, а потом с увлечением, языком, литературой, историей и обычаями монгольских народов и создал основы российской монголистики.

¹ Ibid. S. 150.

² *Kuczyński A.* Ludy dalekie a bliskie. Wrocław, 1989. S. 36–37.

³ *Strojcki I.* Leon Barszczewski (1849–1910). // XIX-wieczna Azja Środkowa w obiektywie Leona Barszczewskiego. Katalog wystawy. Opole, 2009. S. 2–3.

⁴ Ламы с высочайшим почтением высказывались о ссыльном поляке, который в библиотеке монастыря, расположенного в далёкой Агинской степи, работал над своими исследованиями в области монголистики, и объявили его хубилганом, то есть воплощением живого Будды. См. *Brzęk G.* Benedykt Dybowski... S. 100.

Упомянувшийся уже Эдвард Пекарский, о котором Н. Поппе сказал: «Личное несчастье Эдварда Пекарского стало настоящим благословением для исследования якутского языка»¹, высланный за участие в заговоре в 1880 г. в самые отдаленные районы Восточной Сибири, впоследствии стипендиат Императорской академии наук, женившийся на бедной якутке, которая родила ему нескольких детей, был, в свою очередь, выдающимся знатоком обычаев и языка якутов, так же как этнограф, прозаик и публицист Адам Шиманьский.

Многие изгнанники, как и «добровольцы» отдали Сибири не только свои сердца, но все свои знания, время и опыт. Преодолевая невероятные трудности экстремальных условий жизни и работы на сибирской земле, упрямо борясь с холодом, голодом и усталостью, поляки сделали для Сибири много хорошего; они способствовали изучению и исследованию этого края, о котором Бенедикт Дыбовский сказал: «Нет на Земле лучше места, чем Сибирь»², его описанию и развитию. Поляки работали там врачами, учителями, преподавателями в вузах, специалистами горного дела, геологами, инженерами, юристами, трудились в сельском хозяйстве, были чиновниками, торговцами, открывали школы, библиотеки, организовывали научные общества, музеи, больницы, участвовали в экспедициях, изучали культуру, языки, обычаи местных народов, создавали словари местных языков, описывали Сибирь в научных работах, запечатлели ее величавую красоту и темные стороны в литературе и живописи.

Богатые материалы, в которых отражены четыреста лет существования польской диаспоры в Сибири, показывают, что «Сибирь начинается с Вислы», не столько в географическом смысле, сколько в политико-демографическом, ибо начиная с XVI столетия и заканчивая XX столетием, многие поколения поляков жили и работали на благо этого края. В одном из ранних польских научных сочинений монаха ордена пиаров Франтишек Сярчиньский в своей работе «География, то есть естественное, историческое и политическое описание стран и народов, в четырех частях света обитающих, с присовокуплением географии астрономической...» так описывал Сибирь: «[...] Зима суровая, лето мучительное из-за большой жары. Снег обыкновенно падает в течение восьми месяцев.

¹ *Arvaniti J. Edward Piekarski // Polscy badacze Syberii / J. Arvaniti. Warszawa, 2008. S. 47.*

² *Афиани В. Ю., Мироненко С. В. Польские исследователи Сибири. Документы Архива Российской академии наук и Государственного архива РФ // Польские исследователи Сибири. Каталог выставки. Афиани В.Ю., Литвина Н.В., Осипова Н.М. М., 2008. С. 18.*

[...] Северная часть имеет одни только дикие заросли, жители живут рассеянно, за счет ловли рыб и зверей. Но южная часть весьма плодородна, в лугах, пашнях и непаханных землях почти самые лучшие плоды даёт [...]», а люди здесь «[...] маленького роста, обычно не выше 4 футов, лица смуглые, широкие, носы плоские, глаза желтого цвета. Женщины такие же невзрачные, как и мужчины. Несмотря на неудобства жизни и резкость воздуха, болезней почти не знают и живут долго, но быстро темнеют от долго лежащего снега и постоянного дыма в своих помещениях»¹.

Перевод с польского языка:

Елена Шиманьская, Лариса Гвозд

Анна Мачеевская, Елена Таракановская

Список сокращений

АМД — Архив механической документации

АПАН — Архив Польской Академии наук

АЯУ — Архив Ягеллонского университета

БВУ — Библиотека Виленского университета

КАК — Коллекция Антони Кучиньского

КИС — Коллекция Игора Строецкого

МЗПАН — Музей Земли Польской Академии наук

МТ — Музей Татр имени доктора Тытуса Халубиньского

НБПАЗ и ПАН — Научная библиотека Польской Академии знаний и Польской Академии наук

ПП — Польская почта

¹ *Rok B. Staropolskie relacje geograficzne o Syberii w XVIII wieku // Syberia w historii i kulturze... S. 44.*

Сибирская тематика в коллекциях Архива Польской академии наук. Деятельность Сибирской комиссии

Документация, касающаяся Сибири, находится в очень многих местах: в архивах России и Латвии, и, конечно, Польши, а также в других странах Европы. Одним из таких мест является Архив ПАН в Варшаве, который был создан в 1953 г. в качестве учреждения, собирающего дела Польской академии наук, а также наследия польских ученых. Архив не специализируется на коллекциях, касающихся Сибири, однако имеет много документации на эту тему. Большую часть информации можно найти в наследиях ученых. Обычно ее получают путем покупки или приобретения на условиях дарения правообладателем. Личные дела ученого обычно продает его семья — жена, дети, кузены. В последнее время более распространенной является форма подарков. Архив пользуется большим признанием в окружении, однако не может рассчитывать только на дарителей. Часто сами сотрудники проявляют инициативу, стараются быть активными и полезными. Так, например, было с наследием Бенедыкта Дыбовского. Несколько лет назад в Архив пришла его внучка Владыслава и принесла с собой семейные фотографии. И так началось более близкое знакомство. Благодаря частым встречам, мы смогли узнать, как произошло, что внучка, мать которой была дочь Дыбовского Халина, также носит фамилию дедушки. Итак, мы узнали, что ее мама вышла замуж за врача Фукса, который будучи уже зятем Дыбовского, обратился к своему тестю с просьбой взять его фамилию. Наблюдая за поведением немцев во время Первой мировой войны, он чувствовал в себе глубокую обиду и стыд за их действия. Этот факт повлиял на решение поменять фамилию. Владыслава была последней представительницей рода, официально носящая фамилию Дыбовская. Она скончалась в июне 2008 г.

Внучка Дыбовского, начав приходить в Архив, передавала биографические материалы, статьи, копии работ дедушки, семейные фотографии, дипломы, некрологи. Пригласила также на открытие Парка диких животных, находящегося на Мазурах в Кадзидлове, который получил наименование Бенедыкта Дыбовского. В парке водятся пятнистые олени, которых Дыбовский описывал во время своего пребывания в Сибири. Коллекцию архива дополняют дары проф. Кучинского — это прежде

всего ксерокопии, газетные вырезки и корреспонденция. В последнее время с Архивом ПАН начала сотрудничать Паулина Копестинская — художница из Якутии, проживающая в настоящее время в Италии.

Художница, по заказу Библиотеки Оссолинеум во Вроцлаве, пишет портреты примечательных сибиряков. Надеемся, что ее произведения попадут также в Архив ПАН.

Другое наследие — это наследие Леона Барщевского — геолога, топографа и этнографа народов Азии. Наследие было куплено архивом в 1964 г. у дочери Ядвиги Барщевской-Михаловской. В настоящее время коллекцию систематически пополняет правнук — Игорь Строецкий (бабушка — Анна Барщевская). Приносит фотографии, организует выставки, пишет статьи. Только благодаря ангажированию двух сторон (со стороны Архива — прежде всего — к. н. Йоанне Арванити) это наследие имеет возможность пополняться и становиться более интересным.

В Архиве ПАН также сохранилось наследие Романа Швойницкого — ссыльного художника, кузена Хенрыка Сенкевича — известного писателя, лауреата Нобелевской премии. В состав наследия входят многие рисунки и фотографии, изображающие Сибирь и ее жителей.

Удостоена внимания также другая документация, как например: документация Адама Шиманьского — географа, этнографа народов Азии, исследовавшего, прежде всего, Якутию; документация Фердинанда Каро — ботаника, который собирал и описывал растения Сибири; документация Кароля Бохдановича — геолога и путешественника.

Были также ученые, которые занимались научным описанием Сибири. Среди них следует назвать проф. Людвика Базылёва — историка, автора «Сибири» (Варшава 1975); Владыслава Дэщчки — географа, автора неполных рукописей «Поляки в культуре Сибири», «Картография Сибири», а также проф. Габриэля Бжэнка, автора биографии Бенедыкта Дыбовского.

Большинство наследий небольшое. Чаще всего это только часть единого целого, разбросанного по другим архивам и музеям. В истории всех наследий это типичное явление. Редко бывает, чтобы личные дела целиком попадали только в одно место. Обычно по желанию дарителей, а иногда и случайно, подобные материалы оказываются в разных местах, часто в разных странах. Так и в случае вышеуказанных наследий — часть их находится в Музее Земли ПАН, Архиве Ягеллонского университета, Архиве Российской Академии наук в Москве, Петербурге и в нескольких других местах.

Большинство этих наследий было использовано для выставки «Польские исследователи Сибири» и постоянно пользуются большим интересом.

Факт сохранения наследий в Архиве ПАН, а также их научная обработка подтолкнул председателя Сибирской комиссии ПАН к принятию решения об участии этого учреждения в работе коллектива Архива ПАН.

Комиссия исследования истории Сибири была основана в 1994 г. в рамках Комитета истории, науки и техники ПАН. Инициатором ее создания был проф. Владыслав Евсевицкий, назначенный ее почетным председателем. Комиссией сначала руководит проф. Збигнев Вуйчик, который работает в Музее Земли ПАН и Институте истории науки ПАН. Вице-председатель, проф. Антони Кучиньский — знаменитый знаток истории польской диаспоры в Сибири. Постоянными участниками в работе комиссии является около 20 человек, в том числе — проф. Викторья Сливовская из Варшавы, проф. Веслав Цабан из Кельц и другие. Все члены комиссии документируют свои достижения книжными публикациями, а также статьями, издаваемыми в народных и зарубежных журналах (прежде всего в России), а также принимают участие в многих народных и международных конференциях по теме разных аспектов польско-сибирских отношений.

Формула работы комиссии реализуется через разные циклические научные заседания, в которых кроме постоянных членов этого коллектива принимают участие также гости — обычно историки из Российской Федерации, находящиеся на стипендии. Один раз в два месяца проводятся заседания, на которых зачитываются доклады. Доклады готовятся для печати. Члены комиссии делятся также результатами поисков в архивах, проведенных в России. Традиционно, на каждое заседание приносят самые новые публикации о России, прежде всего о Сибири, полученные обычно по частным каналам от друзей из РФ.

Часто оглашались результаты поисков авторов польских мемуаров XVII, XVIII и XIX вв., подготовленные А. Кучиньским и З. Вуйчиком к изданию. Результатами обсуждения мемуаров Юзефа Копэця, сосланного в конце XVIII в. на Камчатку, явились также ценные работы по истории картографии. Сенсацией стал доклад к. н. Зофьи Стжыжевской о польских врачах в России в XVII в. Она доказала, что тогда служили известные по их практическим достижениям безграмотные люди.

Имам Махмуд Таха Жук глубоко исследовал ориентальную тематику и много внимания уделял Юльяну Талько-Хрынцевичу. Также он выступал с результатами по теме достижений Восточного института в период между Первой и Второй Мировой войной. Историки из Лодзи несколько раз выступали по проблеме ссыльных в СССР, а также многие другие ученые исследовали подробные сюжеты на эту тему.

Тематика этих встреч дала основу для новых исследовательских мероприятий, охватывающих широкий спектр сибирской тематики — ссылки, культурно-творческая роль поляков за Уралом и хозяйственная деятельность, вклад поляков в этнологические и естественноведческие исследования в Сибири, депортации во время Второй Мировой войны и в первых годах после ее окончания. Однако, прежде всего, самым главным является тот факт, что комиссия соединяет коллектив отечественных специалистов, занимающихся сибирской тематикой, а также убеждает младшее поколение исследователей в том, что осуществляемый ими труд познавателен и ценен.

Насколько это возможно, комиссия поддерживает также народных и зарубежных авторов в публикации статей и коллективных работ. Благодаря этому их статьи изданы на страницах ежегодника «Восточные исследования во Вроцлаве», ежеквартального издания «Ссылный», являющегося печатным органом Союза сибиряков и ежегодника «Анна-лекта», издаваемого Институтом истории ПАН.

Главные черты Сибирской комиссии — систематичность и конкретность в работе. По крайней мере, около 80% докладов было издано в течение нескольких месяцев после заседания. Это не единственная форма деятельности коллектива. Важным элементом является помощь в приобретении новой специальной литературы на тему Сибири. Комиссия сотрудничает с Научным советом союза сибиряков, выступая с инициативой разных издательских мероприятий «Польских проблем в Сибири», предоставляет также консультации тем, кто пишет кандидатские и докторские диссертации.

Сотрудничество с Архивом ПАН реализуется в разных формах. В последнее время проф. Збигнев Вуйчик, председатель комиссии, стал главным консультантом и рецензентом выставки Польские исследователи Сибири. Благодаря его советам и помощи, выставка приобрела свой окончательный облик, презентованный в Иркутске.

Деятельность комиссии имеет возможность дальнейшего развития, ведь необходимость обмена мыслями и исследовательским увлечением ученых — неограничены. Меня просили передать, что каждый исследователь, который приезжает из России, особенно из Сибири — очень милый гость, который всегда может рассчитывать на полную существенную и научную поддержку.

В. Ч. Дорогостайский — ученый, педагог и естествоиспытатель

Виталий Чеславович Дорогостайский — личность известная среди научной общественности страны как исследователь Центральной Азии, а так же как инициатор и организатор стационарного мониторинга Байкала. Но такова особенность незаурядной личности, большого ученого, что кроме своего главного дела он успевает оставить свой след и в других направлениях человеческой деятельности. В данной статье сделана попытка с современных позиций осветить многогранную деятельность, роль и значение В. Ч. Дорогостайского в изучении и рационализации природопользования в Сибири.

Виталий Чеславович родился 16(29) сентября 1879 г. в семье политического ссыльного, но, являясь коренным сибиряком, на всю жизнь полюбил её суровую природу. Его отец Чеслав Станиславович, поляк по национальности, родился в 1842 г. в г. Каменец-Подольском. В 1863 г. он сражался в повстанческих войсках Киевского округа, попал в плен, и 31 августа 1863 г. был осужден военно-полевым судом на шесть лет сибирской каторги. Так получилось, что Сибирь стала его второй родиной. Наказание Дорогостайский отбывал на казенном Николаевском железодельном заводе, близ села Братск Иркутской губернии. Освобожденный по амнистии 1866 г. он был определен на поселение и стал работать конторским служащим на заводе, а с середины 1870-х гг., после покупки завода братьями Бутиными, — коммивояжером. В 1875 г. ему было возвращено дворянство и разрешено передвижение по делам фирмы по Иркутской губернии. В Тулуне Ч. С. Дорогостайский женился на дочери местного чиновника И. Черных — Марии, которая родила ему сына Виталия — единственного ребенка в семье. В 1891 г. Чеслав Станиславович скончался, и жена с сыном перебрались на постоянное жительство в г. Иркутск.

Виталий Чеславович получил домашнее образование, затем успешно сдал экзамен, поступил в 1891 г. в Первую Иркутскую мужскую гимназию. Его тетя, решив, что он человек искусства, увезла его в Москву где определила на учебу в гимназию и одновременно в Строгановское художественное училище. Однако Дорогостайский, мечтавший об исследовательской деятельности и любивший таежную необъятность, тя-

готился выбранной ему судьбой, и вскоре вернулся обратно в Иркутск и продолжил обучение в гимназии¹.

Из естественных наук в гимназии преподавалась только физика, которую вел ботаник Я. П. Прейн — член и правитель дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО), неоднократно путешествовавший по Монголии. Почувствовав родственную душу, он привел юного исследователя в Отдел, и здесь Виталий познакомился с известным российским исследователем Центральной Азии и Сибири Г. Н. Потаниным, директором Иркутской магнитной метеорологической обсерватории А. В. Вознесенским и консерватором музея ВСОРО А. М. Станиловским. Эти люди и определили его менталитет и судьбу исследователя и неутомимого путешественника².

В. Ч. Дорогостайский был прирожденным и страстным охотником, но охота была для него не столько целью, а тем более не средством существования, но инструментом научного поиска. Ещё учеником Иркутской гимназии, он занимался исследованием растений и животного мира Прибайкалья, много охотился и в совершенстве овладел профессией таксидермиста. Наиболее удачные коллекции и чучела он сдавал в музей ВСОРО. Его жизнь стала служением сибирской природе: он её изучал, охранял, восстанавливал и пытался улучшить.

Летом 1897 г. произошло событие, оказавшее безусловное воздействие на будущего ученого. Группа иркутских ученых, главным образом А. В. Вознесенский и В. Б. Шоस्ताкович, на частные средства основала на берегу Байкала, в селе Голоустное, первый научный стационар. Финансировалась метеоролого-зоологическая станция в основном иркутским купцом И. А. Пятидесятниковым, а работал там ссыльный студент Московского университета В. П. Гаряев. Станция была на слуху у членов ВСОРО, на нее возлагались большие надежды, тем больше стал для заинтересованной общественности ее финансовый крах³. Этот урок Дорогостайский запомнил на всю жизнь, став не только самоотверженным сторонником создания научной станции на берегу Байкала, но и поборником ее государственного финансирования.

По окончании в 1898 г. Иркутской губернской гимназии, Дорогостайский поступил в Московский университет на естественное отделение

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 86. Л. 8–10, 12, 14; *Дорогостайская Е. В.* Виталий Чеславович Дорогостайский. СПб., 1994. С. 13.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 90. Л. 5.

³ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 86. Л. 17.

ние физико-математического факультета. Больше всего интересовался зоологией и ботаникой, работая в лаборатории известного орнитолога М. А. Мензбира и ботаников И. Н. Горожанкина и К. А. Тимирязева. За участие в «студенческих беспорядках» в 1902 г. был исключен из университета, арестован и посажен в Бутырки, затем переселен в Архангельск в Соломбальскую крепость, где просидел пять месяцев. По отбытии наказания, был выслан для исправления «по месту жительства» в Иркутскую губернию¹.

Оказавшись в знакомой местности, обладая достаточным временем и вооруженный освоенными в университете научными методиками, Дорогостайский занялся исследовательской работой. В 1902 г. он приступил к самостоятельной работе по альгологии Байкала, проведя обследование впадающих в озеро рек Большие и Малые Коты, Черной и Крестовки. Летом 1903 г. ссыльный студент совершил продолжительную экспедицию по Байкалу и собрал большой материал по водорослям озера. Но это был единственный случай, когда он целенаправленно изучал флору, все последующие его исследования имели четко выраженную зоологическую направленность.

Осенью 1903 г. Дорогостайский по ходатайству проф. М. А. Мензбира и после своей просьбы получил разрешение вернуться в Университет. Он привез с собой в Москву все коллекции, обработкой которых занимался два последующих года. По итогам работы им была подготовлена первая статья, опубликованная в 1904 г. на французском языке в журнале Московского общества испытателей природы, затем в 1906 г. — на русском². Виталий Чеславович выделил 14 «сомнительных» видов, но лишь два из них описал как новые для науки. Причиной подобной скромности была понятная осторожность молодого исследователя. Работа вызвала интерес в научном мире, и стала основой его дипломного сочинения.

Летом 1905 г. после завершения курса обучения в университете В. Ч. Дорогостайский совместно с А. В. Вознесенским отправился для изучения последствий сильного землетрясения в Северо-Западную Монголию в свое первое дальнее путешествие, продолжавшееся до поздней осени. В ходе экспедиции им были собраны большие коллекции по флоре и фауне Монголии³.

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 40. Л. 1,2.

² Matériaux pour servir salgologie du lac Baikal et de son bassin // Bull. Soc. Nat. Moscou. 1904. № 2. P. 229–265; Материалы по альгологии озера Байкал и его бассейна // Изв. Вост.-Сиб. отд. Росс. геогр. о-ва. 1906. Т. 35, В. 3. С. 1–44.

³ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 38. Л. 5; Д. 40. Л. 1.

В 1906 г. Дорогостайский получил предложение остаться в университете для подготовки к профессорскому званию одновременно от двух профессоров: зоолога М. А. Мензибира и ботаника М. И. Голенкина. Так как обучение не предусматривало получение стипендии, воспользоваться предложением он не смог, ибо был женат и имел сына, но не обладал заработком. Для содержания семьи Дорогостайский покинул Москву и занял место преподавателя естественной истории Иркутской женской гимназии, а затем и мужской. В качестве преподавателя Дорогостайский пробыл в Иркутске четыре года, в течение которых не оставлял мысли вернуться в Московский университет. В Иркутске он продолжил свою научно-исследовательскую деятельность, работая главным образом в Обсерватории и ВСОРГО, в который был принят в январе 1907 года¹.

В этот период Виталий Чеславович был признан не только научным, но и охотничьим сообществом. В феврале 1907 г. на Общем собрании сибирских охотников его избрали кандидатом в старшины Правления Сибирского охотничьего общества².

Деятельностью молодого исследователя заинтересовалось руководство Русского географического общества и в 1907 г. его председатель Ю. М. Шокальский предложил ему организовать экспедицию для изучения еще почти не исследованных истоков р. Енисей. В этих районах Дорогостайский уже был в 1905 г. в качестве помощника А. В. Вознесенского, изучавшего землетрясение на Танну-Ола. В 1907 г. с большим вьючным караваном, двумя помощниками и четырьмя казаками он отправился в пределы Дархатской земли. Экспедиция была трудной, но завершилась успешно. Белое место на карте было заполнено, собраны богатые коллекции, переданные в Зоологический музей Академии наук, с которым у В. Ч. Дорогостайского с этой поры завязалась прочная связь. Подготовленный им отчет экспедиции, признанный интересным, был опубликован в «Известиях Географического общества» за 1908 год³.

В 1908 г. Дорогостайский продолжил работы по исследованию Северо-Западной Монголии. С помощью средств, выделенных ВСОРГО, он совершил экспедицию на горное озеро Косогол (Хубсугул). По возвращению из экспедиции им была составлена карта озера, изданная ВСОРГО, и сделан доклад «Отчет о путешествии на оз. Косогол и р. Ихе». Свои исследования Дорогостайский продолжил в 1910 и 1912 гг.

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 38. Л. 15; Д. 40. Л. 2.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 75. Л. 1а.

³ Поездка в Северо-Западную Монголию // Изв. Росс. геогр. о-ва. 1908. Т. 44. В. 5. С. 233–246.

Их результатом стала работа «Материалы для физической географии Монголии», а также обширные коллекции по зоологии и ботанике, переданные в Зоологический и Ботанический музеи АН¹.

Весну и лето 1909 г. Дорогостайский посвятил изучению Иркутской губернии в фаунистическом отношении и собрал большую коллекцию по позвоночным (около тысячи птиц и млекопитающих). Собранные им в различных местах Иркутской губернии и Байкала коллекции (главным образом, птиц), послужили вместе с коллекциями музея ВСОРГО материалом для большого труда «Птицы Иркутской губернии». Работая над книгой, он обработал орнитологическую коллекцию музея ВСОРГО и предоставил подготовленную работу проф. Мензбиру. Результаты его деятельности были высоко оценены научной общественностью, и в 1910 г. Дорогостайского пригласили на проходивший в Москве XII съезд естествоиспытателей и врачей. Во время съезда проф. М. А. Мензбир предложил молодому исследователю занять должность сверхштатного ассистента в созданном им Институте сравнительной анатомии, на которую тот, несмотря на скудное вознаграждение, с радостью согласился. Ведь это позволило ему вернуться в Университет².

В 1911 г. Дорогостайский получил штатное место лаборанта у проф. М. А. Мензбира, а в 1912 г., стал ассистентом в Институте сравнительной анатомии. С этого времени началась работа со студентами, которая не прерывалась до конца его дней. Одновременно он заведовал Osteологическим музеем. В том же году Виталия Чеславовича избрали на должность ассистента в Московский коммерческий институт, где он вел занятия по курсу зоологии и сравнительной анатомии. В. Ч. Дорогостайский стал сотрудником научного журнала «Орнитологический вестник», выходявшего до 1918 года³.

Лето 1910 г. Дорогостайский снова провел на оз. Косогол и в стране дархатов, а осенью вернулся в Москву. Молодой энергичный, неординарно мыслящий исследователь был признан московской научной общественностью. В 1911 г. Московское общество испытателей природы отправило Дорогостайского в экспедицию в Экваториальную Африку, к верховьям р. Нигер, где он исследовал и коллекционировал тропическую фауну. В 1912 г. при содействии Императорского московского общества испытателей природы В. Ч. Дорогостайским и К. И. Мейером осуществлена орнитологическая экспедиция в Северо-Западную Монголию и южную

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 38. Л. 11; Д. 52. Л. 14.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

³ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 32. Л. 2; Д. 52. Л. 14,69.

часть Иркутской области. За годы путешествий по Монголии накопился большой фаунистический материал, который был передан в АН. В 1913 г. летом в экспедиции на Кавказе, он изучал фауну птиц Западного Закавказья и собирал коллекции для Зоологического музея АН. В 1914 г. Академией наук был разработан план большой экспедиции на Яблоновый хребет и ближайшим этапом предложили руководить В. Ч. Дорогостайскому. Главным образом для добычи крупных млекопитающих (горных баранов и козлов). Данные, собранные в этой экспедиции, послужили материалом для совместной с акад. Н. В. Насоновым работы «Дикие бараны Яблонового хребта», а так же для отчета по экспедиции и подготовке ряда статей¹.

Летом 1915 г. Красноярский подотдел ВСОРГО снарядил под руководством Дорогостайского небольшую экспедицию в Урянхайский край и прилегающую часть Монголии². В общей сложности Дорогостайский участвовал в шести экспедициях в Монголию.

В этот же год В. Ч. Дорогостайский был командирован АН на оз. Байкал для сбора орнитологического материала в дельте реки Селенги. По возвращению, им совместно с профессорами Л. С. Бергом и С. А. Зерновым составлена «Записка о желательности учреждения на озере Байкал постоянной биологической станции». Записка была подписана рядом видных московских ученых (профессорами А. П. Павловым, Д. Н. Анучиным и др.) и подана в РАН³.

Академия наук 30 марта 1916 г. организовала Комиссию по изучению озера Байкал. Целью ее деятельности была организация экспедиций на озеро, устройство на Байкале постоянной биостанции и издание специальных «Трудов комиссии». Благодаря помощи Зоологического музея АН, уже летом 1916 г. на Байкале были проведены первые исследования и выбрано место для станции. На пожертвования иркутского мецената Н. А. Второва была оборудована биостанция. Трудями Дорогостайского приобретена моторная яхта и большая часть оборудования для гидробиологических работ. Прежде чем заняться исследованиями на оз. Байкал, Дорогостайский приватно прошел курс гидрологии в Отделе рыбоведения Московского сельхозинститута. Байкальская комиссия на основании материалов, представленных Дорогостайским и др. участниками Байкальской экспедиции, выработала план исследований на Байкале на ближайшие годы и Положение о Байкальской гидробиологической станции⁴.

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 32. Л. 1; Д. 52. Л. 14.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

³ Архив Санкт-Петербургского отделения РАН Ф. 907. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

⁴ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 34. Л. 1; Д. 52. Л. 16.

Революция 1917 г. задержала учреждение станции, но Дорогостайский во главе небольшой экспедиции провел на Байкале исследования водной фауны озера. Результатом исследований стал ряд статей по фауне Байкала, напечатанных в «Мемуарах Академии наук», «Ежегоднике зоологического музея», «Орнитологическом вестнике» и др. изданиях. Его исследования Байкала, в процессе которых им было описано много новых форм беспозвоночных, продолжались до 1923 г.¹ Основанная В. Ч. Дорогостайским в 1917 г. станция на Байкале в дальнейшем дала начало двум самостоятельным ныне существующим учреждениям: лимнологической станции Лимнологического института СО РАН и биологической станции НИИ биологии ИГУ.

В 1918 г. в Комиссию АН по Байкалу входило 72 чел., в т. ч. акад. В. И. Вернадский, В. Ч. Дорогостайский (проф. Иркутского государственного университета (ИГУ)), Сварчевский (проф. ИГУ), проф. Б. Дыбовский, Ю. М. Шокальский (председатель РГО), В. А. Обручев (проф. Томского политехнического института). Возглавлял комиссию акад. Н. В. Насонов. В силу невозможности финансирования станции за счет бюджета Академии наук, 9 марта 1921 г. Байкальская гидробиологическая станция была передана на три года ИГУ².

Активная научная деятельность принесла Дорогостайскому широкую известность в сибирских научных кругах. Поэтому в конце 1917 г. он был избран адъюнкт-профессором по кафедре анатомии животных Омского сельскохозяйственного института, и получил предложение немедленно отправиться к месту будущей службы. Решение для него было непростым, ибо занятие кафедры в новом, еще не образованном институте в глухой провинции означало хотя и временное, но прекращение начатых работ. Руководство института сочло свой выбор правильным и через год Совет вуза, образовав кафедру ихтиологии и гидробиологии, избрал его в ее состав, поручив организацию Отдела рыбоведения и охотничьего хозяйства на агрономическом факультете. В Омске Дорогостайский провел всего полтора года, читая лекции в институте, работая в местном Отделении ГО и посылно изучая окрестную фауну³.

Но в этот короткий омский период жизни в нем произошел переход от чисто академических исследований к обоснованию и организации моделей управляемого природопользования. Энергичному исследователю

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 34. Л. 1,2; *Дорогостайская Е. В.* Указ. соч. С. 128,131.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–3.

³ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

стало недостаточно лишь изучать природу, он осознал необходимость ее защиты и почувствовал потребность в ее реконструкции и «улучшении». Здесь он был не оригинален. Пафос революционного преобразования мира, во всех его проявлениях охватил в это время представителей не только социальных, но и естественных наук. Об этом свидетельствует, в частности, письмо, присланное Дорогостайскому из-за рубежа, из Польши, в апреле 1926 г. другим выдающимся исследователем Байкала Б. И. (Я.) Дыбовским, тогда уже пребывавшим на пенсии профессором Львовского университета. Тот писал, что еще до революции отправил в адрес Географического общества Предложения по улучшению природы севера империи для «блага местных жителей Камчатки, которых мне не удалось совершить, по причине неимения средств» под названием «Переселение оленей на остров Беринга».

В них он, среди прочего, предлагал переселить яков в долину р. Камчатки, чтобы «на воле они расплодились в огромные стада, как олени на о. Беринга»; развести карповых рыб (карасей, карпов и т. д.) и лягушек на озерах по долине Паратунки, поблизости Петропавловска на Камчатке». Лягушки, по его мнению, служили бы в годы отсутствия полевков, пищей для лисиц и соболей. Он считал, что не окрестности Байкала, но Камчатка должна быть избрана местом для питомника лис и соболей¹.

И жизнь, казалось бы, подтверждала реальность самых смелых планов. Провинциальный Омск превратился в столицу антибольшевистской Сибири со всероссийским правительством. В феврале 1918 г. Дорогостайского пригласили в Министерство земледелия Временного правительства на должность управляющего Отделом рыболовства и охоты².

В это время В. Ч. Дорогостайский принял самое активное участие в работе Первого съезда исследователей Сибири (Томск, янв. 1919 г.), посвящённой организации Института исследования Сибири. Зоологическая секция Съезда с подачи В. Ч. Дорогостайского приняла резолюцию, в которой потребовала организовать «охрану природы и особенно редких или ценных в практическом отношении животных». Участники съезда вынесли решение ходатайствовать перед Сибирским правительством в контакте с другими отделами Института об учреждении в Сибири заповедников и зоопарка.

В Омске в марте 1919 г. В. Ч. Дорогостайский выступил на совещании по рыболовству и охоте, организованном Министерством земледелия Сибирского правительства. Им был сделан доклад «Об учреждении

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.

заповедных площадей в Сибири». Он предложил «наметить ряд участков заповедования в разных местах Сибири, интересных в научном и практическом отношении, главным образом, около крупных сибирских городов, где природе более всего угрожает надвигающаяся культура» и запретить на этих территориях всякую хозяйственную деятельность. Охотничья секция Совещания рассмотрела вопрос «О памятниках природы и охотничьих заповедниках», и приняла постановление, определившее «считать вопрос о заказных площадях назревшим». Секция поручила Отделу рыболовства и охоты, совместно с Географическим обществом, Институтом исследования Сибири и другими заинтересованными учреждениями, «разработать вопрос о заповедных площадях... и внести свои предложения на рассмотрение Лесного специального комитета и на совместном заседании, выработать закон об их образовании»¹.

Принятые резолюции были разосланы по соответствующим организациям, в т. ч. и во ВСОРГО. В Иркутск на бланке Отдела рыболовства и охоты Министерства земледелия Сибирского правительства (за подписью В. Дорогостайский от 18 марта 1919 г.) в адрес Отдела был направлен доклад управляющего Отделом и резолюция, принятая Совещанием по рыболовству и охоте по этому докладу. Распорядительному комитету ВСОРГО предлагалось обсудить выдвинутый управляющим отделом проект «Об охотничьих заповедниках и памятниках природы Иркутской губернии».

Распорядительный комитет ВСОРГО (2 апреля 1919 г.) рассмотрел отношение Отдела рыболовства и охоты и проект проф. В. Ч. Дорогостайского о заказнике на берегу Байкала для научных целей. РК попросил Ф. М. Карльса, «...совместно со сведущими лицами, разработать вопросы организации заказника для научных целей, в ходе которого и рассмотреть проект Дорогостайского». Было решено обратиться в Управление землями и государственным имуществом с предложением о совместном рассмотрении вопроса о заказниках в Восточной Сибири. Лесным подотделом Иркутского губернского земельного отдела 16 июля 1919 г. было подготовлено Положение о Байкальском заповеднике и лисьей ферме и смета на нее².

В. Ч. Дорогостайский не собирался ограничиваться указаниями и призывами, а жаждал практической деятельности по реализации своих

¹ Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. III. С. 29-30; ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 2. Д. 67. Л. 6-8.

² ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 4а. Л. 9; Оп. 2. Д. 67. Л. 2; Оп. 3. Д. 7. Л. 13; Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 460. Л. 46.

планов. В январе 1919 г. он добился от Министерства земледелия выделения 50 тыс. руб. на организацию питомника пушных зверей на Байкале. Летом 1919 г. ученый выехал на Байкал и после долгих и опасных приключений добрался до места и приступил к работе. Основать питомник он решил на территории организованной им Биостанции в Больших Котах, и на выделенные ему Институтом исследования Сибири деньги, приобрёл в полную собственность Биологической станции Академии наук все постройки в пади Большие Коты, принадлежавшие А. А. Сибирякову, а также выкупил право долгосрочной аренды на участок земли в 12 десятин. Он получил распоряжение Министерства Временного Сибирского правительства об учреждении заповедника вокруг станции площадью 60 тыс. десятин. И летом 1919 г., приступил к работам по организации временного питомника, разместив клетки для зверей на веранде и во дворе биостанции¹.

Выделенная сумма перечислялась небольшими порциями и быстро обесценивалась, поэтому строительство питомника прекратилось едва начавшись. И все же он начал функционировать. Началом организации питомника Дорогостайского следует считать октябрь 1919 г., когда якутский зверовод и мехоторговец П. А. Кушнарёв безвозмездно передал ему пару молодых серебристо-черных лисиц. Так был основан первый государственный лисий питомник в России, хотя В. Ч. Дорогостайский не был первооткрывателем искусственного разведения лис в Прибайкалье, еще до революции лисий питомник был организован бурятом Бахаревым в с. Голоустном.

После поражения белых питомник перешел в подчинение Иркутского губернского земельного управления в качестве обременяющей структуры, затем в 1922 г. — Сибземуправлению. В 1922 г. в питомнике было пять лисиц. Весь этот период постоянно стоял вопрос ликвидации питомника, ибо без надлежащего финансирования он не мог нормально функционировать: зверьям жилось тяжело, и приплод постоянно погибал. В 1923 г. питомник был приобретен ИГУ и перешел в ведение Наркомпроса. Улучшилось финансирование. Был построен лисий питомник на шесть пар лисиц по американскому образцу, началась продажа лисьего приплода, а на следующий год здесь открылось новое, соболиное, отделение².

Дорогостайский не забыл свою идею акклиматизации в Сибири полезных животных, и в марте 1926 г. сделал в Биолого-географическом

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 40. Л. 3; Советская Сибирская энциклопедия. Т. 2. Зап-Сиб. отд. ОГИЗ. 1931. С. 88–89.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 41. Л. 4; Северная Азия, 1927. Кн. 4. С. 98–100.

институте ИГУ доклад на тему «О пятнистом олене и возможности его разведения на Байкале». Ему удалось убедить коллег и руководство вуза. Начались поиски инвестора, которым стало акционерное общество «Сырьё», выделившее 2,5 тыс. руб., и предложившее устроить при питомнике загон для пятнистых оленей. Летом Дорогостайский был отправлен в Приморскую область, где провел два месяца, знакомясь с местными питомниками. За это время он посетил большую часть действовавших там питомников, подробно изучил постановку их работы, организацию ухода за животными, добычу и срезку пантов и их заваривание. Он изучил биологию оленя, обратив особое внимание на его кормление на воле и в домашнем состоянии. Установил дружеские отношения с опытными оленеводами Приморья. После этого он съездил на Сахалин, где посетил питомник лис и песцов около г. Александровска. Там приобрел по две пары серебристых лисиц и голубых песцов. Получив товарный вагон, он в сентябре перевез их на Байкал. Семь приобретенных им пятнистых оленей были доставлены из Владивостока позже, помещены в загон площадью 800 кв. саж. и успешно акклиматизировались¹.

В июле 1927 г. состоялся Первый сибирский съезд промхоткооперации. Делегаты съезда признали целесообразным введение Байкальского питомника Главнауки в звероводческую сеть Сибирского края, путём передачи его в ведение Сибирского земельного управления (СибЗУ) для акционирования с участием промысловой кооперации, что позволило бы обеспечить материальную сторону питомника, и дало бы возможность БГНИИ вести свои научные наблюдения и опыты. Одновременно предлагалось в дальнейшем, наряду с научной работой, «совместить деятельность питомника с хозяйственно-практическими задачами звероводства края». В соответствии с этими решениями осенью 1927 г. по постановлению Совнаркома РСФСР Байкальский питомник перешёл от Главнауки в ведение Наркозема. Соответственно его передали СибЗУ, у которого его арендовал Сибгосторг. После этих передач резерват переименовали в Первый Сибирский государственный питомник пушных и копытных зверей. Основатель питомника не покинул свое детище, а стал с декабря 1927 г. его научным консультантом².

Дорогостайский много занимался звероводством и усиленно пытался развести в неволе соболя. В силу ряда обстоятельств добиться этого ему не удалось, но его негативный опыт помог К. Г. Туомайнену (заведующий Питомником ценных пушных зверей Соловецкого общества

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

² ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 30. Л. 128; Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 52. Л. 48.

краеведения) получить соболинный приплод. Опытник с Соловков переписывался с Дорогостайским, изучал его опыт, старался следовать его советам, а также купил у Дорогостайского соболя (самца) и самку серебристо-черной лисицы. Основной причиной неудачи Дорогостайского стало недостаточное финансирование этого пионерского проекта, свою негативную роль сыграла удаленность питомника от населенных пунктов и трудности с доставкой туда кормов и необходимого оборудования¹.

С середины 1919 г. и по лето 1938 г. жизнь проф. Дорогостайского была непосредственно связана с Иркутским государственным университетом (ИГУ). Он основал кафедру зоологии позвоночных, возглавлял кафедру зоологии беспозвоночных, был деканом ветеринарного факультета. Он же — один из инициаторов и создателей Биолого-географического научно-исследовательского института ИГУ, основатель его биостанции на Байкале. Вместе с тем, Дорогостайский постоянно участвовал в работе различных государственных и общественных органов, организаций и объединений. Единственным исключением являлись партийные органы, боявшиеся и недолюбливавшие творческую энергию и непредсказуемость ученого, его независимость и прямоту суждений.

Кроме научной работы В. Ч. Дорогостайского особенно привлекало охотничье дело, в которое он стремился привнести благородство, целесообразность и обеспечить неистощимость промысла. Уже через год после своего появления в Иркутском университете (16 мая 1920 г.) он был делегирован Правлением вуза в качестве своего представителя на Охотничье-промысловый съезд в Новониколаевск, где выступил с развернутой программой переустройства охотничьего промысла. Дорогостайский председательствовал на учредительном съезде представителей охотничьих организаций Иркутской губернии, проходившем в декабре 1922 г. в Иркутске. А летом 1925 г. участвовал в работе Охотничье-пушного съезда в Новосибирске².

Дорогостайский активно пропагандировал идеи рационального природопользования в научном и краеведческом сообществе Сибири. В январе 1925 г. он председательствовал на Биологической секции Первого Восточно-Сибирского краеведческого съезда (Иркутск). Здесь он выступил с докладом «Охрана природы края», в котором выдвинул программу мер, направленных на учет, контроль, сохранение и восстановление биологических ресурсов региона. Профессор потребовал восстанов-

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 45. Л. 8,14; Д. 75. Л. 61.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 52. Л. 43,44.

ления созданных в 1912 г. заповедников (Саянского, Байкальского) и учреждения новых. В качестве оперативной меры он предложил учредить местные временные охотничьи заказники. Рекомендовал взять под особую охрану закону редких животных (соболя, изюбря и др.) и ценные технические растения (бадан, кедр и др.). Для решения этих задач он предложил организовать краевую «природоохранительную» комиссию¹.

В декабре 1926 г. в Новосибирске Дорогостайский на Первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде сделал доклад «О современном состоянии охотничьего хозяйства в Сибири». Он заявил: «У охоткооперации есть много недостатков, но все же пусть будет охоткооперация, чем потребкооперация». Работая в составе комиссии по выработке резолюции, Дорогостайский постарался в максимальной степени заложить в нее свои идеи. Резолюция получилась перспективной и в то же время достаточно конкретной. В ней требовалось пересмотреть правила о сроках и способах охоты и осуществлять действительный надзор за их выполнением. Создать сеть станций по планомерному обследованию охотничьих угодий. Внедрить в практику правильную методику описания охотугодий и организовать сбыт пушнины через охоткооперацию. Предлагалось расширить и укрепить сеть заказников и охотничьих хозяйств. Организация охотничьих заповедников, в настоящих условиях, по мнению участников съезда, была преждевременной. Требовалось усилить внимание организации народного образования, земельных и охоткооперативных органов на организацию сети курсов охотоведения и в первую очередь открыть 2-годичные курсы при ИГУ. Для подготовки кадров ученых охотоведов и пушников предлагалось создать соответствующую аспирантуру при сибирских вузах. Организовать опытно-показательные питомники и племенные рассадники и в первую очередь обеспечить твердым финансированием Байкальский питомник пушных зверей².

В. Ч. Дорогостайский в своих работах пропагандировал идеи, которые многим тогда казались спорными и вызывали раздражение у властей. Он ратовал за создание общегосударственной системы охотничьего хозяйства. Эта система, по его мнению, должна включать в себя рациональные охотничьи законы; организацию охраны дичи от истребления и борьбы с хищниками и браконьерами; общества и кружки правильной охоты и различные объединения по охотничьему делу и охране природы; заказ-

¹ Бюллетень ВСОРГО. № 6. Иркутск, 1926. С. 54; Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. Ч. 1. Иркутск, 2000. С. 33.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 75. Л. 18–20.

ники, заповедники и различного типа правильно устроенные охотничьи хозяйства; зоопарки и питомники зверей и птиц (зоофермы); заводы и фабрики по выделке охотничьего оружия, боеприпасов и охотничьего инвентаря; скорняжные, мехокрасильные и др. мастерские; школы, курсы, кафедры в вузах по охотоведению, звероводству и пушному делу; профессиональной деятельности по статистике и экономике охоты; питомники охотничьих собак, выставки и др., а также торговый аппарат. Он предлагал создать самодостаточную отрасль народного хозяйства, способную объединить и гарантировать рентабельность охотничьего промысла и при этом сохранение и преумножение богатств животного мира страны.

В. Ч. Дорогостайский старался донести свои идеи до общественности и властей. Он часто выступал с лекциями, по радио и в газетах, в 1936 г. составил для советских органов «Докладную записку об учреждении в Иркутске зоопарка». Деятельность В. Ч. Дорогостайского по рационализации природопользования была известна не только в Сибири, но и в центре, и в декабре 1929 г. был избран членом Всероссийского Бюро звероводства и охотоведения (Ленинград). Он принимал непосредственное участие в подготовке и выполнении решений, регламентировавших эксплуатацию живого мира региона. В 1923–1924 гг. совмещал работу в университете со службой в Иркутском губернском отделе Всероссийского Союза охотников в качестве товарища (заместителя) председателя¹.

В. Ч. Дорогостайский активно участвовал в организации территорий с ограниченным режимом природопользования. В 1925 г. Сибирское краевое земельное управление пыталось решить проблему Саянского заповедника, для получения информации туда была направлена экспедиция проф. Б. Э. Петри. Вокруг судьбы этой территории развернулась полемика, Петри считал целесообразным создание здесь Карагасского охотхозяйства, а Дорогостайский был сторонником восстановления заповедника. Сибкрайзём принял решение о создании охотхозяйства. Летом 1928 г. на средства Главнауки, Общества изучения Сибири и Охотсоюза под руководством Дорогостайского состоялась экспедиция для изучения Хамар-Дабанского соболиного района с целью проверки целесообразности учреждения Россохинского соболиного заказника. Обследование производилось с целью установления более точных границ заказника и изучения почвенно-ботанических условий. В экспедиции его сопровождали два аспиранта — охотовед-экономист Н. Н. Топор-

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–10; Д. 52. Л. 39; *Дорогостайская Е. В.* Указ. соч. С. 94, 125.

ков и охотовед-биолог В. П. Фаворский, впоследствии известные специалисты заповедного дела и поборники охраны природы. Проведенные исследования показали нецелесообразность его учреждения на данной территории, в связи с тем, что соболя там практически не было. Большая часть территории была занята гарями, зарастающими березняком, в которых он не держался. Зато было обнаружено много копытных (лось, изюбрь и др.). Экспедиция наметила для соболиного резервата взамен Россохинской две других территории¹.

В. Ч. Дорогостайский, наблюдая обеднение природных ландшафтов, считал, что власть и общественность должны активно участвовать в процессе сохранения и восстановления животного разнообразия. Вместе с тем, он широко пропагандировал идеи акклиматизации в Сибири ценных видов животных из других регионов планеты и реакклиматизации видов, находящихся на грани исчезновения. В марте 1926 г. В. Ч. Дорогостайский выступил с докладом «О мелиоративных мероприятиях по рыболовству» на съезде рыбаков Иркутской губернии. Он предложил на Ангаре и Байкале построить рыбопроизводные заводы по хариусу. В декабре 1929 г. на Экспертном совещании при Иркутском окрисполкоме рассматривался вопрос о развитии домашнего оленеводства. Основу дискуссии составил доклад Иркутского охотсоюза «О развитии мараловодства в округе». В. Ч. Дорогостайский поддержал идею, так как считал, что Прибайкалье имеет много свободных территорий, пригодных для их выпаса и в целом благоприятные условия для разведения маралов. Совещание поручило Дорогостайскому совместно с Охотсоюзом выработать практически реализуемые формы развития домашнего оленеводства в Иркутском округе.

Осенью 1930 г. В. Ч. Дорогостайский принял участие в заседании постоянно действующего промыслово-технического совещания при Иркутском агентстве Сибтреста. Особую активность он проявил при рассмотрении вопроса «О рыбопроизводении и акклиматизации ценных пород рыб». Дорогостайский отметил особенности климатических условий региона и промерзание рек и др., что, по его мнению, свидетельствовало о том, что говорить об акклиматизации преждевременно. Этот вопрос требовал длительного изучения и больших затрат. Он считал, что следует направить усилия на сохранение местных пород рыб. По тем же причинам он счел нецелесообразным строительство прудовых хозяйств. К реализованным в регионе идеям Дорогостайского можно отнести ак-

¹ ГАИО. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 2. Л. 47; Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 52. Л. 43; Советская Азия. 1926. Кн. 5–6. С. 139.

климатизацию ондатры. В феврале 1927 г. на заседании БГИ ИГУ он предложил развести в Прибайкалье ондатру. Идея была поддержана, и разработанный проект предложен местным органам власти. В 1931 г. впервые в водоемы Восточно-Сибирского края было выпущено небольшое количество вывезенной из Северной Америки ондатры. Опыт удался. А с весны 1936 г. Востсибпушнина приступила к промышленному отлову ондатры¹.

В. Ч. Дорогостайский много сделал в области собаководства. Он был большим любителем легавых и его курцхары долгие годы славились в Иркутске. Знал он отлично и лайку и очень беспокоил за ее будущее. На Первом сибирском съезде в Новосибирске он предсказал вырождение лайки через полвека, в том случае если не будут предприняты достаточные меры по ее спасению. И его предсказания практически сбылись. Охотничье-стрелковый комитет Краевого совета физкультуры, организуя с середины 1930-х гг. выставки породистых собак, судьей по лайкам неизменно приглашал Дорогостайского².

Профессор Дорогостайский большое внимание уделял вопросам изучения промысловых зверей и организации пушного хозяйства и охотничьего дела в Сибири. Этой проблеме посвящен ряд его работ. В них выяснено значение ондатры как промыслового животного в Восточно-Сибирском крае, изучен вопрос о генетических факторах окраски шерсти высокосортных лисиц, организованы биометрические исследования местной расы дикой козы, поставлены важные вопросы организации охотничьего хозяйства, дано описание промысловых зверей Прибайкалья со стороны их экономического значения, составлена инструкция по изучению охотничьего промысла, намечен план развития звероводства в Сибири³.

Понимая роль и значение специалистов в правильной организации охотничьего хозяйства, В. Ч. Дорогостайский выступил инициатором и организатором системы обучения кадров охотников-промысловиков, в частности, и организаторов охотничьего дела в целом. В июне 1927 г. по его предложению и под его руководством на средства Сибземууправления состоялись месячные курсы охотоведения и пушного дела. Численность первого набора слушателей составила 60 человек. Преподавание на курсах было бесплатным. После завершения обучения Дорогостай-

¹ ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 317. Л. 96; Д. 362. Л. 79. Л. 80,81; Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 25. Л. 4; Д. 75. Л. 52.

² ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 75. Л. 52,61.

³ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 52. Л. 24.

ский организовал для слушателей курсов — экскурсию в Байкальский питомник пушных зверей. Опыт был признан успешным, и при факультете права и местного хозяйства ИГУ открылись двухгодичные пушные курсы. На курсы съехалось 40 человек, командированных от всех районов Иркутской области и Бурятии.

В 1930 г. эти курсы были преобразованы в самостоятельный Пушно-сырьевой институт Всеохотсоюза с тремя факультетами: организационным, сырьевым и производственным. В 1931 г. факультеты были реорганизованы в отделения: организационно-кооперативное, охотобиологическое, мехового звероводства и оленеводческое. При институте существовало подготовительное отделение для малых народностей, курсы подготовки в институт рабочих и рабфак. Иркутский Пушно-сырьевой институт являлся основным учебным заведением, готовившим специалистов для Сибири и Крайнего Севера. В 1931 г. институт преобразовали в учебный комбинат, при котором был создан очный техникум. С 1932 г. учебный комбинат был переведен на госбюджет, а в 1934 г. Иркутский комбинат, который к тому времени произвел два выпуска охотоведов, был переведен в Москву и влит в зверо-охотоведческий факультет Московского пушно-мехового института¹.

В 1934 г. общественность Иркутской области широко отметила 55-летие со дня рождения и 30-летие научной деятельности выдающегося исследователя и педагога. По оценке проф. С. И. Тимофеева, лично Дорогостайским описано 32 новых гаммариды (рачка) из Байкала, шесть новых видов мошки (гнуса), одна новая рыба из оз. Косогол, новая лища из Забайкалья, новый вид грызуна. Им открыты горный баран на Яблоновом хребте, несколько новых растений и водорослей². Всего В. Ч. Дорогостайским издано 54 научные работы.

Жизнь выдающегося учёного и пламенного патриота сибирской природы окончилась типично для интеллигенции 1930-х гг. В июле 1937 г., после конфликта с директором ИГУ, В. Ч. Дорогостайский с семьёй переехал в Алма-Атинский университет заведовать кафедрой зоологии, а 27 августа был арестован и отправлен на расследование в Иркутскую область. Здесь по известной «технологии» он был обвинен в работе на японскую разведку, в связях с германской разведкой, в участии в работе штаба РОВС и 29 ноября 1938 г. расстрелян. 8 октября 1957 г. его жене была вручена справка о прекращении дела В. Ч. Дорогостай-

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 75. Л. 22,24,59.

² Восточно-Сибирская правда. 1934. 15 окт.

ского «за отсутствием состава преступления»¹. Осенью 1979 г. в честь 100-летия со дня рождения большого ученого состоялось праздничное заседание Ученых советов биолого-почвенного факультета и научно-исследовательского института биологии Иркутского государственного университета.

Яркая неординарная личность, большой ученый, неутомимый путешественник, талантливый естествоиспытатель, несмотря на безвременную кончину, оставил о себе добрую память среди многих современников и благодарных потомков. О нем и его исследованиях и идеях опубликовано более 50 книг и статей и изучение жизни и деятельности В. Ч. Дорогостайского продолжается.

¹ ГАИО. Ф. Р-3492. Оп. 1. Д. 58. Л. 2; Д. 59. Л. 44; *Дорогостайская Е. В.* Указ. соч. С. 129.

Вклад польских исследователей в развитие востоковедения в России

История востоковедного образования и науки о Востоке в России, основные тенденции их развития — одна из важнейших проблем отечественной ориенталистики. Большой интерес вызывают процессы формирования и развития научного востоковедения в России XVIII–XX вв. Этот период характеризовался разнообразием и богатством российской ориенталистики, созданием обширной системы востоковедного образования и научных исследований, объединявшей деятельность Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий, семинарий и научных обществ.

Востоковедение в России представляет собой взаимосвязанную, развивающуюся и многоуровневую систему. Академическое и университетское востоковедение, тесно связанные между собой, сыграли исключительную роль в изучении истории и культуры народов Востока.

Особое место в становлении научного университетского востоковедения занимает имя монголоведа Юзефа (Осипа Михайловича) Ковалевского (1801–1878), автора первых трудов по монгольской филологии и истории монголоязычных народов, возглавившего первую в Европе кафедру монгольского языка, которая открылась в Казанском университете в 1833 г. Юзеф Ковалевский — ученый со сложной и интересной судьбой. Был сослан в Казань, как отдаленную азиатскую окраину России, а не в Сибирь, как указывают некоторые исследователи сибирской колонии, за участие в польско-литовском патриотическом обществе «Филоматов и филаретов» (Вильно). Ему было разрешено преподавать в Казанском университете, однако вся его деятельность находилась под «особым надзором».

Начало XIX в. ознаменовано бурным развитием научного знания, история как наука об обществе набирает силу по всей Европе, XIX век — век истории. Востоковедная отрасль исторической науки также получает импульс в своем развитии, хотя не стоит забывать о государственном характере науки вообще, и востоковедения в частности, что и определяло приоритетность направлений в ориенталистике, как правило, связанных с направлениями внешней политики. В начале XIX в. приоритетным направлением внешней политики России становится Дальний Восток. Для его успешной реализации необходимы научные знания. Перед российской наукой стояла задача подготовки отечествен-

ных исследователей-востоковедов. Казанский университет организует научную экспедицию в Восточную Сибирь под руководством адъюнкта университета поляка Юзефа Ковалевского с целью изучения монгольского языка. Они вместе с действительным студентом университета Александром Поповым направляются в Восточную Сибирь, в Иркутск, к переводчику монгольского языка Александру Васильевичу Игумнову, который стал учителем для будущих монголоведов. Экспедиция в Восточную Сибирь, Забайкалье, Монголию и Китай (1828–1833)¹ стала успешной для монголоведения в целом и для самого О. Ковалевского. Ученый блестяще овладел монгольским языком, собрал интересные материалы по истории, культуре, религии монголоязычных народов, которые стали основой его трудов по монгольскому языку, истории и буддизму. Уже в 1835 г. вышла в свет его «Буддийская космология» — первая работа в Европе, которая затрагивала сущность буддийской философии, а не только ее обрядовую сторону. «Монгольская грамматика» (1835), «Монгольская хрестоматия» (1837), «Монгольско-русско-французский словарь» (1839–1844) в 3-х томах — стали основными учебными пособиями для обучения монгольскому языку по всей Европе. По настоянию французских ориенталистов словарь О. Ковалевского стал трехязычным, а не двуязычным, как планировал его ученый.

Вклад О. М. Ковалевского в мировое востоковедение значим еще и потому, что он создал научную школу, подготовил известных востоковедов, из русских — В. П. Васильев, синолог, исследователь буддизма, из бурят — Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А. Бобровников, в судьбе которых О. Ковалевский был ключевой фигурой, из поляков — В. Л. Котвич, который называл себя учеником О. М. Ковалевского. Котвич Владыслав Людвигович (1872–1944) стал известен не только в области монголоведения, но и тюркологии. Родился в деревне Оссово Лидского уезда Виленской губернии. Окончив Виленскую гимназию с золотой медалью, поступил в Санкт-Петербургский университет на китайско-маньчжурско-монгольский разряд факультета восточных языков, где получил хорошую разностороннюю подготовку у ведущих российских востоковедов. Монгольским он занимался у К. Ф. Голстунского и

¹ О. Ковалевский и А. Попов отправлялись сначала только в Иркутск, к А. В. Игумнову. Однако, по рекомендации последнего, чтобы была практика в монгольском языке, необходимо было путешествие среди забайкальских бурят. Кроме того, О. М. Ковалевскому удалось дважды посетить Монголию, по личной инициативе, согласовав с начальством в Казани, и еще О. Ковалевский провел несколько месяцев в Пекине, поехав туда в составе Одиннадцатой Российской духовной миссии (1830).

А. М. Позднеева, китайским и маньчжурским — у С. М. Георгиевского и Д. А. Пешурова, историей буддизма — у В. П. Васильева, тюркским языком — у И. Н. Березина и В. Д. Смирнова. После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию. С 1900 г. становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета и преподает монгольский и маньчжурский языки вплоть до реорганизации факультета восточных языков университета в факультет общественных наук (1919), принимает активное участие в организации Петербургского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) (1920), ставший одним из центров по изучению Востока; В. Л. Котвич был первым его ректором (1920–1922). 1923 г. стал поворотным в судьбе ученого, он репатрировался в Польшу, где и продолжил свою научную деятельность. В том же году был избран профессором по кафедре филологии Дальнего Востока Львовского университета, позднее был избран действительным членом Польской академии знаний и членом-корреспондентом Российской академии наук (РАН). С 1931 г. уделял значительное внимание общим проблемам сравнительно-исторического изучения алтайских языков. Наиболее полное выражение его идеи сравнительно-исторического изучения алтайских языков получили в трудах, вышедших в Польше в 1936 и 1950 гг., позже переведенных на русский язык (например работа В. Котвича «Исследования по алтайским языкам» М., 1962¹).

Среди тюркологов следует особо выделить имя исследователя-поляка Мухлинского Антония Осиповича (1808–1877), современника уже названного нами монголоведа О. М. Ковалевского. Оба являлись выпускниками Виленского университета и основоположниками научных школ востоковедения: монголоведной и тюркологической соответственно. А. О. Мухлинского называют первым исследователем литовских и белорусских татар. Надо заметить, что начало исследовательской деятельности О. М. Ковалевского на поприще востоковедения также связано с тюркскими народами: приехав в Казань в 1824 г., он приступил к изучению истории Татарского ханства.

А. О. Мухлинский по окончании Виленского университета (1828) был прикомандирован к Санкт-Петербургскому университету, с целью усовершенствования восточных языков. Одновременно с учебой в университете он прослушал курсы Учебного отдела восточных языков Азиатского департамента МИД, после которых был командирован в Турцию

¹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1989. С. 134–135. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

и Египет в 1832 г. По возвращении (1835) был зачислен адъюнктом Санкт-Петербургского университета, где в 1836–1839 гг. преподавал арабский язык. В 1839 г. стал экстраординарным профессором кафедры турецкого языка, а в 1853 г. — ее ординарным профессором и бессменным руководителем, вплоть до ухода на пенсию в 1866 г. Однако, в 1859 г. А. О. Мухлинский был назначен деканом факультета восточных языков (до 1866). В истории факультета этот период знаменателен началом интенсивного развития петербургской школы востоковедения. Известно, что в 1855 г. восточный разряд Казанского университета был переведен в Санкт-Петербургский университет, что стало утратой для одного и значимым приобретением для другого. Изначально планировалось учреждение самостоятельного института в Петербурге, проект которого разрабатывал О. М. Ковалевский по настоянию попечителя сначала Казанского учебного округа (1827–1845), затем и петербургского УО (с 1845) М. Н. Мусина-Пушкина, О. М. Ковалевский должен был возглавить в новом учреждении монгольско-калмыцкое отделение. Но этому проекту не суждено было сбыться, якобы из-за больших затрат на содержание самостоятельного института. О. М. Ковалевский был назначен ректором Казанского университета (1855) и на этом посту ему пришлось расформировывать восточный разряд, в создании которого он принимал самое активное участие. А. О. Мухлинскому же суждено было объединить накопленный опыт двух университетов в области изучения Востока и возглавлять факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, ставший ведущим мировым центром востоковедения во второй половине XIX в.¹

Современником и коллегой А. О. Мухлинского по Санкт-Петербургскому университету был востоковед Петрашевский Игнатий (Ignacy; Игнацы) Балтазарович (1796[1797]–1869)². Занимался персидским языком в Виленском университете, не окончив который, в 1826 году поступил в Санкт-Петербургский университет, где изучал турецкий, персидский и арабский языки. Одновременно с обучением в университете, проходил курсы при Учебном отделе восточных языков Азиатского департамента МИД. После окончания университета в 1831 г. работал в посольстве в Стамбуле, сначала драгоманом, потом секретарем, кон-

¹ Что примечательно, оба этих талантливых ученых востоковеда закончили свой жизненный путь в Варшаве, а их ученик, получивший известность как в монголоведении, так и в тюркологии В. Л. Котвич написал о них работы: *Kotwicz W. Józef Kowalewski*. Wrocław, 1946.

² И. Б. Петрашевский родился в местечке Бискупнице, в Вармии, ныне Бискупец в Польше, где и получил начальное образование.

сулом в Измире, Салониках, Александрии и Яффе. Находясь на дипломатической службе, собрал коллекцию мусульманских монет, описание которой было опубликовано в 1843 г. в Берлине, коллекция была куплена английским правительством. С дипломатической службы вернулся в 1840 г. Был избран адъюнктом восточных языков Санкт-Петербургского университета, являлся помощником А. О. Мухлинского по преподаванию начального курса турецкого языка, одновременно преподавал арабский. В марте 1844 г. уволился из университета, уехал в Галле, где в местном университете получил ученую степень доктора философии¹. Некоторое время являлся членом немецкого восточного общества. В 1847–1869 гг. состоял лектором восточных языков на философском факультете Берлинского университета². По другим данным, И. Б. Петрашевский в 1860 г. в должности драгомана прусского посольства отправился в Персию, где умер в том же году.

В целом, тюркология, как и все востоковедение, становится на научную основу в первой половине XIX в. Как и в научном монголоведении, польские исследователи стояли у истоков научного изучения тюркских народов, Осип (Юзеф) Иванович Сенковский (Sękowski) (1800–1858)³ был одним из них. В 1819 г. после окончания Виленского университета отправился в путешествие по Ближнему Востоку с целью «а) усовершенствоваться в языках: арабском, персидском, турецком; б) отыскать и описать акты и материалы для истории вообще и в особенности истории польской; в) собрать материалы, которые могли бы послужить со временем к составлению подробной истории восточных народов; подготовить новое издание грамматики и турецко-польского словаря; д) ознакомиться с турецкой литературой и с состоянием наук и просвещения у этого народа»⁴. В 1820 г. был назначен драгоманом российского посольства в Константинополе. В 1821 г. совершил путешествие по Сирии, Египту и Нубии; по возвращению в России был назначен переводчиком МИД. В 1822 г. Ю. Сенковский получил предложение занять место профессора восточных языков и литературы в Виленском университете, однако он отказался от этого предложения и вскоре дал согласие работать в каче-

¹ Биобиблиографический словарь. С. 188.

² Там же.

³ О. И. Сенковский печатался под разными псевдонимами, известен как Барон Брамбеус. Поляк по происхождению. Родился в деревне Антаголини, близ Вильно (Вильнюс).

⁴ Каверин В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста и редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966. С. 9–10.

стве ординарного профессора восточных языков Санкт-Петербургского университета, где преподавал арабский и турецкий языки, которыми, по многочисленным свидетельствам, владел в совершенстве. Осип Иванович был превосходным преподавателем, давал своим студентам глубокие знания. В отличие от большинства профессоров того времени, которые «держались притупляющей схоластической методы... требовал от своего слушателя знания отчетливого, живого и основанного на источниках»¹. По словам выдающегося востоковеда В. В. Бартольда, «Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение; почти все русские ориенталисты-тюркологи следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников»². Учениками О. И. Сенковского были М. Г. Волков³, П. С. Савельев⁴, В. В. Григорьев⁵, В. Г. Тизенгаузен⁶. В историю русской тюркологии О. И. Сенковский вошел как первый профессор турецкого языка в Санкт-Петербургском университете и автор русско-турецкого разговорника, русско-турецкого словаря и турецкой грамматики, объединенных в «Карманной книге для русских воинов в турецких походах» (Ч. I–II, СПб, 1828–1829). Несколько раньше вышла его работа на французском языке «Дополнения к всеобщей истории гуннов, тюрков и монголов». В 1828 г. был избран член-корреспондентом АН в Петербурге.

Военные исследователи-востоковеды — это еще одна интересная страница в истории ориенталистики. Военные востоковеды внесли значительный вклад в изучение восточных окраин России, сопредельных государств и территорий — Турции, Персии, Афганистана, Индии, Китая, Монголии, Кореи, Японии. Часто они были первыми специально подготовленными специалистами, которые посетили отдаленные, труднодоступные регионы Азии и собрали бесценные сведения. Известные

¹ *Савельев П. С.* О жизни и трудах О. И. Сенковского // *Собрание сочинений Сенковского* (Барона Брамбеуса). Т. I. СПб., 1858.

² *Биобиблиографический словарь ...* С. 215.

³ М. Г. Волков (1800–1846), преподаватель арабского языка в СПб ун-те, хранитель Азиатского музея АН.

⁴ П. С. Савельев (1814–1859), востоковед, нумизмат., член-основатель Русского археологического общества (РАО) 1846 г., секретарь РАО (1849–1851), член РГО.

⁵ В. В. Григорьев (1816–1881), историк Востока, филолог, преподаватель, член-корр. АН (с 1853).

⁶ В. Г. Тизенгаузен (1825–1902), востоковед, археолог, нумизмат, член-корр. (с 1893 г.).

российские путешественники второй половины XIX века Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов, Б. Л. Громбчевский, А. В. Каульбарс были офицерами русской армии. Их научное наследие поистине бесценно. Это работы по географии и статистике, этнографии, демографии, лингвистике, археологии, истории материальной культуры стран и народов Востока.

Среди польских исследователей-офицеров следует выделить Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855–1926)¹. С его именем связано изучение стран и территорий Центральной Азии — Памира, Северо-Западного Тибета, Кашгарии.

К началу 80-х гг. XIX в. горные районы Центральной Азии приобрели особый интерес для мировых евразийских государств. Памир и Каракорум представляли стратегический узел всей Азии. Отсюда можно было контролировать состояние границ и координировать походы в Индию, Китай, Туркестан, Бухару. Британцы приблизились к этому району с юга, а русские заняли эти земли с севера. В 1885 г. Б. Громбчевский командирован в Кашгар и на Тянь-Шань для обследования границ с Китаем. Здесь и начались исследования Громбчевского-географа. Знакомство с новыми для европейцев землями, маршрутная съемка более 1000 верст — все это вошло в отчет, за который автор получил Серебряную медаль Императорского Русского географического общества. В 1888 г. он начал свои исследования на Памире. За эти экспедиции Б. Громбчевский был награжден Золотой медалью Императорского Русского Географического общества. В 1889–1890 гг. продолжил свои исследования на Памире, Тибете, Гиндукуше, Кашгарии². В это время он встретился с М. В. Певцовым, который возглавил Тибетскую экспедицию (1889–1890), после смерти своего учителя Н. М. Пржевальского (1888). В экспедиции работали выдающиеся путешественники П. К. Козлов, В. И. Роборовский, известный геолог, горный инженер Кароль Иванович Бохданович (1864–1947)³, его многолетние работы по Центральной

¹ Бронислав Громбчевский родился в Литве в поместье польского шляхтича. После восстания 1863 г. отец будущего путешественника за участие в восстании был сослан в Сибирь, а семья уехала в Варшаву, где Бронислав окончил русскую гимназию и поступил в Петербургский Горный институт, однако, не завершив обучения, Громбчевский поступил на военную службу в 1873 г.

² В 1891 г. он был произведен в подполковники.

³ Карл Иванович Бохданович родился в 1864 г., геолог и путешественник. По национальности поляк. В 1901–1917 гг. работал в геологическом комитете в России. С 1919 г. — в Польше. Бохданович И. К. Труды по исследованию Восточного Туркестана, Тибета, Куэнь-Луня, Кашгарии, Охотско-Камчатского края, полосы

Азии, Камчатке Кавказу, Северо-Восточному Китаю, являются основополагающими по геологии этих регионов¹. Во время работы в экспедиции М. В. Певцова К. Бохданович исследовал Западный Кунь-Лунь, прояснил его маршрут, дугообразно изогнутый, сильно расчлененный. Труды всех участников Тибетской экспедиции были опубликованы в трех томах. Второй том был написан К. И. Бохдановичем, в котором он изложил результаты геологических исследований².

Кроме значительных топографических и географических работ, Громбчевского интересовали вопросы принадлежности земель исследуемого района и «Исторического права». Одной из причин этого интереса была заинтересованность Китая, поощряемая англичанами, «сделать» часть памирской территории своей. Деятельность Б. Громбчевского в решении этого вопроса была оценена неоднозначно, негативно отразившись на его репутации офицера. Как и в большинстве случаев, заключения пограничных договоров на Памире в XIX веке были проведены на основании политических решений, а не «исторического права» и реальных интересов населения этих территорий.

Из-за независимого характера и чрезвычайно либеральных взглядов он неоднократно попадал в немилость. В 1905 г. его отправили в отставку с правом выезда за границу. С 1909 г. стал жить в Варшаве, работать в государственном Институте метеорологии и писать труды об экспедициях в Центральную Азию и о своей службе, которые были изданы на польском языке, а дневники экспедиций не изданы, хранятся в архиве Русского географического общества³.

Сибирской железной дороги, Квантунской области и Кавказа. // Малый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 1. М., 1997. С. 471.

¹ «Я решил, что, потерпев крушение в Тибете с запада, мы попадаем в него с севера. В половине февраля мы пошли дальше на восток вдоль северного склона Кунь-Луна. На высоте Хотана, я узнал, что экспедиция полковника Певцова зимует в оазисе Ния, и что один из членов экспедиции находится в Хотане. Конечно я поспешил в Хотан, где мы сердечно встретились с геологом экспедиции, горным инженером Богдановичем...» // Доклад капитана Б. Громбчевского о путешествии 1889–1890 гг. Читанный 10 января 1891 г. в Русском Географическом обществе.

² *Бохданович К. И.* Геологические исследования в Восточном Туркестане // Труды Тибетской экспедиции. Т. II. 1892. *Он же.* Материалы по геологии и полезным ископаемым Иркутской губернии // Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. 1896. Вып. II.

³ Архив РГО. Ф. 45.

Александр Лаврентьевич Чекановский — польский землепроходец Сибири

Среди выдающихся исследователей географии и геологии Сибири второй половины XIX в. одним из первых был Александр Лаврентьевич Вавжинцевич-Чекановский.

Его героические, самоотверженные исследования открыли ярчайшие страницы сложной и уникальной геологической истории Восточной Сибири. К сожалению, творческая деятельность А. Л. Чекановского оказалась очень короткой, но именно его труды явились фундаментом раскрытия тайн Сибирской платформы, физической географии, геологии, а также этнографии и биологии.

В области геологии им положено начало систематического изучения геологического строения юга Иркутской губернии, получены новые данные по геологии обширного, ранее почти не изученного участка азиатской части России от Иркутска до Северного Ледовитого океана и от долины Енисея до Лены. А. Л. Чекановским созданы основные представления по региональной геологии Сибирской платформы и ее горноскладчатого обрамления — Саяно-Байкальской области. Им составлены первые геологические карты Западного Прибайкалья, долин рек Нижняя Тунгуска, Оленек, Оленекско-Нижнетунгусского и Оленекско-Ленского водораздела (масштабы 50 и 100-верстки, общая сводная в 100-верстовом (1:4200000) масштабе). Впервые применен палеонтолого-стратиграфический метод при геологических исследованиях. Открыты новые виды фауны и флоры. Изучены красноцветные отложения. Установлено широкое развитие осадков ордовика, силура, девона, юры, мела, палеогена, четвертичных образований. Выявлены угленосные формации каменноугольных, пермских и юрских песчаников. Юрский возраст осадочных пород Иркутского амфитеатра впервые доказан А. Л. Чекановским. В долине Нижней Тунгуски, в низовьях рек Оленека и Лены установлено широкое развитие триаса, юры и мела. Составлен стратиграфический разрез района будущей Братской ГЭС, значение которого сохранилось и до наших дней. Величайшей заслугой исследователя является открытие трапповой провинции Сибирской платформы и первое описание сибирских траппов. Большое значение уделено описанию рыхлых четвертичных отложений и содержащихся в них россыпных месторождений. Обращено внимание на битуминозность «воночих» карбонатных пород на Нижней Тунгуске. Высказаны осторожные соображения о тектонической природе обширных площадей земной коры

между Енисеем и Леной, которые вскоре были отнесены А. П. Карпинским к категории платформ.

В области географических исследований А. Л. Чекановскому, который впервые провел топографическую съемку обширных территорий и составил инструментальные карты, принадлежит выявление графического расположения речных систем Нижней Тунгуски, Оленека, Вилюя, Анабара. Комплексность географических наблюдений синтезировала данные о рельефе, климате, растительности, населении и экономике исследованных регионов Восточной Сибири, включая сравнительное описание бассейнов Нижней Тунгуски и Оленека, выяснение их орографии.

Результаты совершенных экспедиций и маршрутов содержат много материалов по биогеографии, обильные коллекции биологического и зоологического характера, открытые новые формы растений. Совместно с Б. Дыбовским создан специальный гербарий флоры южного Байкала.

Особая роль принадлежит этнографическим материалам, которыми заполнены дневники исследователя (язык и быт эвенков, якутов, тунгусов).

Память о А. Л. Чекановском увековечена в названиях горного кряжа Чекановского — между реками Оленек и Лена, горы Чекановского (хр. Хамар-Дабан, район Култук — Слюдянка), поселка в Братском районе (бывшая станция Анзеби).

Список ископаемых находок флоры и фауны, названных его именем включает 13 наименований: трилобитов — 3; ракообразных — 1, остракод — 3, цератитов — 3, брахиопод — 2; пластинчато-жаберных моллюсков — 2; аммонитов — 1; рыб — 1. Ископаемые растения — 10 наименований: 2 папоротника, хвощ и 7 гингковых.

Совместно с Я. Черским участвовал в археологических раскопках у военного госпиталя в Иркутске, где были сделаны первые в России находки палеолита.

А. Чекановским на русском, немецком и французском языках опубликовано 39 печатных работ и 3 географические карты. Научная деятельность отражена более чем в 80 изданиях.

Нами предпринята попытка сделать первые, порой робкие, шаги в создании летописи жизни и деятельности этого удивительного польского землепроходца. Форма «Хроники жизни и научной деятельности А. Л. Чекановского» выбрана по образу геохронологической шкалы, известной геологам всего мира и подчеркивающей принадлежность замечательного ученого к неутомимым разведчикам недр.

В «Приложении» приведены далеко не все литературные источники, посвященные этой теме.

Выражаем надежду на помощь единомышленников.

ХРОНИКА
жизни и научной деятельности А. Л. Чекановского
(24(12) февраля 1833–30(18) октября 1876)
(даты по старому стилю)

Использованы материалы А. Л. Чекановского, Ф. Б. Шмидта, В. А. Обручева, А. Н. Граниной, И. Л. Клеопова

Даты	Основные события в жизни и научном творчестве	Научные направления	Результаты исследований
1	2	3	4
24(12) февраля 1833 г.	Александр Лаврентьевич Чекановский родился в г. Кременец Волынской губернии (Украина) в семье небогатого польского дворянина, владельца частного пансионата для поступления в лицей — Чекановского Вавжинца и Жюстины Жилибер (француженки по отцу, польки — по матери). Крестный отец — профессор ботаники Виллибальд Бессер. Дошкольное домашнее воспитание и образование	В совершенстве овладел немецким языком	
1843–1850	Обучение в Киевской гимназии. Его воспитатель В.Б. Бессер регулярно проводит экскурсии-прогулки в окрестностях Киева, в результате чего Александр получает знания по естественнонаучным дисциплинам и овладевает начальной методикой научных исследований (сбор фактического материала, его обработка и описание, документация)	Ботаника Зоология	
1 сентября 1850	Поступление на 1 курс медицинского факультета Киевского университета. Интерес к естественным наукам и геологии сохраняется. Большое влияние профессоров В. Бессера (ботаник), Р. Траутфеггера (ботаник), К. Кесслера (зоолог), К.Н. Феофилаков (геолог)	Медицина Ботаника Зоология Геология	

Продолжение табл.

1	2	3	4
1851 июль-август	Участвует в зоологических экскурсиях в Киевской и Подольской губерниях. Подготовил исследование на тему «Распространение сусликов», которое получило одобрение	Зоология Экология	Подготовил первую научную статью «Распространение сусликов в Киевской и Подольской губерниях»
1855	Подготовил два доклада и получил одобрение на их опубликование («Кристаллические породы Вольны» и «Фораминиферы Подольи»)	Геология Палеонтология	Подготовил научные статьи «Кристаллические породы Вольны» и «Фораминиферы Подольи»
1855 29 июня	Поступление и обучение на медицинском факультете Дерптского университета. Встреча и начало дружбы с Ф. Шмидтом и Б. Дыбовским, активное участие в кружке по естественному под руководством проф. К. Гревинчка	Общая геология Петрография Минералогия, Палеонтология	Разбирает и описывает петрографическую коллекцию
1856 23 октября —1857	Разбирает и описывает петрографические коллекции минералогического кабинета, где начинает работать с 23 октября 1856 г. Читает лекции по астрономии и углубленно изучает геологию		
1856	Участье в первой геологической экспедиции под руководством проф. К. Гревинчка на о. Эзель, в Эстляндию совместно с Ф. Шмидтом и Б. Дыбовским. Цель — изучение классических стратиграфических разрезов силурийских отложений и содержащейся в них фауны	Общая и историческая геология, стратиграфия, палеонтология	Исследование силурийских отложений Прибалтики. Открыт новый вид брюхоногого моллюска, определенный и названный Ф. Б. Шмидтом <i>Bellezophon Czekanowski</i>
1856 декабрь	Отчисление из Киевского университета		
1857	Поездка в Вольнскую губернию для сбора дополнительного материала о кристаллических породах. Подготовка научной работы для экзамена на звание кандидата геолого-минералогических наук	Общая геология, петрография	

Продолжение табл.

1	2	3	4
1857, 30 ноября	По собственному желанию увольняется из Дерптского университета. Возвращение в Киев		
1857–1863	Работа в частной телеграфной фирме «Сименс и Гальске» (Киев, Чернигов). Занят самообразованием — изучает английский язык, геологии и палеонтологией (обработка и определение окаменелых остатков фауны в коллекции Киевского университета)	Геология, палеонтология	
1863, январь	Участие в демократическом движении в Польше, членство в партии «красные». Встреча с комиссаром подпольного польского правительства Б. Дыбовским (знакомым по кружку естествознания в Дерптском университете). Начало восстания, его разгром. Арест. Попытка к освобождению. Новый арест		
ССЫЛЬНЫЙ ПЕРИОД			
1864, весна	Суд. Лишение всех дворянских и гражданских прав. Приговорен к каторжным работам сроком на 6 лет. Ссылка по этапу в Сибирь.		
1864, октябрь– декабрь	Пеший этапный путь в Сибирь до Томска. Томский тюремный лазарет — заболевание тифом. Во время дороги до Томска проводит научные наблюдения — сбор и описание коллекции насекомых.	Биология Ботаника	Сбор коллекции насекомых, в основном жесткокрылых, которую передал в Академию наук
1865, январь–май	Томский лазарет. Осложнения после тифа. Выздоровление и продолжение движения по этапу в Восточную Сибирь		
1865 май	Прибытие в Иркутск, затем — на место ссылки — дер. Сивакова на р. Ингода (Восточное Забайкалье)	Наблюдение за погодой	

Продолжение табл.

1	2	3	4
1866 начало	Переселение в С. Дарасун (Восточное Забайкалье)		
ПАДУНСКИЙ (АНГАРСКИЙ) ПЕРИОД			
1866 осень	Перемещение через Иркутск в с. Падуно, к северу от Братского острога, на р. Ангара (Иркутская губерния) Приезд в с. Падуно академика Б.Ф. Шмидта на встречу с А.Л. Чекановским (с разрешения генерал-губернатора). Передача ссыльным энтомологических и ботанических коллекций в Петербургскую Академию наук. Пополнение книг геологической литературы. Просьба Ф.Б. Шмидта к местным властям и населению об оказании внимания, поддержки и помощи ссыльным.	Геология, энтомология	
1866 — 1868	Научные занятия геологией, систематическими метеорологическими и ботаническими наблюдениями	Ботаника, геология, метеорология, биология (изучение шляпочных грибов), общая геология, стратиграфия, петрография магматических пород, четвертичная геология	Выполнены научные исследования по метеорологии, ботанике, микрофлористике. Подготовлены научные работы: 1 «Изучение западного воздушного потока и его влияние на все атмосферные явления», Падуно, март-апрель 1868 (на немецком языке) 2 «Осенние шляпочные грибы долины р. Ангары близ Падуно. Альбом зарисовок и описание» (на немецком языке) 3 «Геологические исследования долины р. Ангары на участке Падуно-Братск» а) составлена первая схема разреза силюрийских отложений — основа всех будущих схем силюра;

Продолжение табл.

1	2	3	4
1868 весна	Активная деятельность академика Б. Ф. Шмидта в записку А. Л. Чекановского, ходатайство Академии наук дали возможность переезду из с. Падун в Верхотленский округ Иркутской губернии, в деревню у с. Косая Степь		б) впервые встречены и описаны сибирские трапезы; в) изучены четвертичные отложения и геоморфология; г) выявлены новые полезные ископаемые; д) описаны проявления мерзлотных процессов
1868 май	Освобождение от каторжных работ. В качестве ссыльного поселенца перемещен в Манзурскую волость Верхотленского округа Иркутской губернии		
ИРКУТСКИЙ ПЕРИОД			
1868 сентябрь	По разрешению Петербурга и распоряжению Иркутского генерал-губернатора переезд в Иркутск для постоянного жительства и работы.	Общая геология, палеонтология, этнография	Разбор коллекций и составление каталога для музея Российского географического общества
1869 март	Начало работы в музее Сибирского отдела Российского географического общества — разбор и описание минералогических, палеонтологических и других коллекций музея, составление каталога. Начало геологических исследований Иркутской губернии.		
1868, 7–15 ноября	Поездка в пос. Лиственничное (оз. Байкал) для исследования выходов газа со дна Байкала	Геология, гидрохимия	Исследование выходов газа со дна Байкала (пос. Лиственничное)
1869 весна	Получено разрешение на поездки (с надзором) по югу Иркутской губернии — хребет Хамар-Дабан и др.		

Продолжение табл.

1	2	3	4
19 марта	Разрешение генерал-губернатора Восточной Сибири на поездку в Приамурье (экспедиция по изучению производительных сил) (поездка не состоялась)		
1869 лето	<p>В летний период проведены следующие экспедиционные поездки по югу Иркутской губернии:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Окрестности г. Иркутска и нижняя часть долины р. Иркут 2. Правобережье р. Ангары по рекам Куды и Балей до с. Усть-Балей, далее вверх по Ангаре до ур. Идак и вниз до Бурети. 3. По левобережью Ангары — обследованы реки Белая и Малая Иреть 4. В окрестностях пос. Култук (юго-западная часть Байкала) с экскурсиями в Хамар-Дабан по рекам Слюдянке, Талой, Быстрой. Осмотр побережья озера от Култукка до Ангалоски. Осмотр старых работ на месторождениях слюды-флогопита и лазурита. 5. По долине р. Кая 6. По западному берегу оз. Байкал от пос. Лиственничное до с. Голоустного, с заходами в Байкальский хребет по рекам Куде, Мурину, Оеку, Ользону. 7. Знакомление с геологией и геоморфологией Байлаганского округа — экскурсии по рекам Унге, Оке, Белой, Ирети. <p>В «Известиях Географического общества» опубликованы первые печатные работы о геологических исследованиях Иркутской губернии.</p>	<p>География, геоморфология, общая геология, литология юрских осадочных пород, палеонтология, изучение метаморфических и магматических пород докембрия, учение о полезных ископаемых</p>	<p>В результате исследований 1869 г. была разработана стратиграфия и юрский возраст угленосной формации. Высказаны взгляды на происхождение оз. Байкал и вывод о том, что «время поднятия хребтов на исследованном пространии приходится, несомненно, на после осаждения юрских пластов» (1870). Эти исследования заложили основы геоморфологии и неотектоники Хамар-Дабана, Байкальского хребта и впадины оз. Байкал, которые построены различно и имеют каждый самостоятельное происхождение. Отмечена асимметрия тектонического рельефа Прибайкалья. Было высказано предположение о геодинамике земной коры в районе пос. Култук: в Култуке происходит не поднятие уровня Байкала, а опускание самого берега, которому предшествовало явление поднятия берега, которое вывело из-под воды озерные наносы прибрежной низменности по р. Култучной.</p>

Продолжение табл.

1	2	3	4
1869 осень – 1870 зима	Обработка экспедиционных материалов по геологии Иркутского района. Изучение последствий наводнения на р. Ангаре 2–5 января 1870 г. Встреча А.Л. Чекановского и Я. Черского	Геология, гидрография, инженерная геология	
1870 лето – осень	Исследование месторождений лазурита в хр. Хамар-Дабан и геологии юго-западной оконечности оз. Байкал. Составлен отчет по геологии месторождений байкальского лазурита, высоко оцененный В.А. Обручевым и А.Е. Ферсманом	Учение о полезных ископаемых	
1870 30 декабря	Присуждение Малой золотой медали Географического общества за работы по изучению геологического строения Иркутской губернии		
Зима 1870- 1871	В дер. Култук, у Б. Дыбовского, в обществе польских ссыльных, производит обработку собранного материала по геологии лазурита и геологии южного Прибайкалья. Экспедиция в окрестностях пос. Култук		
1871 весна	Во время переезда из пос. Култук в Иркутск — изучение коренных выходов горных пород (кембрий, юра) в районе дер. Моты, Введенщина, Смоленщина	Литология, условия залегания осадочных пород палеозоя и мезозоя	

Продолжение табл.

	2	3	4
1871 лето	Поездка на р. Ангару для изучения порогов, сложенных сибирскими траппами (с. Падун) Изучение угленосных формаций в Верхленском и Балаганском округах Иркутской губернии Поездка в хр. Хамар-Дабан, далее к вершине Восточного Саяна — Мунку-Сардык, посещение оз. Косогол (Хубсугул-Далай)	Петрография магматических пород Литология мезозойских угленосных осадочных пород Общая геология, метаморфизм, геоморфология, география, ледниковые отложения	Исследования, проведенные в течение 4 лет, представляют собой первые региональные научные работы по геологии Прибайкалья, а сам исследователь является «основоположником региональной геологии Прибайкалья» (В. Обручев). Обширные комплексные геолого-палеонтологические исследования позволили ему сделать богатые находки юрской фауны (рыбы) и флоры (папоротники) в районах с. Усть-Балей, доказать, что угли на юге Иркутской губернии имеют юрский возраст, что поднятия современных горных хребтов в Прибайкалье происходили в послелюрскую эпоху. Разработаны стратиграфические схемы для
1872 4 февраля	Обращение А.Л. Чекановского к Иркутскому генерал-губернатору с просьбой о выдаче справки по поводу возвращения ему гражданских прав		
19 февраля	А.Л. Чекановский одобрил предложения академика Ф.Б. Шмидта об очередности проведения транссибирских экспедиций: 1-ая очередь — р. Нижняя Тунгуска, 2- р. Оленек		
Март-апрель	Выезд на р. Амур для изучения золотonosных россыпей (с. Покровское) и возвращение с Дальнего Востока	Полезные ископаемые, россыпи (золото)	

Продолжение табл.

1	2	3	4
Лето-осень-зима	<p>После поездки в пос. Култук и пребывания у Б. Дыбовского проведены геологические экскурсии вдоль южного побережья оз. Байкал, в хр. Хамар-Дабан, по рекам Тибельти, Тулка, Снежная. Проведен сбор семян сибирских растений для Петербургского сада Академии наук.</p> <p>Работа над монографией «Геологические исследования Иркутской губернии»</p> <p>Активная переписка с академиком Ф. Б. Шмидтом по вопросам организации Нижне-Тунгусской экспедиции. Совет Российского географического общества утверждает план работы первой экспедиции.</p> <p>Сообщение от Шмидта о назначении начальником экспедиции А. Л. Чекановского</p>	<p>Геоморфология.</p> <p>Общая геология</p> <p>Ботаника</p>	<p>юры и силура, а также выявлена последовательность тектонических движений, излияния лав и оледенения. Установлено, что районы Прибайкалья — испытывают и в настоящее время тектонические движения, а нынешний рельеф формировался под влиянием криоферных процессов</p>
25 декабря	<p>Окончание работы над монографией «Геологические исследования Иркутской губернии» — первой сводной работой по региональной геологии юга Восточной Сибири и Прииркутского района и первого библиографического обобщения результатов проведенных геологических исследований Восточной Сибири (до 1870).</p>		
ПЕРИОД ТРАНСИБИРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ			
1872 декабрь	<p>Начало подготовительного этапа к проведению Нижне-Тунгусской экспедиции</p>		
НИЖНЕ-ТУНГУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ			
1873 январь	<p>А. Л. Чекановским составлен и опубликован план работы экспедиции, где указано, что «стратиграфия — руководителю исследования. Утвержден состав экспедиции: А. Л. Чекановский (начальник, геолог), В. Ксенжопольский (коллектор), Г. Нахвальных (топограф), Ф. Миллер (топограф, астроном)</p>		

Продолжение табл.

1	2	3	4
конец марта	Выезд экспедиции из Иркутска по санной дороге до Киренска, дер. Подволошино, где началась подготовка к плаванию по Нижней Тунгуске. Изучение красноватых отложений.	География, геоморфология, гидрология, литология красноватых пород	Получены новые данные о литологии и стратиграфии красноватых отложений палеозоя бассейна верхнего течения р. Нижняя Тунгуска
25 мая 16 июня	Отплытие. После ледохода по большой воде экспедиция прибыла в Ербогачен, где состоялась встреча с опытным проводником Петром Голе Каплиным.		
начало августа	Остановка на устье р. Илимпеи, где впервые описана ярмарка местных жителей	этнография	
конец августа	Проложение маршрута без карт по реке и обследование береговых отложений нижнего течения Нижней Тунгуски	Геоморфология, картографические работы	
2 сентября	Экспедиция успешно достигла Туруханска. Сборы в обратную дорогу. Болеезнь участников экспедиции.		
29 сентября	Подъем вверх по долине р. Енисей. Прибытие в Енисейск, где была проведена предварительная обработка материалов, подготовка отчета, разбор коллекций.	География	
20 октября	Выезд по санной дороге в направлении к Иркутску		
5 ноября	Возвращение сотрудников и груза в Иркутск. Успешное завершение первой Транссибирской Нижне-Тунгусской экспедиции		
	ОЛЕНЕКСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ		
6 ноября 27 декабря	Иркутск. Подготовка ко второй – Оленекской экспедиции. Разработка и утверждение плана работы экспедиции		

Продолжение табл.

1	2	3	4
29 декабря	Отъезд А.Л. Чекановского и астронома Ф.Миллера по санному пути из Иркутска — начало Оленекской экспедиции	Геоморфология География	
1874 6 января	Прибытие в дер. Банциково (начало выхода на р. Нижняя Тунгуска), с. Подволошино		
6 января 15 февраля	Пребывание в с. Подволошино. Подготовка к экспедиционному маршруту на р. Оленек. Новая встреча с Петром Голе Каплиным		
16 февраля 8 марта	Переход на оленях Подволошино — стойбище Увочан (ур. Аякит)		
12 марта 9 апреля	Переход от Нижней Тунгуски по Копокиту до оз. Сюрунгна		
9–27 апреля	Переход в долину реки Мойеро (бассейн Хатанги) вместо р. Оленек	Гидрология, геоморфология	Информация о работе и результатах Оленекской экспедиции регулярно публиковались в виде «Писем к секретарю Географического общества» (2 письма в 1874 г., 1 — в 1875 г.). Участники экспедиции совершили маршрут по совершенно не изученной реке длиной более 1670 верст. Было установлено, что вся территория от р. Н. Тунгуска к р. Оленек и до р. Мойеро и далее сложена сибирскими траппами, аналогичными нижнетунгусским. Ближе к р. Оленек они сменились силурийскими отложениями, прорванными дайками траппов. По долине р. Оленек до тундры развиты отложения силура. В долине р. Лены (нижнее течение) наблюдались слои силурийских пород и красцветные песчаники, сходные с отложениями верхней части бассейна Н. Тунгуски.
27 апреля 6 июня	Подготовка к вскрытию реки, строительство плавсредств (лодка). Отправка оленей на стойбище	Наблюдения за метеословениями, геоморфология	
6 июня	Задержка экспедиции. Выяснение ошибочного направления маршрута. Возвращение оленей		
11 июня 28 июня	Переход от р. Мойеро до долины Велингне. Спуск по ней в долину до р. Верхней Томбы и выход до р. Оленек. На изменение маршрута затрачено 17 суток	Геоморфология общая геология	
28 июня 2 июля	Подготовка плота для плавания по р. Оленек	Картографические работы, съемка долины р. Оленек, Общая геология. Магнитические породы	

Продолжение табл.

1	2	3	4
2 июля 13 сентября	Начало и прокладка маршрута по р. Оленек, проведенные геологических работ, составление геологической карты. Трудности плавания (ветер, дожди)		В низовьях Лены развиты поля мезозойских пород, которые распространены до устья р. Оленек. Мезозойские осадки развиты между Леной и Верхоянском. Основные достижения Оленекской экспедиции:
30 сентября	Движение по воде прекратилось — Оленек замерз.		1. Открыта огромная область изверженных пород — траппов. 2. Полученные данные
20 октября	Члены экспедиции, передвигаясь на оленях и пешком вышли к устью р. Оленек к дер. Усть-Оленекская (Болкалах)		(стратиграфия, палеонтология) определяют возраст красноцветных песчаников, которые занимают половину долины Лены, верховья
21 октября 14 ноября	Переход в долину р. Лены (пос. Сигтях) и выход к Верхоянску. Изучение триассовых отложений в окрестностях города.		Тунгуски и значительную часть Ангары.
20 ноября 9 декабря	Прибытие в Якутск.		3. Установлен возраст — триас (по фауне и флоре) отложений, развитых на севере Сибири, в низовьях Оленека и Верхоянском хребте. 4. В долине р. Оленек впервые изучены четвертичные отложения.
5 января 1875	Завершение работ Оленекской экспедиции, возвращение в Иркутск.		
декабрь 1874	Выход из печати монографии «Геологическое исследование Иркутской губернии» (Записки СО РГО, т. XI, СПб, 1874)		
ЛЕНО-ОЛЕНЕКСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ			
1875 конец апреля-середина мая	Болезнь (рецидивы перенесенного тифа)		
25 апреля	Окончательное прощение А. Л. Чекановского. Освобождение от надзора полиции, возвращение всех прав дворянства, имущества и свободного перемещения по стране.		

Продолжение табл.

1	2	3	4
25 апреля	Отказ от проведения по рекомендации Совета Географического общества от экспедиции на р.р. Хатангу и Анабар. Обоснование — завершение третьей экспедиции на Оленек и Лёну. Совет РГО согласия и ассигнований не дал. На 1700 руб., взятых в долг, А.Л. Чекановский организует самостоятельную экспедицию.		
15 мая	Начало третьей Лено-Оленекской экспедиции. А.Л. Чекановский и З. Венгловский (польский политссылный) на почтовых лошадях выехали из Иркутска в Качуг (верховья Лены)		
17-31 мая	Плавание на почтовых лодках из Качуга до Киренска, далее до Якутска		
1-7 июня	Пребывание в Якутске. Подготовка к плаванию по Лёне (покупка большой лодки «десятерика» и ее оборудовании)		Результаты Транссибирской экспедиции (1873-1875 г.г.): 1. Экспедиция является самой богатой геологическими материалами и содержанием донесений географическому обществу, которые стали достоянием науки и картографии азиатской России. 2. Исследования экспедиции содержат уникальный материал для геологического разреза (маршрута) по Нижней Тунгуске, Оленеку, и Лёне длиной 9000 верст от Иркутска на юге до устья Лёны на севере и от Енисея до Лёны. Общая протяженность маршрутов более 25000 верст. Из них геологических — 9000, коллекции — около 4000 образцов. Открыта новая фауна кембрия, силура, карбона, перми, триаса, юры, палеогена. Открыты — залежи угля, графита, выходы минеральных вод.

Продолжение табл.

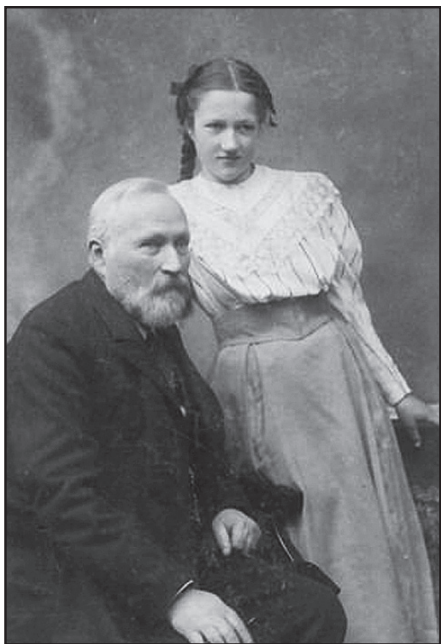
1	2	3	4
8 июня — 1 июля	Плавание по Лене до Жиганска. Плохие метеослос- вия — ветер, дожди.		
2 июля — 27 июля	Плавание от Жиганска до пос. Булун	Геоморфология, география, исто- рия исследова- ния Северного морского пути, геология кай- нозоя, морская геология	
31 июля — 26 августа	Начало маршрута по тундре на оленях к долине р. Оленек. Пересечение Лено-Оленекского водораздела. Описан невысокий горный край, которому позже при- своено имя А.Л. Чекановского		
26 августа	Выход экспедиции к побережью Северного Ледови- того океана — устье р. Оленек, пос. Улахан-Крест — место захоронения полярного исследователя В.М. Прончищева и его жены. Проведение экскурсий в устьевой части р. Оленек.		
Начало августа	Присуждение золотой медали на Международном географическом конгрессе в Париже за составленные географические и геологические карты		
28 августа — 18 сентября	Олений переход от устья р. Оленек до Будина на р. Лена	География, гео- морфология	
20 сентя- бря — 15 октября	Поездки А.Л. Чекановского в тундру, на запад с целью выяснения у местных жителей удобного пути в долины рек Хатанга и Анабар. Начало подготовки к Анабаро-Хатангской экспедиции		

Продолжение табл.

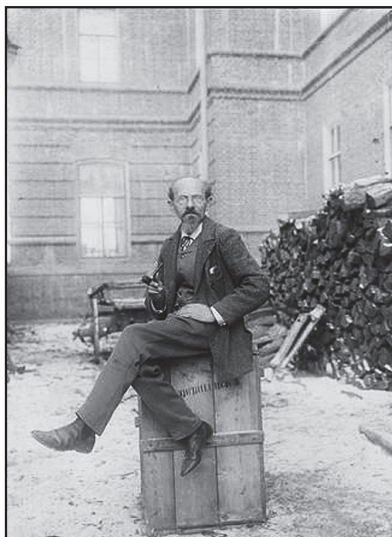
1	2	3	4
16–27 октября	Переезд Будин-Верхоянск. Сильные (–40 — 50 °С) морозы		
1 ноября — 1 декабря	Переезд Верхоянск-Якутск через Алдан на оленях и лошадях		
6 декабря — 30 декабря	Выезд из Якутска и возвращение в Иркутск. Завершение третьей транссибирской Лено-Олекминской экспедиции. 20 декабря — телеграмма Ф. Б. Шмидту — «Возвратился сегодня результаты обильны весьма интересны коллекции богатые успех совершенный пятьсот не получены Чекановский»		
30 декабря	Совет Российского географического общества обсудил представление Отделения физической и математической географии о награждении А.Л. Чекановского Константиновской медалью (из-за очередности решение отложено на год)		
1876 18 января	Получено разрешение на проживание в юго-западном крае		
26 января	Отъезд из Иркутска в Волынскую губернию		
12 февраля	Получено разрешение на свободное проживание в столицах и столичных губерниях		
ПЕРЕГБУРГСКИЙ ПЕРИОД			
начало марта	А.Л. Чекановский после 12-летней ссылки возвращается в Петербург, где его ожидал благожелательный горячий прием		
Февраль–март	Составление грандиозного проекта экспедиции для продолжения научных исследований в Сибири — план не утвержден		

Окончание табл.

1	2	3	4
весна	Принят на должность ученого хранителя в Минералогическом музее Академии наук, с отдельным кабинетом и сотрудниками		
лето	Работа над образцами и картографическим материалом р. р. Нижней Тунгуски и Лены. По итогам трех лет экспедиций написан краткий отчет Географическому обществу. Поездка в Швецию с коллекциями фауны триаса со Шпицбергена.		
Начало осени	Осложнение материального положения, долги, недооценка научного значения географических открытий в Сибири. Обострение нервной болезни (последствия тифа)		
30 (18) октября	В момент душевной депрессии покончил с жизнью		

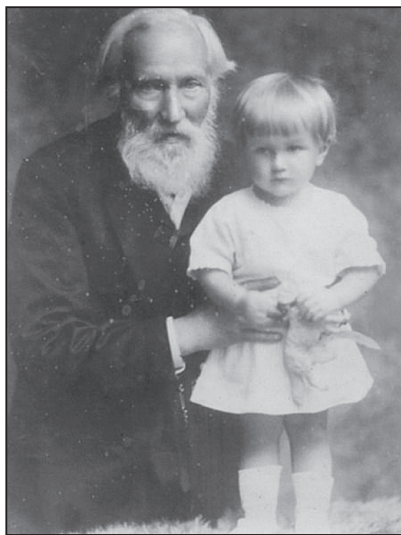
Бенедикт Дыбовский
с дочерью Яниной, Львов, б. д.,
Archiwum PAN

Фердинанд Каро, 1907,
Archiwum PAN

Бенедикт Дыбовский с семьей
(на первом плане слева направо:
Дыбовский, дочь Галина, жена Елена
(в девичестве Липницкая), на втором
плане брат Дыбовского Владислав),
Львов, ок. 1890, Archiwum PAN

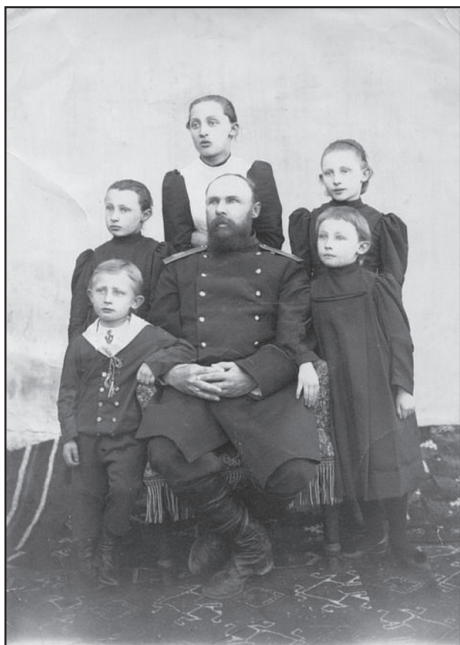
Бенедикт Дыбовский
с внучкой Дусей,
1925, Archiwum PAN

Мария Жарновская
(в девичестве Баневич)
и Бронислав Пилсудский,
1910, Muzeum Tatrzańskie im.
dr Tytusa Chałubińskiego

Бронислав Пилсудский
(сидит первым справа)
с братом Юзефом
(сидит вторым справа),
1885, Narodowe Archiwum Cyfrowe

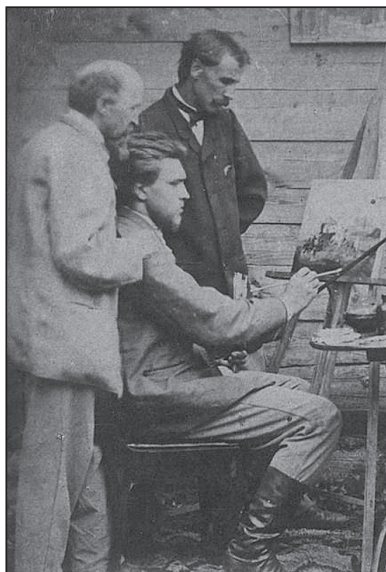
Леон Баршевский с детьми,
Самарканд, 1893,
КИС Коллекция Игоря
Строецкого

Кароль Богданович
(стоит в центре),
Охотско-камчатская экспедиция,
б.д., Muzeum Ziemi PAN

Карикатура
на Кароля Богдановича
в казино в Биаррице,
ок. 1936, Muzeum Ziemi PAN

Роман Швойницкий за работой,
ранее 1867, Archiwum PAN

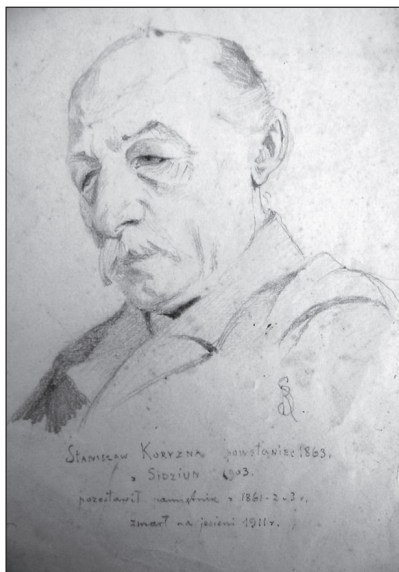

Рисунок Романа Швойницкого,
Archiwum PAN

Юлиан Талько-Хринцевич в группе профессоров (четвертый слева),
Трускавец, ок. 1925–1927, Narodowe Archiwum Cyfrowe

Сведения об авторах

Арванити Йоанна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Архива Польской Академии наук (Варшава).

Глушковский Петр — сотрудник Постоянного представительства ПАН при РАН, соискатель Российского государственного Гуманитарного университета, аспирант университета им. Николая Коперника в Торунь (Москва, Торунь).

Зуляр Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и политологии Иркутского государственного университета, (Иркутск).

Краевская Ханна — кандидат исторических наук, директор Архива Польской Академии наук (Варшава).

Корольков Алексей Тихонович — кандидат геолого-минералогических наук, доцент Иркутского Государственного Университета (Иркутск).

Леончик Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Гуманитарно-Естественного университета им. Яна Кохановского в г. Кельце, председатель «Полонии» г. Абакан (Абакан).

Мулина Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного Аграрного университета (Омск).

Полянская Оксана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

Пендрацкий Михал — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Истории науки Польской Академии наук (Варшава).

Петшкевич Дорота — научный сотрудник Института Литературных Исследований Польской Академии наук, аспирант Варшавского университета (Варшава).

Снопков Сергей Викторович — кандидат геолого-минералогических наук, член Русского географического общества, учитель географии средней школы (Култук).

Шостакович Болеслав Сергеевич — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, председатель Научной комиссии Конгресса поляков в России (Иркутск).

Чернов Юрий Алексеевич — профессор Иркутского государственного Технического университета (Иркутск).

Содержание

Предисловие	5
Изучение истории участия поляков в научном освоении Сибири: новейшие результаты и перспективы	6
<i>П. Глушковский</i> Современные польские исследования по истории Сибири (Викторья Сливовская и Антони Кучиньский)	9
<i>А. Т. Корольков</i> Два великих однокурсника: В. А. Обручев, К. И. Богданович	18
<i>С. В. Леончик</i> Максимилиан Маркс. Судьба польского ученого в енисейской ссылке	28
<i>С. А. Мулина</i> Центры польской жизни в Западной Сибири во второй половине XIX века	39
<i>М. Пендрацкий</i> Польские исследования культур Сибири в дореволюционной России	53
<i>С. В. Снопков</i> Бенедикт Дыбовский — исследователь Байкала	64
<i>Б. С. Шостакович</i> Владимир Болеславович Шостакович — представитель сибирско-польского рода, видный российский геофизик	74
<i>Й. Арванити, Д. Петшкевич</i> Сибирь — приёмная родина поляков	93
<i>Х. Краевская</i> Сибирская тематика в коллекциях Архива Польской академии наук. Деятельность Сибирской комиссии	114
<i>Ю. А. Зуляр</i> В. Ч. Дорогостайский — ученый, педагог и естествоиспытатель	118
<i>О. Н. Полянская</i> Вклад польских исследователей в развитие востоковедения в России	136
<i>Ю. А. Чернов</i> Александр Лаврентьевич Чекановский — польский землепроходец Сибири	144
Сведения об авторах	166

Польские исследователи Сибири

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*

Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел. / факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 21.04.2011. Формат 60x88 $\frac{1}{16}$
Усл. печ. л. 10,26. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №